

Камрин Харди

18+

Окно
призрака

Книжный клуб Мирай

Камрин Харди
Окно призрака

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харди К.

Окно призрака / К. Харди — «Издательство АСТ»,
2024 — (Книжный клуб Мирай)

ISBN 978-5-17-157444-4

В фотостудию Бернарда Макхью, больше известного как «фотограф из похоронного бюро», в ливень заявляется болтливый парень по имени Юэн, обладающий талантом притягивать неприятности. Он прямолинеен и на вид инфантилен, но Бернарда не сторонится, в отличие от остальных жителей. Бернард носит с собой амулеты, фотографирует заброшенные места, проявляет пленочные фотографии и видит кошмары наяву. Юэну становится любопытно, такой ли на самом деле фотограф странный, как о нем поговаривают...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157444-4

© Харди К., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Камрин Харди Окно призрака

Книжный клуб Мирай

© Copyright © Камрин Харди, 2023

© В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Мусаева (Wizzrd), иллюстрации в блок и на обложку

© Анна Фомина, иллюстрация для открытки

© ООО «Издательство АСТ», 2024

1

Фотостудию Бернарда Макхью было бы сложно найти, если не знать заранее, где искать. А об этом знал практически весь маленький городок, в том числе и Юэн, которому понадобилось в этот слякотный день сделать несколько фотографий на документы.

Юэн так и не смог разглядеть за стеной дождя невзрачную вывеску, сливавшуюся с почерневшей кирпичной кладкой. Более запоминающимся ориентиром служило то, что студия находилась по соседству с бюро ритуальных услуг, вернее, в одном с ним небольшом здании, но на втором этаже. Вчера, когда небо не низвергалось обильными потоками на Сент-Брин и его окрестности, Юэн уже предпринял попытку заполучить фотографии, однако наткнулся только на закрытую дверь и объявление, гласящее, что студия закрыта.

Он шагнул под козырек как раз в тот момент, когда дождь за спиной усилился и зашипел, словно рассерженный зверь, от которого сбежала добыча. Юэн потопал ногами по бетонной плитке раскрошившегося по углам крыльца, стряхивая воду и налипшую на подошвы кед грязь. Огляделся, стянул капюшон и, потянув массивную железную дверь, оказался в тускло освещенном помещении с лестницей и старым грузовым лифтом, огражденным решеткой.

«Тихо, как в море», – подумал Юэн и был, в общем-то, недалек от правды, так как этот самый морг находился этажом ниже, в подвале.

Представив, как из раскрывающихся со стальным грохотом дверей лифта с режущим слух скрипом колесиков выезжает каталка с белой простыней, накинутой поверх бездыханного тела, Юэн поежился. Он перевел взгляд на приклеенный к стене листок с надписью «фотостудия» и стрелочкой, указывающей на второй этаж. Дождь продолжал барабанить по крыше, звук шагов разносился гулким эхом, пока Юэн поднимался по лестнице и гадал, приехал ли в такую погоду фотограф, или сегодня студия тоже окажется закрыта.

Никакого объявления не обнаружилось, и, опустив ручку, он толкнул незапертую дверь.

В ожидании скрипа несмазанных петель Юэн зажмурился, однако дверь открылась тихо, и он оказался в просторном помещении с холодными стенами мятного цвета, кое-где обвешанными фотографиями разных форматов. Прямо напротив входа в конце помещения за рабочим столом с монитором сидел человек. За его спиной в окне виднелось хмурое небо и качающиеся на ветру кроны деревьев.

– Привет-привет! – звонко поздоровался Юэн и, прилежно вытерев ноги о коврик, направился к столу. – Хорошая погода сегодня, правда? Так бодрит!

Часть помещения оказалась огорожена с одной стороны плексигласом, а с другой, ближе к окну, сеткой, будто ни того ни другого не хватило и эту импровизированную стену соорудили из остатков. В комнате, изначально предназначавшейся, по всей видимости, для съемок, громоздились коробки, разное оборудование вроде светильников и штативов и задник для фото на морскую тематику. Судя по количеству хлама перед ним, его никогда не использовали. Огороженная комната, напоминавшая кладовую со всяким барахлом, с одной стороны была похожа на аквариум, с другой – на клетку.

– Что-то нужно? – обратился к Юэну сидевший за столом человек.

Юэн повернул голову и заметил настороженного парня в темно-зеленой толстовке – Бернарда Макхью. Они жили в одном городке, но не были знакомы официально. Пересекались редко, лишь на немногочисленных городских мероприятиях, где Бернард часто скрывался за

объективом своего фотоаппарата. Юэн знал, как выглядит фотограф, и то, что тот чуть старше его самого, но не имел ни малейшего понятия о том, что за человек этот Бернард. Даже в маленьких городках не все друг другу друзья.

– Мне нужно сделать несколько фоток, – Юэн подошел ближе и ткнул в сторону образца, прикрепленного прямо к сетке, будто фотография заключенного, не хватало только надписи «особо опасен». – Таких.

– Хорошо, – вздохнув, произнес Бернард и указал на стул, за спинкой которого был натянут белый фон, а перед ним стоял штатив с фотоаппаратом.

Юэн пригладил ладонью волосы, чтобы не падали на глаза, и сел на стул, смиренно сложив руки на коленях. Бернард включил лампу, наклонился к фотоаппарату и, попросив повернуть голову чуть влево и вниз, сделал пару снимков.

– Улыбнись хотя бы немного, не делай такое испуганное лицо, – не отрываясь от работы, велел он.

«Я бы улыбнулся, если бы тут в подвале находился какой-нибудь бар, но тут морг и очень темно, и я все никак не могу перестать об этом думать».

Юэн заерзал на стуле и попытался натянуть подобие улыбки. Уж что, а улыбаться он умел, даже если условия были не самыми комфортными. Послышалось несколько мягких щелчков. Взгляд Юэна сам собой скользнул с объектива на сосредоточенного на работе Бернарда.

– Слушай, – задумчиво начал Юэн, – а ты вроде не похож на ненормального.

Лицо Бернарда показалось из-за фотоаппарата с вопросительно приподнятой бровью.

– Прости, – примирительно выставив ладони, сказал Юэн, – но я тебе не открою Америку, если скажу, что в городе о тебе разные слухи ходят. Ты ведь и сам в курсе, так что тут нечего скрывать или делать вид, будто мы оба не понимаем, о чем речь.

Бернард выпрямился. Скрестив руки на груди и приподняв подбородок, он посмотрел на заерзавшего на стуле Юэна. Сквозь сдержанность на его лице промелькнули разочарование и отвращение.

– Так ты за этим сюда пришел? – раскатистым голосом спросил Бернард. – Поиздеваться надо мной и моим отцом? И как вам еще не надоело? – он коснулся фотоаппарата и с шумом выдохнул. Вся злость его, казалось, вышла с этим выдохом, оставив после себя надломленную усталость. – Шутка не зашла. Проваливай.

– Ты неправильно меня понял! – поспешил оправдаться Юэн, скрестив перед собой руки. – Я не имел в виду ничего такого. Мне не доставляет удовольствия издеваться над людьми. И здесь я ради фото на документы, а не для того, чтобы посмеяться над тобой. Правда!

Под недоверчивым и прожигающим взглядом Бернарда Юэн ощутил, как от щек отхлынула кровь, будто его обвинили в покушении на убийство. Когда на тебя смотрят так, уже и сам начинаешь сомневаться в себе. И все же этот парень-фотограф, пристроившийся по соседству с похоронным бюро, действительно выглядел мрачно. Юэн нервно покрутил кольцо на пальце. Однако прежде чем кто-либо из них открыл рот, помещение погрузилось во мрак.

– Что произошло? – вскочил Юэн, едва не повалив стул.

– Пойду проверю электрощиток. Здесь иногда выбивает пробки, – пояснил Бернард, и его черный силуэт на фоне окна сдвинулся с места.

В комнате сгустился серый сумрак, в котором удавалось распознавать мебель и другие вещи, а вот клетка-аквариум наполнилась тьмой, и очертания хлама складывались в жутковатые образы, как в детстве, когда просыпаешься в предрассветных сумерках и видишь вокруг только монстров.

– Тебе нужна помощь? – спросил Юэн и, не дожидаясь ответа, последовал за хозяином фотостудии. – Я пойду с тобой.

Бернард ничего не ответил, только достал телефон и подсветил дорогу. Дождь лил с самого утра, в новостях обещали грозу к вечеру, а электричество отключилось сейчас, очень

не вовремя. Оставалось надеяться, что это не из-за того, что где-то упало дерево и оборвало провода.

– Переступив через страх, ты должен, – напевал Юэн, не отставая от Бернарда, – шагнуть в темноту и встретиться с демонами, которым дал приют...

Судя по шуму барабанивших о крышу капель, дождь на улице усилился. Полумрак и гнетущая тишина в здании похоронного бюро навевали воспоминания о фильмах ужасов. Юэн не считал себя трусом, но испытывал дискомфорт, осознавая, что в подвале находился морг. Здесь пахло сыростью, какой-то химией и... *смертью*. А густая темнота вокруг норвила подступиться так близко, что Юэн едва ли не задыхался.

– Кажется, кто-то хочет, чтобы наш город смыло с лица земли, – нервно усмехнувшись, заметил он, стараясь разрядить обстановку, пока они спускались по лестнице. Берnard промолчал. – Слушай, – продолжал Юэн, – жутковатое местечко все-таки ты выбрал для своей студии. Запоминается, конечно, но потом не удивляйся тому, что на тебя так странно смотрят.

Юэн тоже достал телефон и подсветил себе путь. На лестнице было темно, ступеньки выглядели угрожающе, а ему хотелось сохранить свои кости и шею в целости и сохранности, чтобы не стать бездыханным постояльцем этого подвала.

– У нас в городе особо не разгуляешься, – спокойно ответил Берnard. – Спасибо мистеру Чилтону за то, что выделил мне место. В целом меня все устраивает, – он пожал плечами. – Я уже привык.

Спустившись, они обошли лифт с другой стороны. Юэн даже не подозревал, что там находилась решетчатая дверь, за которой прятался щиток.

– Надеюсь, из-за отключения электричества не разблокируются замки, которые удерживают мертвецов в морге? – спросил он, косясь на лифт, пока Берnard осматривал щиток.

– Там сейчас никого нет.

– Какая удивительная осведомленность для человека, который тут владеет только фото-студией, – с подозрением протянул Юэн, рассматривая своего нового знакомого.

– В небольшом городе всегда знаешь, когда кто-то умирает. Иногда Виктор Чилтон просит о помощи, – сказал Берnard. Раздался щелчок, и свет зажегся. – Просто выбило пробки.

– Просит помощи со вскрытием? – нервно усмехнувшись, спросил Юэн и затаил дыхание в ожидании ответа. Разные мысли полезли в голову, в основном о том, что этот парень может оказаться еще более странным, чем о нем поговаривают. Хотя на первый взгляд он выглядел вполне нормальным. Немногословный и мрачноватый, но это не назовешь странностью, всего лишь черты характера.

– Нет, не угадал, – повернувшись в сторону Юэна, ответил Берnard, и впервые на его лице появилось что-то вроде намека на улыбку – краешки губ его едва приподнялись. – С более примитивными вещами.

– Кстати, где он сейчас? Этот Виктор Чилтон. Или отключение электричества его не беспокоит?

– Уехал с клиентом утром и сегодня больше не появится, – сказал Берnard. Подобие улыбки сошло с его лица, и секунды две он молча смотрел на Юэна, а Юэн пялился на него. – Так тебе нужны фотографии?

«Какие фотографии?» – хотел спросить Юэн, не сразу сообразив, что тот имел в виду.

Он задумался над фразой «уехал с клиентом» – с живым или нет? Или, скорее всего, с тем и с другим. Отмахнувшись от этих мыслей, Юэн промышал что-то неразборчивое и утвердительно кивнул.

– Тогда пойдем, пока пробки не выбило снова. Чем быстрее все сделаем, тем лучше, быстрее уйдешь отсюда.

– Не очень-то ты гостеприимен... – пробурчал Юэн, двигаясь за фотографом и прожигая взглядом его спину.

- Ты что-то сказал? – обернувшись через плечо, спросил Бернард.
- Классный лифт, говорю.

На обратной дороге Юэн помалкивал и обдумывал символичность того, что сегодня кого-то хоронили, а на улице в честь этого лил дождь. Наверное, этот кто-то был хорошим человеком, раз даже небеса о нем плакали.

- Черт, – выругался Бернард, открыв дверь студии.

Юэн вытянул голову и выглянул из-за его плеча, пытаясь понять, что могло вызвать такую реакцию. На единственном окне, позади стола с компьютером, появилась какая-то надпись. И это было крайне странно, потому что они находились на втором этаже. Написана она была наоборот, то есть со стороны улицы, поэтому не сразу удалось ее прочитать. Бернард кинулся к окну и распахнул его, хмуро смотря на надпись. Он потянулся рукой, вероятно, желая сразу же ее стереть рукавом толстовки, но не решился.

– «Ненормальный»? – прочитал Юэн и, приблизившись, заметил несколько фигур, убежавших по дороге, расплескивая лужи.

Через открытое окно доносились отголоски их хохота, смешанные с шумом дождя.

- Придурки, – сквозь зубы процедил Бернард, смотря вслед хулиганам.
- Стой, это же... – удивленно прошептал Юэн и интуитивно сделал шаг назад.

Однако нога его поскользнулась на натекающей со стекла луже, и он, взмахнув руками, покрутился в попытке удержать равновесие, но не устоял и полетел прямо в стол.

2

Голову пронзила боль. Особенно сильно болело над глазом, но мысли настолько перемешались, что дезориентированный Юэн не мог даже понять, над каким именно. Да и вообще – что произошло? И что за звук? Похоже на аплодисменты. Он на сцене? Откуда тогда боль? Неужели в него опять бросили бутылку?

Юэн заворочался и понял, что прижимается к чему-то твердому. Откуда-то веяло прохладой и сыростью. Нет, это не аплодисменты, это шум дождя. Раздался другой звук. Короткий и знакомый. Вот снова! Похоже на щелчок. Щелчок затвора фотоаппарата. Точно! Он же пришел в студию сделать несколько фотографий, только что произошло? Почему он лежит на... полу?

Юэн открыл глаза и увидел направленный прямо ему в лицо объектив.

– Ты что, тренируешься быть криминалистом? – недовольно пробубнил он, отталкиваясь от пола. – Зачем ты, черт возьми, меня фотографируешь? – Юэн присел и оперся спиной о ящики стола. Голова болела так сильно, что каждое слово давалось с трудом.

«Этот парень совсем спятил, что ли?» – пронеслось в мыслях. Внезапно накотившие страх и беспомощность сдавили внутренности.

– На всякий случай, чтобы ты потом не обвинил меня, будто это я тебя избил, – без капли сарказма ответил Бернард, опустив фотоаппарат. – Ты как? Жив? Признаться честно, я удивлен, как ты вообще стол не снес.

– А что случилось-то? – протянул Юэн и, тронув бровь над правым глазом, обнаружил кровь на пальцах. – Ого! Это...

– Не трогай. Я сам не понял, все произошло очень быстро. Кажется, ты поскользнулся. Подожди, я сейчас принесу аптечку, – удивительно спокойным тоном произнес Бернард и, оставив фотоаппарат на столе, отошел.

Юэн вытянул ноги и заметил лужу, из-за которой предположительно и упал. Через открытое окно порывистым ветром заносило капли дождя. Хмурое небо вдалеке прорезали яркие ломаные линии молний. Вот и обещанная гроза, хотя грома еще не было слышно. Он дышал ртом, делая глубокие вдохи. Казалось, что свежий, прохладный воздух уменьшал боль.

Слово «ненормальный» на распахнутом окошке читалось теперь правильно, а не наоборот. Подтеки черной краски придавали надписи зловещий вид. Юэн фыркнул, вспомнив, как убегали по дороге причастные к ее появлению фигуры.

Вернулся Бернард с аптечкой и присел на одно колено, загородив собой вид на надпись. Над его плечом в небе вновь вспыхнула молния. Юэн потянулся к коробочке с красным крестом на крышке.

– Давай сюда и напомним, где у тебя тут зеркало? Я что-то совсем память потерял...

– Там, – указал Бернард куда-то поверх стола, Юэн только посмотрел на его вытянутую руку. – Но оно сейчас завешено, смотреться в него нельзя.

– Ага, заве... Что-о? – изумился Юэн, согнув одну ногу в колене и подтянув ее к себе. – Почему нельзя? Ты мне запрещаешь?

– Есть такая традиция – завешивать зеркальные поверхности, когда кого-то хоронят.

– Мне такая традиция не знакома, – сказал Юэн. Боль постепенно стихала, развязывая ему язык. – А ты, значит, суеверный? Веришь во всякие приметы, соблюдаешь традиции, да?

– Не сказал бы. Но хозяин похоронного бюро верит, а я нахожусь на его территории, так что просто уважаю его убеждения. Он попросил делать так.

Юэн нахмурился, пытаясь осмыслить все это, но голова снова разболелась, и он решил подумать об этом в другое время. Он проследил, как Бернард порылся в аптечке, нашел одноразовые перчатки и с видом хирурга, готовящегося к сложной операции (или патологоанатома, готовящегося к вскрытию), натянул их на руки. Юэн нервно слотнул, облизнул губы и почувствовал привкус крови на языке. Еще и губу разбил, когда пытался протаранить стол. Замечательно. Красавчик.

– Хозяин похоронного бюро – суеверный человек, – эхом повторил Юэн и усмехнулся. – Со своими ритуалами и традициями. Такого я не ожидал. Как много интересного я узнал о жителях нашего города всего за один день. Надо было раньше заглянуть к тебе в студию...

– Ты много болтаешь.

– Да, и что?

– Ничего. Теперь желательно не двигайся, – попросил Бернард, вооружившись смоченным в антисептике кусочком ваты.

– Но...

– Помолчи пару минут.

– Я постараюсь.

Юэну ничего не оставалось, кроме как закрыть рот и сидеть смирно, пока Бернард обрабатывал пощипывающую рану. За его головой маячила надпись, из-за которой они оба оказались в таком положении. Юэн отметил, что глаза у Бернарда под цвет его толстовки – темно-зеленые – или, скорее, под цвет листвы, колышущейся от порывов ветра в дождливый день. Коротко улыбнувшись ассоциациям, Юэн кашлянул и вновь облизнул губы.

– Так что там за традиция с завешиванием зеркал? – спросил он, потому что уже не мог так долго молчать.

Бернард посмотрел ему в глаза.

– Пары минут не прошло.

– А я и не обещал молчать, просто сказал, что постараюсь. Не получилось, – он широко улыбнулся, и ему показалось, что уголки губ Бернарда тоже дрогнули. Едва заметно.

Бернард кинул окровавленную ватку в пустой полиэтиленовый пакет, затем оторвал новый кусочек и, смочив его дезинфицирующим раствором, повторил операцию.

– Виктор Чилтон рассказывал, что так делают, чтобы дух усопшего не испугался своего отражения, хотя существует и несколько иных версий. Например, что зеркало – это портал в потусторонний мир. Когда кто-то умирает, «мертвая» энергетика усиливает этот портал, и что нечистая сила может утянуть к себе как душу покойного, так и того, кто посмотрится в зеркало.

– Ого, звучит серьезно и опасно, – усмехнулся Юэн. – Хотя больше похоже на детские страшилки.

– Это традиция, ритуал. Не думаю, что люди делают это из страха. Просто, – Бернарда пожал плечами, – дань уважения усопшему. Как-то так.

Еще один кусочек окровавленной ваты полетел в пакет. На этот раз Бернард достал влажную салфетку и принялся вытирать кровь со щеки Юэна. Они встретились взглядами.

– Кровь вроде больше не течет, – сообщил Бернард. – Тебе повезло, что рана небольшая, хотя место неудачное, заживать будет долго.

Он достал пластырь и финальным штрихом наклеил его Юэну на правую бровь. Раздался отдаленный раскат грома.

«Ненормальный?» – будто бы спросила надпись, мелькавшая на заднем плане. Юэн задумался, изучая каждое движение Бернарда и черты его лица.

– Это все, что я могу сделать, – сказал Бернард, протягивая ему влажные салфетки. – На всякий случай сходи к врачу. Проверь голову. Или что там обычно советуют?

– Да, – кивнул Юэн и, оттерев кровь с ладоней, кинул использованные салфетки в пакет к окровавленной вате.

Туда же отправились синие одноразовые перчатки, которые Бернард стянул одним движением с какой-то профессиональной ловкостью. От этого зрелища у Юэна внутри все похолодело, а мысли вновь закружились вокруг морга в подвале. То ли этот парень чего-то недоговаривал (конечно, он не будет откровенничать с первым встречным), то ли от столкновения со столом мысли окончательно смешались в кашу и выстраивали странные связи, которых в реальности быть не могло. Юэн поднялся и пошатнулся – чувство равновесия подшутило, отозвавшись тянущей болью в голове. Бернард осторожно коснулся его плеча.

– Держись?

– Держусь, – кивнул Юэн. – Спасибо, док. Подлатал. Теперь я снова готов биться за справедливость. Даже со столами.

Бернард тяжело вздохнул, но Юэн заметил, как тот едва заметно улыбнулся, явно оценив очередную глупую шуточку.

– Что будешь с этим делать? – сам не понимая для чего, спросил Юэн, указав на пакет с окровавленной ватой.

– Сожгу, – ответил фотограф и наконец закрыл окно – надпись снова стала зеркальным отражением себя.

– Правильно, а то не хотелось бы всюду оставлять свою ДНК.

Юэн потоптался на месте, проверяя, как чувствуют себя после падения остальные части тела. Немного побаливало плечо и голеностоп, но вроде ничего критичного.

– Так что там с фотографиями? – спросил он, и в этот момент в глазах у него потемнело. Юэн отклонился назад и коснулся ладонями кромки стола. Так все-таки он сильно ударился или просто резко встал? Однако через мгновение он понял, что это не ему стало плохо, а свет в помещении погас. – Опять? Seriously?

На этот раз в комнате стало еще темнее, чем раньше. День клонился к вечеру, и грозовые тучи, угрожающе сверкая молниями, надвигались на город. От раскатистого удара грома задребезжали стекла. Черный силуэт Бернарда прислонился к окну. Юэн задышал глубже, пытаясь справиться с накатившей тревогой.

– Не знаю, – произнес Бернард. – Пойду проверю на всякий случай. Оставайся тут. Не ходи за мной, – он вернул на место откатившееся в сторону кресло. – А то еще с лестницы полетишь. Собрать потом тебя...

– Какая забота, – вздохнул Юэн и плюхнулся в предложенное кресло. Он был только рад никуда не ходить.

Как только дверь за Бернардом закрылась, Юэн покрутился на кресле в одну сторону, затем в другую, обвел взглядом погруженное во мрак помещение, стараясь не смотреть на клетку-аквариум с хламом. Голова и бровь продолжали побаливать, но общее состояние было ощутимо лучше, ранка на губе тоже подсыхала.

Юэн перевел взгляд на оставленный на столе фотоаппарат. И зачем Бернарду понадобилось его фотографировать? Ладно, парень все-таки со странностями. Заметив надпись «ненормальный» на полу перед столом, Юэн нахмурился. Когда успела появиться еще одна надпись? Они размножаются? Он оглянулся назад, на окно. Нет, это всего лишь тень, падающая на пол. И почему она попадает в поле его зрения, когда он задается вопросом о вменяемости хозяина студии? Божественное провидение или весточка от какого-нибудь духа, ради которого завешивают зеркальные поверхности? Юэн настороженно прислушался и потянулся к фотоаппарату.

Вообще-то, он не давал разрешения себя фотографировать. Хотя, когда очнулся, он мало что соображал, все было как в тумане. Может, ему всего-навсего показалось, а Бернард просто подшутил над ним. Но кто шутит в такие моменты? Ну да, точно, он же со странностями. Юэн взял фотоаппарат, повертел его в поисках дисплея с кнопками и случайно на что-то нажал. Раздался щелчок.

– Черт...

Юэн не сильно разбирался в технике для съемок, но догадался, что это не цифровой фотоаппарат, а достать и уничтожить пленку, на которой могли быть важные для Бернарда фотографии, не рискнул. Не придумав ничего дельного, он вернул фотоаппарат на место. Как раз вовремя, потому что дверь в конце комнаты открылась, и вернулся хозяин студии с телефоном в руках в роли фонарика.

– На этот раз дело не в пробках. Причина в чем-то другом. Может, где-нибудь порвались провода или молния ударила в трансформатор, – сообщил он, подходя к столу. Юэн изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, будто он ни разу даже в мыслях не думал трогать чужой фотоаппарат. – В общем, в ближайшее время я все равно не смогу распечатать твои фотографии, так что приходи завтра.

На несколько секунд воцарилась тишина, которую разбавил сильный раскат грома, от чего содрогнулось все здание и вновь задребезжали стекла. Юэн поднялся с места.

– Что ж, раз так, то мне действительно лучше уйти, – чуть прихрамывая, он обошел стол. – А ты нигде не запишешь мое имя?

– Я тебя запомнил.

– Конечно же, запомнил, – усмехнулся Юэн. – Не каждый таранит твой стол.

Он махнул на прощание и направился к выходу.

– Подожди, – Бернард с рюкзаком в руках нагнал его почти у самой двери и, светя перед собой телефоном, снял с вешалки джинсовую куртку. – Без электричества мне в студии делать нечего.

– Сочувствую.

– Ты собираешься идти пешком в такую погоду?

– Ну да, летать я пока не научился.

– Я могу тебя подвезти.

– Мне начинает нравиться здешнее обслуживание.

Юэн не стал отказываться от такого выгодного предложения. К тому же дороги, кажется, уже превратились в реки, а его кеды вымокли насквозь. По лестнице он спускался медленно, придерживаясь одной рукой за стену. Шедший впереди Бернард иногда останавливался и обобщался.

– Иду я, иду. Не надо смотреть на меня как на инвалида. Я просто очень аккуратен. Делаю все возможное, чтобы тебе не пришлось потом меня «собирать», – съязвил Юэн, передразнивая Бернарда. – И почему эти ступеньки сейчас выглядят страшнее, чем в прошлый раз?

Бернард промолчал. Может быть, он чувствовал себя виноватым в случившемся? По крайней мере, на его лице ничего нельзя было прочесть. Парень выглядел спокойным, даже безэмоциональным, хотя эмоции у него имелись, как и у любого нормального человека. Об этом красноречиво говорил тот его взгляд – холодный и суровый, – когда Юэн начал болтать про слухи.

Когда они вышли на крыльцо и Бернард закрыл дверь на ключ, он попросил Юэна следовать за ним. На улице творилось что-то невообразимое, у погоды будто окончательно испортилось настроение, и она превратилась в психованного подростка. Вода потоком неслась по асфальту, смывая мелкие ветки и опавшие листья, ветер хлестал по лицу и до треска гнул деревья, вспышки молний одна за другой озаряли черневшее небо, оглушающие раскаты грома проносились над головой, и казалось, что небо вот-вот просто рухнет. Если бы сейчас разверзлась земля и из расщелины поползли бы твари и демоны, Юэн даже не удивился бы.

Прикрываясь руками от буйства стихии, они обошли здание, где стояла машина Бернарда, и уже через пару минут ехали по дороге, слушая мелодию барабанивших по крыше капель. Юэн успел промокнуть до нитки. В машине было тепло, и от одной только мысли о том, что придется выйти обратно в этот холодный мокрый ад, хотелось вжаться в кресло и остаться. Хотя этот странноватый парень с темно-зелеными глазами наверняка будет против.

Юэн покосился на водителя и заерзал на сиденье, дотронулся до кольца на пальце. Оно скользило во влажных от дождя руках. Юэн покрутил его несколько раз и, не в силах больше сдерживаться, сказал:

– Те ребята, что сделали эту надпись...

– Очередные придурки, – с неприязнью отозвался Бернард, не отвлекаясь от дороги.

– Ну да, – кивнул Юэн. Он хотел сказать кое-что еще, но передумал и спустя пару секунд сказал совсем другое: – Значит, такое случается не впервые?

– Время от времени. Не прям такое, но...

– Не знал, – сглотнул Юэн. – Это, должно быть, неприятно. Я бы был в ярости. Догнал бы этих уродов и ткнул бы их лицом в эти надписи. Ты будешь заявлять на них в полицию?

– Это всего лишь хулиганство, – устало произнес Бернард, неприязнь в его голосе куда-то испарилась. – Я давно перестал злиться на подобное. Просто... – он умолк, покосившись в сторону своего пассажира, – иногда это все же раздражает.

– Ясно, – бесцветно ответил Юэн. – Останови, пожалуйста, вон там.

Машина сбавила ход и затормозила, «дворники» продолжали смахивать льющуюся с неба воду. Совсем рядом сверкнула молния, раздался раскат грома, и у пары стоявших неподалеку автомобилей взвыла сигнализация.

– Спасибо, что подвез. И кстати... – начал Юэн, но умолк на полуслове.

Он вспомнил, как случайно сделал фотографию, пока Бернард выходил проверить электричество.

Бернард повернулся к нему с вопросительным выражением лица. Каштановые волосы его немного поблескивали от дождя. Щеки чуть зарумянились в теплом салоне машины.

– Что?

Юэн вновь коснулся кольца на пальце и прикусил губу.

– А ладно, ничего, – ответил он и вышел из машины, подставляясь под холодные потоки.

3

Фотографии были еще теплыми, когда Бернард достал их из принтера. Всмотрелся, проверяя качество печати, и, положив в конверт, бросил на край стола. Когда дело касалось обычных фотографий на документы, он редко обращал внимание на само изображение, только проверял, чтобы все соответствовало требуемому формату. Частично то же самое он ощущал,

когда его просили обработать фотографии, подправить внешний вид, убрать что-нибудь лишнее, случайно попавшее в кадр, добавить красивый фон и так далее.

Поначалу ретушь в графическом редакторе казалась увлекательной. Бернард убирал несовершенства изображения и делал его более привлекательным, «гладким», не совсем реалистичным, но приятным глазу. Однако в последнее время он все чаще чувствовал себя подавленным и усталым, когда в очередной раз высветлял чьи-то синяки под глазами, «приглаживал» выбившиеся волоски или вместо обычного городского фона вставлял что-нибудь экзотическое.

Казавшиеся ранее творческими манипуляции с фотографиями теперь воспринимались чем-то обыденным и скучным. К тому же в студии с каждым разом появлялось все больше и больше дел, которые не терпели отлагательств: проверять запасы пленок, бумаги, картриджей для принтера и других расходных материалов, в конце концов, надо было разобрать хлам, громоздившийся в огражденной комнате. Да и сами заказы Бернард предпочитал выполнять качественно. Зарабатывать плохую репутацию он тоже не собирался. Особенно когда эта репутация и так далеко не идеальная. Он стал чаще уставать.

Бернард взглянул на наручные часы, затем проследил за одинокой каплей чая, стекавшей по дну чашки, и с тяжелым вздохом кликнул по иконке графического редактора. С монитора, светясь счастливыми глазами, на него смотрела пара: блондинка с темнеющими корнями волос, губы которой были ярко обведены по контуру, и мужчина с пухлыми щеками. Этот самый мужчина, имени которого Бернард не спросил, два дня назад пришел в студию и попросил обработать фотографию для последующей печати на холсте.

– Хочу сделать жене подарок на годовщину нашей свадьбы, – сказал тогда клиент. В реальности его щеки были еще пухлее, и, судя по сбивчивому голосу, он сильно запыхался, пока поднимался в студию.

– Конечно, без проблем, – ответил Бернард, не разделяя энтузиазма клиента, – для каких целей люди приносили фотографии, ему было все равно.

Для него это была всего лишь работа, и с таким предложением к нему обращались уже не единожды, хотя каждый раз Бернард отмечал, что никогда не сделал бы такое для себя или кого-то близкого – искренние эмоции не нуждаются в графической ретуши и ярком, симпатичном фоне.

Впрочем, все упрощалось еще и тем, что он ни с кем не встречался и не испытывал потребности в чьей-либо компании. У него было увлечение – фотография, – на которое уходило все свободное время. Этого вполне хватало.

Подперев голову рукой, он щелкал мышкой и пытался довести фотографию до состояния, которое хотел видеть заказчик. Механическая работа заставляла Бернарда задумываться о том, что он делает со своей жизнью что-то не то. Однако это входило в его обязанности и материально поддерживало студию. Благодаря этим заказам Бернард мог заниматься фотографией в свое удовольствие, в свободное время отснимать пленку за пленкой, а потом закрываться в проявочной и наблюдать, как под красным светом проступает изображение на поверхности светочувствительной бумаги.

Закончив с фотографией парочки, Бернард достал из рюкзака две катушки с пленкой и положил их в нижний ящик стола, где накопилось уже с десятков их близнецов, если не больше. Только за последние сутки он отснял две полные пленки. Первая катушка ушла на вчерашнюю бурю. Деревья, гнущиеся от шквалистого ветра, молнии, рассекающие небосвод, вспученные тучи, силуэты в окнах на фоне теплого света – Бернард был уверен, что половина снимков не получится, – гроза набежала моментально, погрузив город во мрак, однако несколько кадров точно окажутся великолепными. В этом, в том числе, и заключалась вся прелесть пленочной фотографии, да и фотографии в целом – можно сделать много-много фото и получить всего парочку хороших снимков, но испытываемые при этом эмоции не сравнимы ни с чем. Ты будто

золотоискатель, долго и нудно до боли в ногах и руках просеиваешь песок, грязь и камни, чтобы найти крошечную золотую крупинку, и когда находишь ее, начинаешь плясать от радости.

Вторую пленку он отснял утром. После истерики, обрушившейся штормовым ливнем, погода выдохлась и успокоилась. Даже будто впала в кому. Бернارد специально выехал с утра пораньше, чтобы успеть запечатлеть тишину и покой. Листья не колыхались, будто застыли, как искусственные, отмытые дождем и местами еще поблескивавшие. Лужи на асфальте казались разбросанными осколками зеркал, а вязкий туман клочьями застрял в тонких ветвях засохших деревьев. Бернارد даже обошел здание похоронного бюро, чтобы сфотографировать оставленную хулиганами надпись на своем окне. Выглядело это жутковато, но ее стоило запечатлеть, прежде чем стереть.

Удивительно, кому-то было не страшно подниматься по проржавевшей пожарной лестнице, а потом, прижимаясь к стене, продвигаться по узкому кирпичному выступу, чтобы букву за буквой вывести слово на стекле, рискуя в любую секунду упасть. И все это ради того, чтобы досадить человеку, с которым, вероятно, они даже не были знакомы лично. Возможности людей, направленные в неверное русло, иногда поражали.

Значит, раздумывал Бернارد, фотографируя пустующее здание похоронного бюро, в основе этого поступка, как обычно, лежала не ненависть, а желание почувствовать себя сильным, посмеяться над не таким, как все, и руководил хулиганами банальный страх. Если люди продолжают сторониться Бернарда и говорить о нем – они все еще испуганы. Боятся, что что-то «ненормальное» может случиться и с ними.

Захлопнув нижний ящик с пленками, Бернارد осмотрел помещение. За сегодня ни одного клиента. Даже тот инфантильный тип еще не явился за снимками. Может быть, они были ему не нужны, и он пришел только поглазеть на «фотографа из похоронного бюро».

«А и ладно, – подумал Бернارد, вставая с кресла и поглядывая в сторону очищенного от надписи окна, – не он первый, не он последний. Будет даже лучше, если он не придет. Да и в целом, если никто не явится до обеда, то во второй половине дня можно, наконец, заняться проявкой накопившейся пленки».

Он потянулся, разминая затекшие мышцы от сидячей монотонной работы, и подошел к завешенному тканью зеркалу.

«Чуть не забыл», – подумал он и потянул ткань за край.

Стоявших за спиной призраков в отражении не появилось. Душа умершего, которой в фотостудии делать было нечего, если только она не заблудилась, сейчас должна была уже уйти в мир иной. Так объяснял Виктор Чилтон, владелец похоронного бюро. В самый первый день их знакомства этот мужчина, по возрасту годящийся Бернardu в отцы, попросил завешивать зеркала, пока усопших не предадут земле. Говорил он это с мягкой настойчивой улыбкой, смотря прямо в глаза, и рассказал суть традиции, о которой Бернارد прежде ничего не слышал. Виктор же, будучи ребенком, жил в другой стране, где подобная традиция соблюдалась, что с малых лет въелось в его сознание.

Бернارد не стал тогда перечить старику, который выделил ему второй этаж, а также помог организовать темную комнату для проявки пленок и фотографий. Следовать этой безобидной традиции – это меньшее, что мог сделать Бернارد в качестве благодарности. Помимо всего прочего, Чилтон запрашивал весьма скромную сумму за аренду. Да и в целом Виктор с самой первой встречи относился к Бернardu адекватно, не обращая внимания на странные слухи о нем и его отце. Возможно, потому что и самого владельца бюро ритуальных услуг считали чудаковатым – не каждый способен изо дня в день прихорашивать мертвецов и контактировать со смертью так тесно, но ведь кто-то должен этим заниматься? Не каждый возьмет на себя подобные обязательства. Необходимы стальные нервы.

Бернارد сложил ткань и положил на тумбочку рядом, посмотрел на свое отражение в зеркале. Под глазами углубились синяки. Ему самому не помешала бы ретушь, только в реаль-

ности. Если бы можно было с такой же легкостью, как это делается в графическом редакторе, стереть с лица следы усталости, он бы воспользовался этим приемом.

А еще в отражении маячил хлам, который давно следовало разобрать. И зачем он только тогда согласился принять все это, когда по итогу ничем толком не воспользовался?

В кармане толстовки завибрировал телефон. Увидев на дисплее имя, Бернард тяжело вздохнул, подавил желание сбросить звонок и почувствовал, как новая порция усталости, вызванная нежеланием разговаривать с этим человеком, опустилась на плечи.

– Здравствуйте, мистер Ньюмен, я вас слушаю, – ответил он, краем глаза заметив, как дверь в студию приоткрылась и в помещение вошел вчерашний темноволосый парень.

«Очень вовремя».

Парень застыл у входа и выжидающе посмотрел на Бернарда. Пластырь по-прежнему красовался у него над глазом, напоминая о недавнем инциденте.

– Я вас понял. Конечно, сделаю. Постараюсь приехать как можно скорее, – сказал Бернард, отключился и положил телефон обратно в карман.

– Привет. Я пришел за... – начал было парень, сделал шаг вперед и в смятении покосился в сторону огражденного помещения, но Бернард его перебил.

– Помню, – кивнул он, подошел к столу и протянул клиенту конверт. – Посмотри, все ли тебя устраивает.

Бернард обошел рабочий стол, уселся в кресло и достал из верхнего ящика толстую тетрадь, куда обычно записывал выполненные заказы.

– О, ты левша, – с улыбкой отметил парень.

– А ты комментируешь все, что видишь?

– Нет, не угадал, – ответил тот, улыбка его стала язвительной. – Открываю конверт и достаю фотографии.

Бернард сосредоточился на своих записях, заодно посмотрел на наручные часы и прикинул, сколько времени ему осталось до назначенной встречи. Надо еще собрать оборудование и побыстрее разобраться с клиентом.

– О, Аполлон, ты растерял всю свою неземную красоту, – с театральным драматизмом произнес парень, будто разыгрывал сцену из пьесы. Рассматривая свои фотографии, он продолжил, сменив тон, очевидно, изображая уже другого персонажа: – С горечью вспоминаю времена, когда был я молод и красив. В моей душе царил покой, и парил я в небесах подобно орлу. Лицо мое прекрасное было чистым и не изуродованным страшными ранами. А сегодня? – он дотронулся до пластыря над глазом. – Мой лик искажен! Я тону в страданиях и одиночестве!

Бернард исподлобья смотрел на новоиспеченного «Аполлона». Тот для пушнего эффекта даже приложил руку к груди.

«Он что, издевается?» – подумал Бернард, откинувшись на спинку кресла.

Почему этот парень решил продемонстрировать свой скверный актерский талант именно сейчас, когда времени на весь этот театр не хватало?

Однако в голове возникла идея.

– Никогда не видел, чтобы об обычных фотографиях на документы так отзывались, – заметил Бернард. – Извиняюсь, что прерываю безумно интересный спектакль, но ты... не сильно занят сегодня?

– Вот так сразу? – парень лукаво усмехнулся. – Хочешь угостить меня обедом? Загладить, так сказать, свою вину?

– С чего бы? – Бернард вопросительно приподнял одну бровь. – Я не сделал ничего, чтобы почувствовать себя виноватым.

– Но это из-за тебя я вчера упал, – произнес парень, указывая на свой «искаженный страшными ранами лик».

– Ты упал из-за собственной неуклюжести, – саркастически заявил Бернард и пожал плечами.

«Аполлон» уперся руками в стол.

Его брови сошлись на переносице, глаза сощурились, однако от него не веяло яростью. Казалось, это очередная сцена, которую он разыгрывал как начинающий актер театра.

«Он перепутал фотостудию с кастингом?»

– Я бы не упал, если бы ты не открыл окно, с которого натекала на пол лужа, – раздраженно пояснил он. – Зачем вообще надо было его открывать? Хотел выполнить геройский прыжок со второго этажа и нагнать тех придурков?

– Какая разница, для чего я его открыл? Моя студия, и я могу делать здесь что угодно. А тебе надо было смотреть под ноги, – развел руки в стороны Бернард, приподнимая в насмешливой улыбке уголки губ.

Парень выпрямился и скрестил руки на груди, удерживая конверт с фотографиями между двух пальцев, будто сигарету. Аргументов у него не нашлось, однако по выражению лица было заметно, что он не намерен так просто отступить, да и уходить пока тоже не собирался. Вытянув руку с конвертом перед собой, он указал на Бернарда.

– Удали ту фотографию.

Бернард посмотрел на свой пленочный фотоаппарат, стоявший на рабочем столе, и задержался с ответом. Он сразу понял, о какой именно фотографии говорил парень.

– Я... – замешкался он. Утверждать, что никакой фотографии он не сделал, было глупо. – Я не могу ее удалить. Это снято на пленку. Но не переживай, я все равно не планировал распечатывать ту фотографию. Так что считай, что ничего нет.

«Аполлон» снова скрестил руки на груди. Продолжая придерживать конверт двумя пальцами, он постукивал ладонью себя по плечу, а пальцами другой руки крутил плоское колечко.

– Не знаю, могу ли я тебе доверять. Я бы предпочел лично убедиться, что тот снимок будет уничтожен. Совсем. Это можно как-то сделать?

– Я могу вырезать тот кадр, если тебе так хочется, но только после проявки пленки. Отдам тебе негатив, будешь смотреть и вспоминать о своей неуклюжести.

Парень нахмурился.

– Честно сказать, я плохо в этом разбираюсь. Ты сейчас говоришь, что, чтобы уничтожить тот снимок, тебе нужно проявить пленку?

– Да, сначала пленка проявляется в темной комнате, потом с нее можно получить фотографии. Тот кадр я просто вырежу, – повторил Бернард.

– Та самая темная комната, где под красным светом в разных растворах выдерживаются фотографии?

– Именно.

Парень снова уперся руками в стол. Теперь он выглядел заинтересованным. Взгляд его смягчился, а выразительная линия губ изогнулась в улыбке.

– Класс. Только в фильмах видел такое. Даже странно, что кто-то продолжает этим заниматься, когда проще сделать фотографию на цифру или вообще на телефон. Зачем так заморачиваться?

Бернард встал с места и, с вызовом посмотрев на парня, подошел к стене, на которой рядами висели фотографии – все его авторства.

– Потому что между цифровым изображением и изображением с пленки есть большая разница. Смотри, – для наглядности он ткнул пальцем в сторону двух фотографий, на которых был изображен старый деревянный дом. – Пленка иначе воспринимает свет, а характерное зерно придает изображению объем, убирает излишнюю резкость. Конечно, цифровая фотография получится более высокого качества, можно распечатать ее на большой формат, а если

пленку отсканировать, то качество пострадает. Однако даже такой простой сюжет, сделанный именно с пленочного фотоаппарата, выглядит как произведение искусства. Совсем другой вид.

Стоявший на расстоянии шага парень даже наклонился, чтобы лучше разглядеть фотографии, на которые указывал Бернارد, но лицо его выражало растерянность.

«Да уж, – подумал Бернارد, наблюдая за новым знакомым. – Большая часть из того, что я сейчас сказал, для него пустой звук. Может быть, он даже разницы не замечает. Но, судя по выражению лица, вроде как пытается что-то понять».

– Ну, кажется, вижу разницу, – будто услышав мысли Бернарда, произнес «Аполлон». – Только не знаю, как это правильно выразить словами, – в задумчивости он потер подбородок с аккуратной ямочкой. – Наверное, мне никогда не понять. Ты долго этим занимаешься, тебе виднее. Если считаешь, что результат стоит затраченных усилий, так оно и есть. Мне бы, наверное, не хватило на все это терпения. Я могу только сделать фото на телефон, и то в итоге окажется смазанным.

Бернارد посмотрел на часы и вздрогнул. Неужели их разговор настолько затянулся? И что вдруг вообще его сподвигло начать объяснять разницу между цифровыми фотографиями и пленочными? Однако, стоило отметить, не так уж много людей проявляли заинтересованность. Многие только смотрели на фотографии, иногда говорили что-то вроде: «симпатичная, но мрачная студия» или «о, вот это неплохая фотография». Бернارد даже испытал неловкость, будто начал рассказывать что-то личное незнакомцу. Вот только сейчас не было времени анализировать свое поведение.

– Так ты берешь фотографии? – спросил Бернارد.

– Да, – кивнул парень и полез в карман куртки. – А ты, кажется, спрашивал, занят я или нет. Чего ты хотел? И кстати, ты вроде куда-то собирался или я что-то не так понял?

– Собирался, – согласился Бернارد, отсоединяя цифровой фотоаппарат от штатива. – Надо уже выезжать. Мне позвонил мэр города и попросил подъехать в местную библиотеку, там намечается небольшое мероприятие.

– Вау, – бесстрастно отозвался «Аполлон». – Библиотека приобрела целых десять новых книжек, и из этого хотят сделать событие?

Бернارد усмехнулся и утвердительно кивнул.

– Что-то вроде этого.

– При чем здесь я?

– Ты мог бы мне помочь. Если ты свободен, конечно.

«Хотя ты выглядишь как человек, который целыми днями занимается какой-то ерундой и у которого уйма свободного времени», – хотел добавить Бернارد, но решил оставить эти мысли при себе, сейчас ему нужен был обыкновенный ответ, а не очередной обмен колкостями.

– А что от меня требуется? Я ничего не смыслю в съемках.

– И не надо смыслить. Просто поможешь мне с оборудованием, ничего сложного, это на пару часов. Деньги за фотографии оставь себе.

– Ладно, я, в общем-то, не занят, – протянул парень и пожал плечами. – Могу помочь, если нужно. Ты говоришь, там будет мэр Ньюмен?

Бернارد кивнул.

– Если бы знал, оделся бы попримечнее, – «Аполлон» пригладил волосы. Взгляд серых глаз вдруг стал серьезным. – Только пообещай, что потом избавишься от того снимка.

– Обещаю.

4

– А зачем тебе два фотоаппарата? – наконец спросил «Аполлон», после того как на протяжении пяти минут искоса смотрел в сторону Бернарда. – Я не видел у тебя дополнительной пары рук.

Бернард посмотрел на него так, будто впервые увидел. На секунду он задумался над правильностью своего решения предложить этому инфантильному типу поехать с ним.

– Какой суровый взгляд, – сразу же откликнулся парень, подняв руки в примирительном жесте. – Ладно-ладно, я узнал что-то там про качество фотографий, просто не понимаю, так ли необходимо это сейчас? Нас в библиотеке ждет какое-то особенное мероприятие или ты всегда берешь с собой два фотоаппарата?

– Практически всегда, – подтвердил Бернард, вновь сосредоточившись на дороге.

В растянувшихся на тротуарах и асфальте лужах отражалась монотонная серость неба. Успокоившаяся утром погода вновь начинала хмуриться, будто не могла понять, кто вчера натворил бед. К обеду стало прохладнее, и Бернард прихватил утепленную джинсовку, в то время как сидевший на пассажирском сиденье парень был довольно легко одет – темная куртка нараспашку поверх тонкой кофты с надписью «Остерегайтесь собак!». Должно быть, присущая ему экспрессивность играла роль теплогенератора и согревала его изнутри.

Сбавив ход, они проехали мимо городского парка, на входе в который лежала уже наполовину распиленная часть упавшего дерева, а вокруг нее сустились коммунальные работники, поблизости стояла машина аварийной службы.

«Аполлон» только округлил глаза и присвистнул, но увиденное никак не прокомментировал. Прохожие остановились поглазеть на упавшее дерево и рассредоточились парочками, кивая в сторону последствий вчерашней бури. Владельцы лавочек протирали стекла витрин и с опаской поглядывали в недовольное небо.

– Кстати, классная тачка, – сказал вдруг парень, с важным видом осматривая отделанный бежевой кожей салон. – Какого года?

– Девяносто четвертого, – ответил Бернард, отметив про себя: «По крайней мере, в машинах он разбирается лучше, чем в фотографиях».

– Зеленый металлик, – продолжал «Аполлон». – Тебе нравится зеленый цвет, да? Можешь не отвечать, я и так вижу.

Бернард только наградил пассажира холодным взглядом. Включив поворотник, он заехал на парковку и остановился перед вытянутым двухэтажным зданием публичной библиотеки. Под кронами деревьев, недалеко от скамейки, стояла группа людей. Бернард узнал среди них мэра Робина Ньюмена. Заметив вышедшего из машины Бернарда, Ньюмен махнул ему, окружавшие его телохранители, высокие, широкоплечие мужчины с брутальными лицами в одинаковых черных куртках, напряглись. Бернард подошел ближе, один из телохранителей сурово покосился на плетущегося позади парня.

– Как раз вовремя, Бернард. Здравствуй, – сказал седовласый мэр города с белоснежной улыбкой.

– Здравствуйте, мистер Ньюмен, – сказал Бернард, кратко пожав его протянутую руку.

Другой из телохранителей, высокий, темнокожий парень, внимательно проследил за их рукопожатием. Чуть поодаль стояли, переговариваясь друг с другом, еще несколько человек: помощники мэра и ответственные за организацию мероприятия.

– А это? – Робин кивнул в сторону «Аполлона», опустившего руки в карманы распахнутой куртки. – Твой новый помощник?

Бернард обернулся, сам задаваясь таким вопросом.

«Черт, я даже не спросил, как его зовут. Давай подыграй мне, что ли». Парень поймал взгляд Бернарда и сдержанно посмотрел на мэра Ньюмена, будто вычисляя более верную стратегию. Какое-то время ничего не происходило.

– Он... – начал было Бернард, однако парень, сделав широкий шаг вперед, резко протянул мэру руку.

Телохранители вздрогнули и зашуршали куртками, готовые в любую секунду уложить «Аполлона» лицом на асфальт и добавить ему еще ссадин. Бернард и сам напрягся, вжав голову в плечи. Кто же знал, что это его движение получится столь внезапным.

– Да, я его новый помощник. Меня зовут Юэн. Юэн Гибсон. Рад с вами познакомиться, мистер Ньюмен.

Мэр улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы, и пожал ему руку. Бернард, скосив взгляд, смотрел на «Аполлона», пытаясь сопоставить его образ с именем.

«Гибсон, кажется, что-то связанное с музыкой».

– Берни, я рад, что наконец-то появился человек, который будет тебе помогать. А то я совсем тебя замотал, да? Как дела в студии? – спросил Робин и похлопал Бернарда по плечу.

Бернард уловил изумленный взгляд Юэна, словно говоривший: «А у вас неплохие отношения с мэром, мистер странный парень».

– Все нормально. Люди приходят, работа есть, – скупое сообщил Бернард.

– Как отец? – понизив тон, спросил Ньюмен.

– С ним... все в порядке.

Улыбка Ньюмена померкла и перетекла в горькую.

– Надеюсь, что так. Если что, ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, – он снова похлопал Бернарда по плечу. – Что ж, ребята, доставайте свое оборудование и несите в лекторий.

Бернард вручил «новому помощнику» большую черную сумку с лампами и штатив для фотоаппарата в чехле.

– Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – спросил Юэн шепотом, хотя поблизости больше никого не было – мэр с телохранителями и другими людьми уже ушли в библиотеку.

– Нам всего лишь надо сделать несколько фотографий с презентации книги писателя. Не очень популярного, иначе он бы приехал со своей свитой фотографов. Совместно с презентацией он проводит тут небольшую пиар-кампанию и выделяет нашей библиотеке несколько художественных книг классиков и учебных пособий.

– Ладно, что мне делать?

– Надо установить лампы и в процессе презентации следить, чтобы их никто не снес. Иногда нужно просто подправить свет. Ничего сложного, – ответил Бернард, теперь на его шее висело два фотоаппарата, лямку одного из которых он перебросил через плечо, чтобы они не бились друг о друга.

Юэн открыл было рот, вероятно, чтобы узнать еще какие-то подробности, но они уже вошли через стеклянные двери библиотеки, где тишина буквально звенела в ушах, а насыщенный запах книг, к которому Бернард был абсолютно равнодушен, щекотал ноздри. В лектории, который отделялся лишь формально и располагался в самом центре читального зала, обрамленный с двух сторон рядами стеллажей, сейчас было шумно для библиотеки.

Седая прическа мэра вкупе с его белоснежной улыбкой нигде не мелькала, зато Бернард заметил одну из его личных помощниц, имя которой никак не мог запомнить, женщину в красном пальто, с вечно кислым выражением лица, всегда стягивавшую волосы в плотный пучок на манер строгих старомодных учительниц. Она вполголоса с кем-то разговаривала. Кто-то выкладывал на широкий стол перед рядами сидений бутылку воды, блокнот и прочую канцелярию, необходимую при таких мероприятиях. Еще один человек нес к столу стопку книг с

темно-синей обложкой. Бернارد прочитал название: «Смертоносный дождь». Иронично, что писатель приехал презентовать книгу с таким названием наутро после бури. Хотя обошлось без человеческих жертв, иначе бы у Виктора Чилтона имелась бы работа, только несколько деревьев повалило.

Пока Бернارد отвлекся на книгу, Юэн уже успел достать из сумки лампу, собрать ее и установить.

– Можно чуть дальше от стола, – прокомментировал Бернارد, подойдя к нему. – Чтобы свет был более рассеянным. Но в целом правильно.

То, как быстро Юэн справился с задачей, несколько удивило Бернарда, хоть и не в его привычке было подавать вид, но, смотря на то, как парень устанавливал еще одну лампу по другую сторону, он подумал, что, может, немного недооценил его. На вид ветреный и островат на язык, однако что-то в нем было такое... непростое, что он маскировал своим горячим темпераментом, как сложный механизм, скрывающийся за простеньким циферблатом.

Из размышлений о сущности своего нового знакомого Бернарда вывела помощница Ньюмена, которая, грозно стуча каблуками сапог на всю библиотеку, подошла к нему.

– Макхью, – процедила она сквозь зубы вместо приветствия. Даже скорее прошипела, как змея. И в лице ее, уже не молодом, выделялись змеиные черты.

Бернارد тоже опустил приветствие и заменил вялым вопросительным взглядом. Он не стал обращаться к ней по фамилии частично еще и потому, что никак не мог вспомнить ее, равно как и имя, хотя почти при каждой встрече с Робинотом Ньюменом эта особа находилась рядом. Словно на пленке его памяти кто-то вырезал этот фрагмент или он просто оказался засвечен.

– Ты так и будешь прохлаждаться? Скоро уже начнется презентация, – говорила она звонким голосом, смотря на Бернарда снизу вверх. Даже на высоких каблуках она была значительно ниже него, но не придавала разнице в росте значения, восполняя этот момент громкостью.

«Дарси или Марси? Или как-то так? Может, Дорли», – мысленно перебирал Бернارد, смотря на четко очерченное пятно алых, под цвет пальто, губ женщины.

– И что за оборванца ты с собой притащил? – не стесняясь в выражениях, потребовала ответа она, ни на децибел не понизив голос.

Бернارد пересекся с Юэном взглядом. Бровь с пластырем недоумевающе взметнулась. Кое-кто из суетившихся поблизости людей покосился на женщину в красном пальто, которая воззрилась на Бернарда, будто вызывала его на дуэль. Он, в свою очередь, посмотрел на нее с такой усталостью, словно от громких звуков вот-вот впадет в спячку. Эта мисс «имя засвечено» особенно любила цепляться к молодежи их городка. Бернارد хорошо относился к мэру Ньюмену, благодаря которому у него появилось несколько фотоаппаратов – в подарок за заслуги перед городом, да и в целом Робин был неплохим человеком, как политик старался прислушиваться к мнению и пожеланиям людей, но как он мог взять себе в помощницы настолько надоедливую особу? Хотя, конечно, с мэром она вела себя тише воды ниже травы, со своими прямыми обязанностями справлялась наверняка хорошо, а большего и не надо.

– Я услышал слово «оборванец» и сразу подумал, что вы говорите обо мне, – сказал внезапно материализовавшийся рядом Юэн. На его губах играла самодовольная улыбка.

На мгновение на лице «мисс красное пальто» отразилось недоумение. Затем взгляд ее стал подозрительным, и она засмеялась.

– А я знаю о тебе. Это ведь ты не так давно ввязался в пьяную драку в клубе в Честер-роуд.

Юэн моментально насупил. Верхняя губа его вздрогнула, а серые глаза стали темнее тона на два. Поза приобрела сходство с оборонительной. Из ветреного парня он превратился в опасную каменную глыбу. Даже пластырь над глазом выглядел, скорее, как медаль за боевые заслуги.

– Не я был зачинщиком той драки, – отчеканил он. Сквозь его голос просочилась нехарактерная для него легкая хрипотца, которую Бернарду прежде не довелось услышать, хотя он вообще мало слышал своего «нового помощника».

– А теперь ты решил подлизаться к мэру? – пропустив его слова мимо ушей, насмешливо провозгласила женщина.

– Достаточно, – отрезал Бернард, ощущая, как воздух вокруг наэлектризовался.

– Мисс Дарсен, – сказал подошедший мужчина в очках, серо-голубом костюме и светлых тканевых перчатках, Дэвид Питтс, заведующий библиотекой. – Вы находитесь в публичной библиотеке, здесь есть люди, которые предпочитают читать книги в тишине. Не могли бы вы соизволить говорить тише? – только по тому, как дергался его нос, пока он обращался к помощнице мэра, можно было понять, что он на дух не переносил эту громкую женщину. – И вообще отложить любые выяснения отношений или перенести их за стены моей библиотеки.

По долгу службы, так как это была далеко не первая презентация книг здесь, Бернард знал Дэвида, однако, как и многих других, не очень хорошо. Питтсу было около сорока лет, он никогда не здоровался рукопожатием, тактично убирал руки в светлых перчатках за спину. И всегда говорил «моя библиотека», хотя, конечно же, это было муниципальным учреждением.

Завидев подходящего в окружении телохранителей мэра, мисс Дарсен чуть ли не отклонялась.

– Извиняюсь за причиненные неудобства, – сказала она Дэвиду переменившимся голосом, но, чтобы не показать, что аналогичные чувства испытывала и к Бернарду с Юэном, наградила каждого высокомерным взглядом и, грозно застучав каблуками, направилась в сторону Робина Ньюмена.

Питтс облегченно выдохнул и ограничился кратким кивком головы в качестве приветствия, затем тоже ушел.

– Меня нечасто тошнит от людей, – тихо заговорил Юэн, – но сейчас именно тот случай.

Бернард молча воззрился на своего напарника, будто разглядел в нем новую грань. В общем-то, так и было. Пьяная драка, значит?

– Что? – резко, но шепотом спросил Юэн.

– Ничего, – ответил Бернард. – Надо готовиться к съемке.

Он установил штатив сбоку от сидений, но продолжил держать фотоаппарат в руках. Наконец, объявился писатель, мужчина невысокого роста, скромно, даже старомодно одетый, с оттопыренными ушами и щеткой седых усов над вяло шевелящимися губами. Пришедшие на презентацию местные жители уже расселись по местам, некоторых из них Бернард узнавал – видел на других мероприятиях или они заходили к нему в студию за фотографиями, однако имен их не знал – никогда не интересовался либо не запоминал. Юэн предпочел стоять рядом, хотя свободные места имелись. После краткой перепалки с помощницей мэра он выглядел раздраженным, что выражалось в особой резкости его движений. Рука с кольцом сжималась в кулак до белеющих костяшек, а меж бровями залегла глубокая складка.

«Его так легко вывести из себя или та драка, о которой упомянула дама в красном пальто, вызывает у него такую бурную реакцию?»

Бернард сфотографировал, как писатель жмет руку улыбающемуся и позирующему на камеру Робину Ньюмену. Питтс же, как и прежде, предусмотрительно убрал руки за спину, отвесив гостю поклон. Писатель выступил с короткой благодарственной речью, и его помощники принесли пару стопок книг, предназначавшихся в подарок библиотеке. Говорил мужчина тихо и медленно. Чтобы хорошо его слышать, людям приходилось сидеть не шелохнувшись. По окончании речи аудитория зааплодировала, больше всех старался мэр, его помощница сидела рядом с ним, стараясь натянуть на кислое лицо подобие улыбки. В искренних чувствах держась за сердце и отклонявшись, писатель сел за стол, на котором лежала целая стопка томов его мистического триллера «Смертоносный дождь», а Бернард установил фотоаппарат на штатив.

Аплодисменты стихли, и в библиотеке воцарилась свойственная ей тишина, даже Юэн выглядел успокоившимся. Бернард знал, что основная часть мероприятия уже позади, – самым главным было, конечно же, сделать фотографии мэра и гостя, пожимающих друг другу руки. Писатель завел долгий монолог о себе и своем творчестве, после чего перешел к презентации собственной книги, нахваливая ее не хуже грамотного маркетолога.

Бернард махнул Юэну, подзывая его к себе:

– Эй.

– Эй? – шепотом огрызнулся мигом появившийся рядом напарник. – У меня есть имя, вообще-то, и ты его слышал.

– Ладно, – кивнул Бернард и указал на фотоаппарат, установленный на штативе. – Я поднимусь наверх и сделаю несколько фотографий оттуда, – он показал на второй этаж, где тоже размещались стеллажи с книгами. Ему пришлось приблизиться к Юэну, чтобы не мешать тихой речи писателя. – А ты пока потренируйся здесь.

– То есть? Мне надо фотографировать? – Юэн повысил голос, из-за чего со стороны сидений послышалось недовольное шиканье.

– Просто нажимай на эту кнопку время от времени, – сказал Бернард как можно тише и, склонившись к Юэну, случайно коснулся губами его уха. – Я установил покадровую съемку, так что тут даже обезьяна справится, потом просто удалю плохие кадры, – сказал он и, не дожидаясь возражений, развернулся и направился в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Эта часть библиотеки была выстроена таким образом, что люди, находившиеся на втором этаже, могли при желании видеть и слышать, что происходит в лектории. Наверное, предполагалось, что на разных презентациях, лекциях и прочих мероприятиях слушателей будет в разы больше, однако, сколько помнил Бернард, в местной библиотеке всегда оставались свободные сидячие места внизу.

Он подошел к ограждению из плексигласа, уперся в стальной поручень предплечьями и навел объектив на писателя. В следующий кадр попало сосредоточенное лицо мэра Ньюмена. С глубочайшим интересом он слушал гостя, сидя в первом ряду в окружении телохранителей. Алые губы его помощницы по-прежнему недовольно кривились. Было заметно, что она считает и писателя, и его книгу занудством высшей категории. Юэн не замечал ничего, кроме фотоаппарата на штативе, а, вероятнее всего, весь его обзор сузился до одной-единственной кнопки.

Через объектив фотоаппарата Бернард оглядел присутствующих. Некоторые выглядели искренне заинтересованными, ловили каждое слово писателя, должно быть, поклонники, а кое-кто едва ли не засыпал. Их наверняка пригласили для массовки. Питтс, сложив руки и пощипывая подбородок, стоял, приложившись плечом к одной из колонн, поддерживающих верхний ярус. Один раз он посмотрел прямо в объектив, и Бернард интуитивно нажал на кнопку. Вместе с чувством едва уловимой тревоги ему в голову пришла странная ассоциация: будто Дэвид Питтс обладал только внешней оболочкой, а внутри был полым. При повторном наведении объектива на заведующего библиотекой подобного чувства не возникло.

Судя по всему, презентация писателя подходила к концу, слушатели это тоже почувствовали и зашевелились, наполнив библиотеку шумами. Придерживая одной рукой фотоаппарат, Бернард выпрямился и, ощутив странный холод в солнечном сплетении, заметил среди стеллажей на противоположной стороне девочку в светло-голубом платье. Она стояла, опустив руки вдоль туловища, и смотрела прямо на него. Наверное, пришла с кем-то из родителей и ходила от скуки по библиотеке. Может, играла с другими детьми. Интуитивно Бернард вскинул фотоаппарат и навел объектив на девочку, отметив, что лицо у нее очень бледное, едва ли ярче, чем ее платье. Безэмоциональность девочки делала ее черты безликими и незапоминающимися. Бернарду часто приходилось фотографировать детей, однако настолько безжизненных детских лиц он ни разу не видел. За миг до того, как он нажал на кнопку, девочка слабо улыбнулась, и по его спине пробежали мурашки.

Разразившиеся аплодисменты заставили Бернарда отвлечься и посмотреть вниз. Писатель вновь откланивался, а люди выстраивались в очередь за автографом. Юэн вопросительно посмотрел снизу вверх, продолжая стоять рядом с фотоаппаратом на штативе. Подняв взгляд к стеллажам, Бернард обнаружил, что девочка пропала. Несколько секунд он искал ее среди посетителей и, когда не нашел, спустился.

На сегодня работа была окончена. Мэр поблагодарил Бернарда и Юэна за помощь и вместе с писателем вручил в подарок книгу, правда, одну на двоих. Как только они собрали оборудование, Юэн заявил, что такое не читает, поэтому на книгу не претендует.

– И сколько я денег заработал? Наверняка должно хватить на огромный трейлер, иначе я вообще не понимаю, для чего так сегодня трудился, – произнес он, потянувшись.

– Подожди здесь, я сейчас приду, – пропустив его слова мимо ушей, сказал Бернард.

Он скользнул мимо книжных стеллажей и подошел к высокой стойке, из-за которой выглядывала золотистая макушка.

– Привет, Эрика.

Из-за стойки поднялась девушка с убранными в хвостик светло-золотистыми волосами. Бежевая блузка в горошек с черной лентой, завязанной в бантик, и юбка-карандаш подчеркивали ее стройную фигуру.

– О, Бернард, здравствуй, – заговорила она тихим, слегка смущенным голосом. – А я как раз думала, приедешь ли ты сегодня на наше мероприятие.

– Как видишь, я тут, – мягко улыбнувшись, ответил он и протянул девушке книгу. – Небольшой подарок от гостя.

Эрика взяла книгу, коснувшись пальцев Бернарда.

– Как дела в библиотеке?

– Людей не очень много. Как, впрочем, и всегда, – Эрика пожала острыми плечами. Черный бантик на ее груди покачнулся. – Но сейчас кажется, будто и вовсе все обходят библиотеку стороной. Все необходимое есть в интернете.

– Жаль. В библиотеках особая атмосфера. Скажи, – тихо произнес Бернард, сложив руки на стойке, – ты подготовила то, что я просил?

– Конечно, – Эрика отложила книгу в сторону и протянула Бернарду несколько листов бумаги. – Держи.

– Большое спасибо, – улыбнулся он, чувствуя, что лимит улыбок на сегодня уже заканчивался.

– Эй, Бернард, – окликнула его девушка, когда он уже собрался развернуться и уйти. – Не хочешь сегодня вечером выпить кофе? А еще в пекарне на перекрестке появились новые круассаны, – сказала она это еще тише, и ее округлые щеки, контрастировавшие с худощавым телосложением, залились пунцовой краской.

– Прости, надо обработать сегодняшние фото, да и в студии полный бардак. В другой раз, – Бернарду пришлось выдавить из себя виноватую улыбку.

– Да, хорошо, – извиняющимся тоном пробормотала Эрика, опустив голову, кончики ее ушей тоже покраснели.

– Еще раз спасибо, – сказал Бернард и помахал в воздухе бумагами. – Я ценю твою помощь. Правда.

Развернувшись, он едва не столкнулся с Юэном, который на мгновение потерял равновесие и чуть не выронил штатив.

«У этого парня проблемы с вестибулярным аппаратом, что ли?»

– Попросил же подождать, – упрекнул его Бернард, выхватывая чехол со штативом.

– Я думал, ты пошел по нужде. Мне, знаешь ли, тоже приспичило, – Юэн посмотрел на листы, которые Бернард случайно смял, и взгляд его стал внимательным. – Это что, распечатанная газетная статья? Какого года? Убери, пожалуйста, палец, не видно.

– Ты вроде бы хотел в туалет, это в той стороне, – сказал Бернارد, указав направо. – Встретимся на улице.

Он забрал у Юэна сумку и, не оборачиваясь, направился к выходу через лекторий. Писатель все еще раздавал автографы, хотя толпа уже поредела. Мэра Ньюмена поблизости не было, однако его помощница сидела на кресле в последнем ряду и устало смотрела на медленно движущуюся очередь. Увидев Бернарда, она демонстративно задрала подбородок и сделала вид, будто даже не обратила на него внимания. На верхнем ярусе у ограждения стоял Дэвид Питтс, наблюдая за происходящим свысока. Где-то там за его спиной среди стеллажей некоторое время Бернارد и увидел девочку с безжизненным личиком. Дэвид подал жест подождать и светло-голубым пятном поплыл мимо стеллажей.

– Бернارد, – обратился он, когда встретился с ним внизу. – Поздоровался с Эрикой?

Бернارد кивнул.

– Она часто о тебе говорит, и у меня возникла одна идея. Что, если сделать серию фотографий о моей библиотеке и запустить выставку в нашем местном выставочном центре? Для привлечения людей и для повышения твоей популярности как фотографа. Само собой, я обговорю это с Ньюменом, и мы подумаем о гонораре, – он развел руками в перчатках, как бы спрашивая этим жестом: «И как тебе моя идея?»

– Можно было бы, – протянул Бернارد, мысленно взмолившись: «Только не в ближайшее время, а то я так никогда не разберусь в своей студии и забуду, как проявлять пленки».

– Хорошо, – кивнул Дэвид. – Мне просто надо было знать, что ты думаешь по этому поводу. Теперь у тебя еще и ассистент есть.

«Скорее всего, это ненадолго. Например, до конца сегодняшнего дня», – хотел ответить Бернارد, но передумал. Без помощника или с ним, он в любом случае справится с этой работой.

– Тогда ближе к делу я с тобой свяжусь. Договорились? – Дэвид завел руки за спину и приподнял голову. Они с Бернардом были примерно одинакового роста.

– Да.

На этом Питтс его покинул, зато подошел Юэн.

– А сказал, что будешь ждать снаружи.

– Остановился переговорить с заведующим библиотекой.

– И о чем разговаривали? – просто спросил Юэн, поправляя волосы.

– Об очередной работе, – на усталом выдохе произнес Бернارد.

– Кстати, та девчонка, с которой ты мило болтал...

Бернارد пристально посмотрел на Юэна и приподнял бровь.

– Ну, та, что сидит за высоченной стойкой. Она симпатичная, – Юэн улыбнулся. Ранка его губе после вчерашнего столкновения со столом понемногу заживала, и Бернارد неосознанно зафиксировал на ней взгляд. – Хотя совершенно не в моем вкусе.

– К чему ты мне это говоришь?

– Просто высказал свое мнение. Мне показалось, вы с ней ладите. Было интересно узнать, что «фотограф из похоронного бюро» умеет быть обходительным с дамами.

– По-твоему, я совсем дикарь? – с легким раздражением произнес Бернارد и протянул Юэну сумку. – Давай поработай еще немного.

– Понимаю, почему у тебя прежде не было ассистентов... – пробурчал Юэн, забирая осветительное оборудование. – Может, мне таскать на руках еще и тебя?

– А не сломаешься?

– Ты очень плохого мнения обо мне, да?

– Нет. Ни плохого, ни хорошего, пока никакого.

– Уф-ф, – выдохнул Юэн. – Зато честно.

Покинув здание библиотеки, они подошли к машине и уложили оборудование. В воздухе пахло сыростью, будто прошел мелкий дождь. Бернард протянул Юэну его сегодняшний заработок.

– Я думал, ты заплатишь мне больше, – Юэн распрямил купюру и проверил на свет водяные знаки.

– Будем откровенны, ты не так уж много сделал.

– Ага, согласен. «Обезьяна справилась», – кивнул Юэн и протянул ему деньги. – Было несложно. Считай мою помощь жестом доброй воли.

– Ты заработал. Я ведь отнял у тебя время, – Бернард держал руки в карманах, не собираясь принимать деньги обратно.

Сначала рука Юэна опустилась. Он смерил Бернарда долгим вызывающим взглядом, затем снова протянул купюру.

– В таком случае я прошу, чтобы ты подвез меня до перекрестка с пекарней. Заметь, такси обошлось бы мне дешевле, но на эту короткую дистанцию я выбираю тебя своим водителем.

Бернард улыбнулся уголками рта. Станные ощущения он испытывал от этих разговоров с Юэном. Как будто они поднимали настроение, что ли? Странно, очень странно...

– Просто садись в машину, – произнес Бернард. – Довезу тебя бесплатно. Считай мою помощь жестом доброй воли.

Юэн улыбнулся и, покачав головой, засунул деньги в карман.

– Ты ужасно упрямый.

– Просто стараюсь держать себя на твоём уровне.

– Польщен. Ради меня никто прежде так не старался, – перекатываясь с мыска на пятку, сказал Юэн и хлопнул ладонями себя по бедрам.

Бернард коротко взглянул в хмурое небо, с которого сыпались мелкие одинокие капли дождя.

– Мы собираемся ехать?

Юэн схватился за ручку двери.

– Я уже в машине, вообще-то.

Пока они ехали по впавшим в спячку улочкам их небольшого городка, Юэн стучал пальцами по рваным коленкам своих черных джинсов и напевал какую-то мелодию. Бернард искоса смотрел на него. Непривычно было видеть малознамого человека на пассажирском сиденье своего автомобиля, причем уже не в первый раз.

– Мэр Ньюмен теперь тебя знает, твое имя у него на слуху, – начал Бернард. – Скажи честно: разве не ради этого ты согласился мне помочь? Хотел засветиться перед мэром.

– А ты, оказывается, еще и прямолинеен, когда соизволишь открыть рот. Как интересно, – огрызнулся Юэн и, поерзав на сиденье, сел ровнее. – Ладно, если уж откровенно, то, наверное, быть на слуху у важной шишки не так уж и плохо, однако не это было первым в списке причин.

– Да? – спросил Бернард бесцветным голосом, но что-то внутри заставляло его продолжать задавать вопросы. – И что же было на первом месте? Просто интересно.

Юэн невозмутимо пожал плечами.

– Скука, – сказал он и снова положил руки на колени. – А еще я добрый, хоть ты и не веришь в это.

– Люди всегда совершают поступки ради личной выгоды, – наставническим тоном произнес Бернард, намеренно сделав паузу. Что-то ему с трудом верилось в такие аргументы. – Ты бы видел свое лицо, когда я еще в студии упомянул мэра.

– Знаешь, не всегда необходимо вот так препарировать действия других людей, – ответил Юэн, и на мгновение в его голосе вновь проявилась та странная хрипотца. – И вообще, к чему ты мне все это говоришь? – повторил он фразу, сказанную Бернардом чуть ранее.

– Просто высказал свое мнение, – передразнил его Бернард. Юэн хмыкнул. Покосившись на него, Бернард невольно нахмурился и чуть крепче сжал руль. Его терзали сомнения, но он все-таки решился и вновь обратился к Юэну: – На самом деле я говорил все это с определенной целью. Я подумал насчет того, что сказал мэр. И раз уж ты выдаешь себя за бескорыстного человека, то не хотел бы ты в таком случае иногда помогать мне в студии? Я буду тебе платить. Немного, но... ничего сверхъестественного я от тебя и не потребую.

Юэн резко повернулся к Бернарду, и они пересеклись взглядами.

– Так тебе нужен работник?

– Скорее просто помощник. Иногда рук не хватает. Вообще-то, я уже давал объявление в местную газету, периодически его обновляю, но безрезультатно. Пару раз приходили подработки, но только ради интереса посмотреть на «чудаковатого парня», который открыл студию в здании бюро ритуальных услуг, никто в итоге не захотел остаться.

Юэн тихо хмыкнул и отвернулся к окну.

– Если не можешь или не хочешь, так и скажи, – произнес Бернард. – Нет так нет.

Несколько секунд Юэн смотрел на дорогу, не издавая ни звука. Пальцы его тоже угомонились.

– Нет.

Бернард понимающе кивнул:

– Ладно.

Юэн вскинул руки.

– Я имел в виду: нет, не могу дать ответ сейчас. Я могу подумать над твоим предложением пару дней?

– Как угодно. Все это время я работал один, полагаю, несколько дней ничего не изменят.

Юэн задумчиво промолчал, а Бернард остановился у обочины. На другой стороне улицы, на углу Т-образного перекрестка, располагалась пекарня с изображением кренделя на вывеске. Та самая пекарня, которую упоминала Эрика. Кстати, интересно, подумал вдруг Бернард, слышал ли Юэн тот разговор с Эрикой. Сколько он вообще стоял за его спиной?

– Я все еще помню про тот снимок, который ты сделал. Ты обещал избавиться от него, – напомнил Юэн, отстегивая ремень безопасности.

– Пообещал – сделаю. Но это будет не сегодня и не завтра, так как в студии много дел, и мне пока некогда заниматься проявкой пленок.

– Ладно-ладно, я понял, – махнул рукой Юэн. – Спасибо, что подвез.

– И тебе спасибо, что помог со съемкой.

Улыбнувшись, Юэн кивнул и, выйдя из машины, перебежал пустынную дорогу, чуть не угодив в огромную лужу. Бернард наблюдал за ним, пока тот не скрылся за углом здания, а затем достал из внутреннего кармана куртки помятые бумаги, которые вручила ему Эрика. Разглядел и пролистал их, остановившись на одной странице.

«Архитектурные памятники. Окрестности Сент-Брина» – гласил заголовок. Достав телефон, Бернард вбил координаты в поисковик и нажал на педаль газа.

5

– Пап, я дома, – сказал Бернард, отодвигая в сторону занавеску из клацающих друг о друга разноцветных бусин и закрывая за собой входную дверь.

Дом ответил ему неразборчивой и звонкой мелодией из рекламы. На комод горела настольная лампа, заливая коридор приглушенным желтоватым светом. Чуть дальше на одной из стен прыгало синеватое пятно работающего в комнате телевизора.

Стараясь не производить много шума, Бернард снял куртку, переобулся и посмотрел на циферблат наручных часов – около одиннадцати вечера. А ведь вовсе не хотел задерживаться допоздна.

– Привет, мам, – прошептал он и коснулся ловца снов, свисающего с полочки рядом с зеркалом. На соединениях нитей, из которых складывался узор внутри обруча, поблескивали разноцветные бусины, а маленькие с рыжеватым оттенком перья покачивались из стороны в сторону.

У Инесс был талант находить перья повсюду: на заднем дворе, в лесу, просто на улице, пару раз даже на столешнице на кухне. Они, словно одинокие капли дождя, иногда натывались на оконные стекла, устраивались на крыльце, едва ли не падали ей в руки. Она же любила мастерить из них амулеты.

Бернард хорошо помнил ее. Образ матери четко отпечатался на пленке его памяти. Темные выющиеся волосы, белый длинный сарафан без рукавов, подчеркивающий тонкую талию, венок из полевых цветов на голове, а в руках букет из перьев, и зеленые глаза, которые Бернард унаследовал от нее, смотрят с теплотой и легкой грустью. Инесс часто улыбалась, улыбка была ей к лицу. Отец говорил о ней: «Она ангел, который создает амулеты из своих же перьев».

Мать повесила по ловцу снов практически в каждой комнате их дома. Где-то это были сложные украшения со множеством декоративных элементов, где-то совсем простенькие, маленькие. Делала она их из любых подручных материалов, которые хоть как-то можно было использовать. Обруч из металла, пластика, веточек, проволоки; в узор из нитей вплетала бисер, бусины, камушки, обточенные водой осколки бутылок, которые находила как сокровища на берегах рек; в качестве висячих элементов любила использовать разнообразные перья, иногда ракушки. На вопросы маленького Бернарда, зачем дому так много украшений, она отвечала, что не только спящим нужны обереги: «Кошмары преследуют и наяву, просто они выжидают, когда человек уснет и окажется беззащитным, чтобы в полной мере завладеть его сознанием». И Бернард ей верил. Верил, что мама старается защитить семью от монстров, злых духов и кошмаров, потому что в каждую поделку она вкладывала частичку души. Крохотную, но значимую.

К сожалению, обилие оберегов не помогло ей самой. Однажды Инесс погрузилась в глубокий-глубокий сон, и кошмар затянул ее навсегда, что впоследствии обернулось не меньшим кошмаром для маленького Бернарда и его отца. Почему ловцы снов не справились со своей задачей? Или их было недостаточно, чтобы противостоять беде, обрушившейся на семью Макхью? И почему плохие сны все равно продолжали пробираться к спящим? Бернард часто задавался этими вопросами, вероятно, ими же задавался его отец. Он не знал, они мало общались на эту тему и о матери разговаривали не часто. Общее горе вытравывало между ними овраг, с годами превращающийся в бездну. Однако оба по обоюдному негласному согласию так и не сняли ни одного ловца снов. Ведь их сделал их ангел.

Бернард прошел в комнату, из которой доносился звук работающего телевизора. Основной свет был выключен, близнец лампы, стоявшей на комод в коридоре, освещал комнату. Отец лежал на диване, приобняв себя руками и прикрываясь от сквозняка, врывающегося через приоткрытое окошко. Плед свалился на пол. На прямоугольных стеклах очков плясали синеватые блики.

– Пасмурная погода продержится еще как минимум неделю, однако потом тучи над Сент-Брином развеются, и ожидается потепление. А теперь к новостям спорта...

Бернард выключил телевизор, прикрыл окно и, подняв плед, заботливо укрыл им отца. На кофейном столике около дивана стояла банка таблеток с оставленной им же утром запиской: «Не забудь принять таблетки!». Однако, судя по тому, как стояла банка, отец к ней даже не притрагивался. Бернард только тяжело вздохнул и, прикрыв глаза, потер переносицу. Как еще заставить его пить лекарство вовремя, кроме как стоять рядом?

Покинув комнату со спящим отцом – будить его он не стал, тот спал крепко, изредка хмурясь и вздрагивая, – Бернард поднялся на второй этаж и распахнул дверь в домашнюю фотолабораторию. Включив свет, он прошел внутрь и осмотрелся.

Специфический запах химикатов еще витал в воздухе, однако больше пахло просто пылью и немного затхлостью. Бернард не работал тут с тех пор, как обустроил в студии темную комнату и занимался проявкой пленок и фотографий только там. Дольше, чем он, здесь не появлялся только его отец, Грегор Макхью, или, как бывало, называл его мэр Ньюмен – Макхью-старший. Тем не менее сейчас какая-то неведомая сила привела Бернарда сюда, посмотреть на банки с растворами с истекшим сроком годности и полупустое, словно бы заброшенное помещение. Может, стоило обновить растворы, заменить перегоревшую лампочку в фотолабораторном фонаре, принести ванночки для химикатов и потратить пару ночей на проявку накопившихся пленок?

– Берни.

В проеме, уперев кулак в дверной косяк, стоял худощавый мужчина во фланелевой клетчатой рубашке и старых потертых брюках. Очки спустились на кончик заострившегося с годами носа. Глаза смотрели настороженно, мыски его тапочек не пересекали порог.

– Не слышал, как ты пришел. Что-то ты поздно сегодня, – он наклонил голову, и взгляд его упал на фотоаппараты в чехлах, висящие на шее сына. – Что ты здесь ищешь?

Бернард огляделся по сторонам, задаваясь тем же вопросом, и сделал шаг в сторону отца. Когда-то здесь кипела жизнь, стояли забитые снимками коробки, то тут, то там валялись принадлежности для съемки, а на веревке друг к другу прижимались подвешенные для просушки фотографии и пленки. Теперь из этого места словно бы вытащили сердце. Оставили лишь оболочку.

– Ничего особенного, – пожал плечами Бернард. – Просто подумал, может, стоит восстановить фотолабораторию? У меня скопилось много пленок, но я не успеваю их проявлять в студии.

– Тебе вполне достаточно одной лаборатории, – твердо сказал отец, вскинув голову. На мгновение стекла его очков отразили свет лампы. – В чем проблема остаться в студии, если так много работы? Я ведь не заставляю тебя являться домой к определенному часу.

Бернард стиснул зубы. Каждый их разговор, касающийся фотографии, заканчивался тем, что Грегор был категорически против того, чтобы Бернард занимался проявкой дома. И каждый раз Бернарда удивляло то, как этот человек так кардинально мог поменять свое отношение к фотографии. Раньше, когда они еще были полноценной семьей, они много беседовали о тонкостях съемки и снимках, отец разговаривал с ним как со взрослым. Сейчас же Грегора даже не интересовали успехи сына, он словно старательно избегал любых разговоров, затрагивающих эту тему. Будто намекал Бернарду: «Занимайся своей фотографией, но подальше от меня».

Неужели ему не интересно узнать, как развился навык сына? Или ему хватало видеть мелькавшие в местной газете фотографии авторства Бернарда?

Бернард пытался вывести отца на тропинку, с которой тот давно сошел, поговорить об удачных и не очень снимках, в конце концов, услышать дельный совет, однако Грегор всякий раз держался холодно и отстраненно. И даже с обустройством фотолаборатории в студии помогал Виктор Чилтон. Грегор тогда лишь пожал плечами и сказал, что ничем не может помочь, так как уже ничего не помнит. Но Бернард знал, что тот все прекрасно помнил. Так или иначе, возвращаться к фотографии отец не собирался, хоть в свое время послужил катализатором проявления тяги у Бернарда к этому искусству.

– Ты куда-то ездил? – спросил отец, не спуская глаз с Бернарда.

– Ньюмен попросил помочь с одним мероприятием.

– А потом?

– Просто поездил по окрестностям, – достав из кармашка сумки с фотоаппаратом фотографию, Бернард подошел ближе и протянул ее отцу. – Хотел разыскать этот дом.

Бернард надеялся, что отец возьмет снимок, но тот стоял не шелохнувшись, как и всегда, выражая абсолютную незаинтересованность. На черно-белой фотографии был изображен старый деревянный дом с небольшой кирпичной пристройкой, на переднем плане стояла старая машина с круглыми фарами.

– Где ты нашел такой раритет? – спросил Бернард.

– Ты ездил туда? – с пренебрежением спросил отец. Карие глаза из-под нахмурившихся бровей смотрели внимательно и строго, словно Бернард был мальчишкой, который нахулиганил или совершил какую-нибудь глупость.

– Не только туда.

– Зачем?

Вот опять. Вместо разговоров только вопросы и отстраненность. Раньше их объединяло увлечение фотографией. Это была та территория, где они были как настоящие отец с сыном. Однако Грегор не фотографировал уже... сколько лет? Десять или даже больше?

– Просто хотелось узнать, цел ли еще этот дом, – сказал Бернард, избегая сурового взгляда отца. – А может, даже повторить фото с той же машиной. Сколько лет этой фотографии?

– Я делал ее еще до твоего рождения.

– Не знаю, почему, но мне она нравится. В этом чердачном окне словно бы чей-то силуэт, хотя это всего лишь тень от дерева.

– Тебе не стоит повторять мои фотографии, – громогласно заявил Грегор.

Бернард опустил голову, ощутив, как сжалось сердце от обиды. Который год он не оставлял попытки поговорить с отцом на эту тему, с горечью вспоминая о том, как раньше лилась их беседа вокруг снимков.

– Почему? – практически прошептал он, возясь с кармашком чехла от фотоаппарата.

– Просто не надо этого делать, – строго произнес отец и отступил назад.

Его выражение лица говорило красноречивее всяких слов – он больше ничего не желал слышать по этому поводу. Бернард снова уперся в стену недопонимания. В который раз...

Выключив свет в бывшей фотолаборатории, Бернард шагнул в коридор и закрыл за собой дверь. Отец сразу переменился в лице, словно развеялись тучи, из-за которых он выглядел неприступной скалой.

– Ты поел?

Бернард отрицательно покачал головой, поднимая взгляд на отца.

– Я приготовил рис с грибами и рыбу. Идем, – Грегор улыбнулся и, махнув рукой, направился к лестнице.

– Пап, – обратился Бернард, когда нагнал его. Когда-то они с отцом были примерно одного роста, но в последние годы Грегор стал как-то быстро стареть и горбиться. – Ты опять забыл выпить свои таблетки. Я оставляю записки и звоню тебе, но не могу контролировать каждый твой шаг.

– Прости. Кладу трубку и сразу же забываю. Ничего не могу с собой поделать, – ответил отец, виновато улыбнулся и похлопал Бернарда по плечу. – А ты забываешь ужинать. Мне надо бегать за тобой как за маленьким ребенком?

От этой «шутки» у Бернарда внутри все похолодело и сжалось. Он потянулся к воспоминаниям. К темному пятну на них, образовавшемуся в тот сложный период, когда Грегор и вовсе позабыл, что у него есть сын.

«Ты не бегал за мной как за ребенком. Так что ты и понятия не имеешь, каково это», – обратился он к отцу мысленно, но вслух не произнес ни слова, хотя хотелось бросить эту фразу

прямо ему в лицо. Но нельзя, нельзя устраивать скандал из-за детских обид. У отца больное сердце, тем более он вечно забывает принимать лекарство...

«Поэтому сосчитай до десяти и успокойся, Берни», – мысленно посоветовал он сам себе.

К тому времени, как они оказались около кухни, Бернарду удалось отстраниться от болезненных воспоминаний и развеять вкус застарелой обиды.

– Ладно, Берни, – виновато улыбнулся отец, – я выпью таблетки и пойду спать. Ты поешь и тоже ложись, выглядишь уставшим. Много дел в студии? Еще, наверное, и Ньюмен работы подкинул. Тебе бы помощника...

«...или закрыть студию и вовсе уехать из города», – пронеслось в голове.

– Ты обновляешь то объявление? Что, до сих пор не нашлось желающих?

– Обновляю, не нашлось, – повторил Бернард, предпочитая опустить подробности относительно нового знакомого.

Бернард сомневался, что человек с таким характером, как у Юэна, согласится на работу в духе «подай-принеси». Скучно. Это ведь не драмкружок. И не клуб или бар, где можно устроиться или влипнуть в драку по пьяни.

Выпив лекарство, Грегор отправился в свою спальню, как обычно, заперев дверь изнутри. Бернард не знал, что происходило там, как выглядела комната и почему отец всегда закрывал ее на ключ. В его личное пространство вторгаться не решался. Бернард мог только предполагать, что тот хранил у себя коробки со снимками, так как помнил, что их всегда было много, а потом они куда-то исчезли.

В целом такое положение дел его даже устраивало. Отец не водил женщин и, судя по тому, как по выходным заталкивал пылесос в комнату, стабильно там убирался. Этого было достаточно. Они оба взрослые люди. Грегору пятьдесят восемь лет, Бернарду – двадцать три, однако разница в возрасте никогда не ощущалась так остро, как сейчас. Они жили в одном доме, смотрели телевизор, сидя на диване, ели за одним столом, могли поддержать беседу о погоде, городских новостях, поверхностно об общих делах студии, не касаясь темы фотографий, или о чем-нибудь еще отстраненном, но давно жили разными жизнями. Очень давно. Это началось еще до того, как Бернард стал совершеннолетним. Грегор не поучал сына, а тот, в свою очередь, не испытывал к отцу неприязни за поучения. Но так же они не делились друг с другом чем-то действительно важным. Не разговаривали по душам. Каждый существовал в своем мире.

С неохотой ковыряя рис вилкой, Бернард посматривал в сторону медленно покачивающегося ловца снов. Этот был белым с перламутровыми бусинами и выкрашенными в голубой маленькими пушистыми перьями. Интересно, думал Бернард, сколько еще должно пройти времени, чтобы, наконец, рука поднялась снять их?

Обступившая тишина казалась одновременно обыденной и невыносимой. В отличие от отца Бернард предпочитал заглушать эту тишину не телешоу, старыми фильмами и отделяющей одно от другого навязчивой и громкой рекламой. Иногда, сидя у себя в комнате, он включал на слабую громкость радио, но чаще просто работал за ноутбуком или лежал на кровати в наушниках. В целом же, когда отец выключал телевизор и закрывался в своей комнате, в доме обычно воцарялась полнейшая тишина, которую разбавляли лишь доносящиеся с улицы звуки природы.

Поднявшись к себе, Бернард положил оба фотоаппарата на письменный стол к ноутбуку. Приоткрыл окошко, впуская свежий ночной воздух и голоса птиц со стрекотом сверчков. В его комнате тоже висел ловец снов, прикрепленный к книжной полке над рабочим столом. Зеленые и синие бусины словно запутались в паутине нитей, а вытянутые полосатые перья перемежались с маленькими павлиньими. Бернард помнил, как мать рассказывала, что нашла эти перья в зоопарке еще до его рождения. Хотя он бы даже не удивился, если бы она просто принесла их в дом, случайно найдя где-то на улице.

Завалившись на кровать, Бернард понял, как сильно устал, потому что вставать ему больше не хотелось. Почему бы просто не закрыть глаза и не уснуть прямо в одежде? И хоть собственное тело ощущалось тяжелым, а кровать – удивительно мягкой, он все-таки нашел в себе силы встать, включить ноутбук и подсоединить к нему цифровой фотоаппарат. Выделил сделанные за сегодня кадры и переместил их в новую папку. Отбор, ретушь и прочие дела, вроде отправки в местную газету, оставил на потом.

Пока файлы копировались, Бернард успел по-быстрому принять душ, повторить в голове недавний разговор с отцом и вернуться в комнату с крутящимся от сквозняка зеленым ловцом снов.

Вытирая полотенцем намокшие волосы, он прикрыл окно и сел за письменный стол. Быстро пересмотрев фотографии, он остановился на тех, которые по его просьбе сделал тот парень, Юэн. Ничего особенного в них не было, просто несколько покадровых снимков вещающего о своей книге писателя, однако внутри у Бернарда будто что-то перевернулось. Он ведь никогда прежде никому не разрешал делать снимки с его фотоаппарата. Единственным человеком, которому он мог довериться, был отец, в настоящее время не проявлявший интереса к фотографии. А тогда, в библиотеке, Бернард даже не задумался об этом. И дело даже не в том, что кто-то мог разбить объектив, заляпать линзу, удалить нужные фотографии или просто наделать кучу плохих кадров, хотя это все тоже относилось к существенным причинам, чтобы не давать фотоаппарат даже просто подержать. За столько лет он привык, что фотоаппарат и все, что с ним связано, входит в категорию «личных вещей», и чужие руки, помимо того, что могут испортить, будто бы касаются чего-то сокровенного. Однако сегодня он не испытал ничего подобного. Может быть, просто его ощущения не сошлись с реальностью, или его так обрадовала возможность, что кто-то вместо него будет делать скучные снимки по работе, а он в это время сможет фотографировать то, что хочет.

«В любом случае, – думал Бернард, – тому парню надо было просто пару раз нажать на кнопку и все. Ничего и не могло пойти не так, хотя у этого Юэна аура человека-катастрофы».

Пообещав себе в следующий раз сто раз подумать, прежде чем разрешать кому-либо касаться фотоаппарата, Бернард выключил ноутбук и встал из-за стола. Неожиданный звук заставил его обернуться и застыть на месте. На столе рядом с фотоаппаратом лежал ловец снов, который минуту назад еще свисал с полки.

Сердце заколотилось в бешеном ритме, к горлу подступил ком, который Бернард попытался сглотнуть. Он потянулся и взял упавший амулет, ощутив при этом, что в комнате неожиданно стало нечем дышать. Внезапная тревога напала на него монстром и вцепилась в горло, перекрывая доступ кислорода в легкие. Грудь тяжело вздымалась, Бернард ловил ртом воздух, чувствуя под пальцами гладкость шелковых нитей.

Наконец, он подошел к окну, распахнул его настежь и, перевалившись через раму, подставил лицо холодному ночному ветру.

Месяц подмигивал с неба, то скрываясь за облаками, то выныривая из-за них. Птицы голосили свои песни, ветер шелестел листвой. Чувствуя, как приходит в норму, Бернард всмотрелся в темноту. Тревога не ушла, но дышать стало легче. В воздухе пахло приближающимся дождем. Накатило странное чувство, когда знаешь, что скоро небо обрушится на землю потоками, как вчера перед бурей.

Что-то надвигалось. Помимо дождя. Что-то крупное и плохое. И Бернард не мог отвязаться от мысли, что нечто подобное он уже испытывал перед тем, как умерла мать.

Он держал ловец снов и неосознанно прижимал его к себе.

6

Всю ночь дождь барабанил по крыше, выстукивая убаюкивающую мелодию, а редкие вспышки молний, сопровождающиеся почти бесшумным рычанием грома, озаряли комнату. На стены ложились тени ветвей, дрожащие и прыгающие под напором ветра.

В детстве Бернард ненавидел грозу. Каждый раз он вздрагивал от вспышек молний и, выглядывая из-под одеяла, посматривал на стены, боясь распознать в очертаниях теней силуэт монстра или тянущиеся к нему страшные, корявые руки.

Сейчас было иначе. Иллюзорные монстры больше не пугали, но необъяснимая тревога не отступала, и Бернард желал только уснуть поскорее, чтобы развеять ее власть над собой. Однако ни монотонное пение дождя, ни свежий воздух, поступавший в комнату через приоткрытое окно, не помогли ему погрузиться в глубокий сон. Пришлось довольствоваться обрывочным. Неугасающее чувство тревоги наутро вылилось в головную боль – не самое хорошее начало дня.

Бернард даже не пытался вспомнить, что ему снилось. Сновидения представляли собой мешанину из событий прошедшего дня, приправленную вязким соусом тягостной психоделики. Если бы имелась возможность отключить функцию снов как таковых, Бернард ей бы воспользовался. Погода успокоилась, и с улицы доносились только залиvistые трели птиц. Спокойное утро, но беспокойно внутри.

Позавтракав и выпив чашку травяного чая от головной боли, Бернард подкрался к двери в комнату отца. Тот еще не показывался, обычно вставал чуть позже и уезжал на почту сортировать письма с посылками. От этой утренней тишины Бернарду каждый раз становилось не по себе, словно он оказывался в заброшенном, давно покинутом людьми месте. Он постоял несколько секунд у двери, прислушиваясь, но услышал только шум собственного дыхания и стук сердца.

– Пап, у тебя там все в порядке? – спросил он громко и постучал. Всякий раз, когда он так делал, внутренности сводило от страха. Вдруг на его вопрос отец не ответит? Рано или поздно это должно было произойти, но лучше поздно...

Когда за дверью послышался шорох и спустя пару секунд отец заговорил, Бернард выдохнул с облегчением.

– Да, все в порядке, – голос Грегора звучал бодро, однако отец никогда по утрам не открывал двери, да и в целом не выходил из комнаты, если рядом находился Бернард.

– Ладно, тогда я поехал в студию.

– Хорошо.

Выждав несколько секунд, настороженно улавливая звуки из-за двери, Бернард развернулся и пошел по коридору. Старый и местами полинявший ковер приглушал шаги. Тишина ложилась на плечи тяжким грузом и выталкивала на улицу, где ветер шелестел листвой. Небо нависало удушающим куполом, во влажном воздухе пахло землей, напоминая о ночном дожде.

Бросив рюкзак с прикрепленным к нему ловцом снов из своей комнаты на пассажирское сиденье, Бернард скинул один из фотоаппаратов, навел объектив на дом и нажал на кнопку, проделав свой ежедневный ритуал. Словно сохранил все до настоящего момента, не имея ни малейшего представления, что может произойти в будущем.

Вчера, когда он колесил по окрестностям, ему удалось найти то самое место с отцовской фотографии. Кирпичная пристройка оказалась разрушена, сам дом покосился и выглядел заброшенным: древесина почернела от времени, окна частично выбиты, частично заколочены, крыльцо провалилось и поросло травой, вместо раритетной машины валялось лишь ржавое и погнутое велосипедное колесо. Фотографию отца он все же повторил (осталось ее только проявить), и разница между двумя снимками красноречиво говорила о том, что все, так или иначе, приходит в упадок. Наверное, когда-нибудь та же участь постигнет и их дом. Если бы Бернард не был занят тем, что, разворачиваясь, смотрел в боковые зеркала, он бы заметил, как в окне на кухне колыхнулась занавеска.

Приехав в студию пораньше и заварив себе травяной чай, Бернард уселся разбираться с фотографиями, сделанными на мероприятии в библиотеке. Пока клиентов не было, в том числе и того парня, он удалил откровенно неудачные кадры и выбрал те, которые можно было использовать для статьи, подправил их и вечером заехал в редакцию газеты. Сидевшая за стойкой у входа женщина средних лет с нелепой челкой – имени этой дамы Бернард так и не смог запомнить – молчаливо приняла у него флешку.

На улице он заметил светловолосую девушку, возившуюся с содержимым своего рюкзака и из-за этого совершенно не замечавшую ничего вокруг.

– Осторожней, – предупредил ее Бернард.

Девушка остановилась и подняла голову, обнаружив, что едва не врезалась в столб. Она застенчиво улыбнулась.

– О, Бернард.

– Привет, Эрика.

Румянец коснулся по-детски пухленьких щек девушки. С распущенными волосами она казалась симпатичнее, чем когда собирала их в хвост на работе в библиотеке. И одета сегодня была не так официально: ярко-синие облегающие джинсы, поразительно белые, совершенно не тронутые уличной грязью кроссовки и бежево-розовая ветровка.

– А ты здесь... – начала она, посмотрев на вывеску редакции и закинув рюкзак за спину, – как всегда, работаешь.

– Вроде того.

Эрика прикусила губу и робким движением оттянула лямки рюкзака.

– Питтс сообщил тебе?

– Если ты о выставке фотографий библиотеки – да.

– У меня есть кое-какие идеи по этому поводу, – светясь от счастья, сказала она. По одному только виду было заметно, что ей не терпелось заняться тем проектом. Внезапно лицо ее переменилось. – Ох, я опаздываю на урок иностранного языка, извини, надо спешить, – она скользнула мимо Бернарда, затем остановилась и обернулась. – Чаше заходи в библиотеку поболтать.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и быстрым шагом пошла по улице. Пару секунд Бернард смотрел ей вслед, затем сел в машину.

«В чем проблема остаться в студии?» – заговорил в нем голос отца.

«Никаких проблем», – ответил он себе мысленно.

Уже начало темнеть, когда Бернард припарковал свой автомобиль за зданием похоронного бюро, ни одно окно которого не горело. Значит, Виктор Чилтон так и не объявился. Бывало, он приезжал под конец дня, когда «появлялась работа» или надо было заняться внутренними делами бюро, однако сегодня вечером Бернард находился в здании совсем один.

Холодильная камера в подвале (даже с покойниками) его не пугала, но тишина напоминала тишину дома, когда отец закрывался в своей комнате, а это уже было невыносимо. Поэтому Бернард включил радио на волне джаза и, наконец, отобрал катушки для проявки, отснятые еще до разразившейся позавчера бури.

Когда-то эта процедура казалась ему сложной и непонятной. Он был уверен – для того чтобы не испортить пленку при проявке, нужно обладать выраженным талантом. Со временем, путем проб и ошибок, он научился и довел свои действия практически до автоматизма. Оказалось, это не так сложно. Просто соблюдай последовательность, засекай время, проверяй температуру воды. Действия, которые за несколько лет могли превратиться в рутину, Бернард до сих пор выполнял с особым трепетом. Будучи маленьким, он не смог остаться равнодушным к увлечению отца, и искусство фотографии увлекло его с головой. Настоящая магия, когда на белой бумаге вдруг начинает проявляться изображение, будто картинка из ничего, практически как в сказке.

Раньше Грегор работал редактором в местной газете и фотографом по совместительству. Отец из прошлого не выпускал фотоаппарат из рук и часто закрывался в проявочной комнате, а после показывал маленькому Берни интересные черно-белые картинки. Когда сын подрос, Грегор разрешил ему помогать на разных этапах. Сначала по мелочи, но Бернард схватывал все на лету и относился к проявке пленок и фотографий с такой серьезностью, которой могли бы позавидовать многие взрослые. Грегор не скрывал радости – у сына проявлялась тяга к полезному увлечению, он поощрял эти стремления, они много разговаривали, Бернард впитывал информацию как губка, упрашивал отца как-нибудь доверить ему проявить пленку.

Однажды, под присмотром Грегора, Бернард получил свои первые снимки. Он отснял целую катушку, фотографируя все подряд, потом самостоятельно проявил пленку в полной темноте, полагаясь лишь на осязание, и, наконец, под красным светом вымачивал в растворах снимки. Восторг, который он испытал тогда, привел к четкому осознанию, чем ему стоило заниматься в жизни.

А потом все резко изменилось, когда мама умерла, оставив много недоделанных ловцов снов на своем рабочем столе. И в день ее похорон все амулеты, развешанные по дому, кружились без остановки, будто призрак ее блуждал по комнатам и дотрагивался до каждого...

Домой Бернард вернулся за полночь, с отцом не увиделся, но был доволен, что ему удалось сократить количество непроявленных катушек. В том, что целый день Бернард провел в работе, имелся один важный плюс – тревога улеглась. Может, не полностью, и какие-то ее отголоски продолжали тихо звенеть, точно колокольчик на ошейнике собаки где-то в ночи, однако победить бессонницу и плохой сон удалось. Надолго ли?..

На следующий день Бернард с утра пересекся с Чилтоном, который учтиво попросил его повесить зеркало, назвал имя и фамилию усопшего, но Бернард не знал этого человека, хоть и не отрицал, что тот мог когда-то приходить к нему в студию. В течение дня поступило несколько заказов на ретушь, пришло пару человек сделать фотографии на документы. Одна дама оказалась очень обеспокоена тем, что ей не удалось посмотреться в зеркало и прихорашиваться для фотографии. Она долго охала и ахала, и Бернард сказал, что она вполне может использовать карманное зеркальце. В конце концов, он сам придерживался этого ритуала уважения к покойным чисто формально. В общем, фотостудия продолжала работать в обычном режиме, а клиенты продолжали также поглядывать в сторону Макхью-младшего, как иногда называл его Робин Ньюмен, с сомнением. Казалось, что в этом городе никогда ничего не поменяется, потому что не поменяются люди.

Тот парень так и не появился, видимо, решил все-таки не связываться с «фотографом из похоронного бюро». Бернард запомнил его имя – Юэн Гибсон, – хоть уже понимал, что в этом не было необходимости, ведь они вряд ли встретятся вновь. Как и остальных, тех немногих, кто приходил к нему в студию по поводу работы, его хватило всего на один день. С помощником или без, а дела не терпели отлагательств.

Следующий день Бернард решил посвятить наведению порядка в студии, в первую очередь он хотел пересмотреть и избавиться от барахла, покрывшегося пылью в огражденной части комнаты. Какие-то вещи принадлежали Чилтону, ведь помещение находилось в его собственности. Остальное привозил ему в свое время Ньюмен. Всякие фоны для фотосессий, которые никто не хотел устраивать, старые штативы и студийные лампы, и еще куча комплектующих и хлама, который Бернард привез из дома, когда освобождал домашнюю лабораторию.

Выполнив часть заказов до обеда и обслужив нескольких клиентов, Бернард, наконец, собравшись с силами и с влажной тряпкой и мешками для мусора ступил на огражденную территорию, которая даже днем тонула в полумраке. Он включил напольный светильник и вытер от пыли свободную часть стола, несколько раз при этом чихнув.

«И как могло здесь скопиться столько всего? – не переставал задаваться вопросом Бернард. – Будто разбираю чердак или подвал».

Одной рукой прижав к себе коробку со склянками и флаконами, а другой взяв поломанный стул, Бернард начал спускаться по лестнице.

С горки пустых бутылок из-под реактивов соскользнул один флакон и с грохотом запрыгал вниз по ступенькам, упав прямо под ноги фигуре в темной одежде.

Человек наклонился, рука с мелькнувшим на ней кольцом потянулась к флакону.

– Привет, ждал меня? – спросил Юэн, широко улыбнувшись, и потряс пустой тарой.

Бернард остановился на лестнице, гадая: он видит реального человека или воображение играет с ним злую шутку? Однако Юэн не спешил растворяться в воздухе, подобно призраку или иллюзии.

«Пришел все-таки. Хотя, – Бернард спустился на одну ступеньку, крепче придерживая коробку, чтобы из нее больше ничего не вывалилось, – у него есть причина прийти».

– Знаешь, ты мог бы сделать вид, что хотя бы рад меня видеть, – пробурчал Юэн.

– Если ты пришел по поводу той фотографии, то я еще не проявил пленку.

– Тем лучше. Я буду уверен, что ты не сможешь снять с нее копию или что-то вроде того.

Когда Бернард спустился, встав напротив дверей грузового лифта, он заметил, что ранка на брови Юэна практически зажила, однако на его скуле появилась новая ссадина. И на губе царапина, но уже с другой стороны.

– Я смотрю, у тебя такая традиция? – с сарказмом спросил Бернард. Юэн лишь вопросительно поднял бровь. – Чей стол ты протаранил в этот раз?

Словно только-только вспомнив о новых ссадинах, Юэн похлопал себя по щеке.

– Ах, это, – он небрежно махнул рукой. – Да так, сцепился кое с кем. Знаешь ли, есть люди, которые любят досаждать другим, хотя те ничего им не сделали, – Юэн наигранно кашлянул и выхватил из рук Бернарда сломанный стул. – Наводишь порядок, да? Давай помогу, я ведь вроде как теперь твой ассистент, если твое предложение еще в силе.

– Признаться честно, – сказал Бернард, толкая входную дверь и придерживая ее, – я думал, что ты не придешь.

– Думал, но ведь надеялся, что все-таки приду? – усмехнулся Юэн.

Оставив реплику без ответа, Бернард махнул свободной рукой, указывая направление, и они обогнули угол здания. Там, с торца, у стены стоял большой мусорный бак.

Расправившись с хламом, Бернард отряхнул руки, а Юэн поднял голову и всмотрелся в набухшее влагой небо. В воздухе вновь ощущалось приближение дождя.

– Как думаешь, сегодня будет гроза?

– Не знаю. Если и так, не очень хочется снова остаться без электричества, – ответил Бернард.

Он был настолько уверен, что никто не решится стать его помощником, что сосредоточенно смотрел на парня, до конца не веря в то, что тот согласился. Что бы его ни привело к этому решению, он стоял тут.

«Это будет непривычно – видеть кого-то еще в студии».

– Что-то хочешь спросить? – поймал его взгляд Юэн.

– Да. Для формальности: сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Ты работал где-то до этого?

– Подрабатывал только, – Юэн пожал плечами. – То в клубе, то в баре, то в круглосуточном магазине. Подожди, я пропустил тот момент в трудовом договоре, где было что-то про опыт работы...

– Просто интересуюсь, – ответил Бернард и, заметив на своих штанах пыльное пятно, поспешил его отряхнуть.

«Скорее всего, надолго ты не удержишься, но, может, оно и к лучшему».

– У меня тоже есть несколько вопросов, если уж мы начали разговаривать серьезно, – сказал Юэн, посмотрев куда-то вдаль. Бернард знал, что именно привлекло его внимание, – там, среди деревьев, проступали очертания кладбищенской ограды. Старое кладбище Сент-Брина – еще один маячок, по которому можно было найти фотостудию, и... по совместительству еще одна причина, почему никто из заинтересовавшихся работой не задерживался здесь надолго. – Как я понял, тебе же нужен ассистент не на полный день, так? Потому что иначе у меня не получится.

– Все верно, мне не нужен человек на полный день. Плата за фактически отработанное время. Считай это той же подработкой. Но в основном мне не хватает рук на разных мероприятиях, вроде того, на котором мы с тобой побывали пару дней назад. Однако в студии тоже есть дела.

Юэн понимающе кивнул и, судя по задумчивому выражению лица, хотел спросить что-то еще, но начавшийся мелкий дождь сбил его с мысли. Листья зашевелились от падающих капель, ветер стих. Парни переглянулись и вернулись в студию.

– Ладно, раз уж мы так хорошо начали, – сказал Бернад, повесив намокшую джинсовку на вешалку, – тогда продолжим разбираться.

– Ты имеешь в виду там? – спросил Юэн, кивнув в сторону отгороженной части комнаты. Из-за сгустившихся туч и начавшегося дождя вся студия погрузилась в полумрак, и света заженной напольной лампы не хватало.

– Да, а что? Боишься запачкаться? Могу выдать фартук.

– Не-ет, – неуверенно протянул Юэн.

Бернард прошел мимо него и включил свет в общем зале.

– Так намного лучше, – прокомментировал Юэн и посмотрел себе под ноги.

– Подожди-ка... Мне теперь всей грязной работой заниматься? Полы тоже надо будет мыть?

– Одна из самых важных обязанностей, – усмехнулся Бернад. – Ассистент помогает владельцу во всем. Ты же не думал, что единственная работа в студии – это делать фотографии? – он встал перед Юэном и посмотрел на него. – Еще есть возможность отказаться.

«Сейчас он, скорчив недовольное лицо, скажет, что передумал. Я уже сталкивался с подобным», – думал Бернад, испытывая при этом противоречивые чувства. Он не понимал, почему так жаждал услышать отказ Юэна, и одновременно с этим все-таки хотел, чтобы кто-то время от времени ему помогал. Будто он хотел заставить себя еще сильнее отдалиться от людей или просто где-то в глубине души не желал «делить» свою студию с кем-то еще. Кто бы знал?

– Я уже согласился, было бы невежливо отказывать. Да и вряд ли этим можно напугать. Но надеюсь, ты не будешь зверствовать и злоупотреблять властью, – пожав плечами, ответил Юэн.

Вместе они перебирали содержимое коробок, в которых оказались остатки стройматериалов и ненужных вещей, вроде старых-старых телефонов, проводов и прочего мусора.

«Какой-то склад списанного оборудования».

Юэн тоже не скрывал удивления. Казалось, весь этот процесс его даже веселил, словно он, как маленький, пробрался на чердак и разбирал изжившие себя вещи, которые никто не трогал лет десять или двадцать.

– Слушай, – сказал Бернад, сидя за столом и перебирая старые фотоаппараты, многие из которых были неработающими, – когда мы были в библиотеке, ты не заметил ничего странного?

– Дай подумать, – нахмурившись, откликнулся Юэн. – Да, кое-что мне показалось странным.

Бернард даже отложил в сторону сломанный фотоаппарат, который когда-то купил на блошиной ярмарке для коллекционирования, и, затаив дыхание, выжидающе посмотрел на Юэна.

– Усы.

– Усы?

– Усы у того писателя. Ты разве не заметил, что они с одной стороны у него были короче, чем с другой? Будто этот старик так и не научился правильно бриться.

«Усы? Серьезно?» – Бернад выдохнул с разочарованием, хотя не смог скрыть улыбки.

– А ты наблюдательный, – заметил он, ощутив, как часть напряжения, вызванного воспоминанием о той бледной девочке среди стеллажей с книгами, испарилась. – Я не обратил внимания на то, что у писателя были усы разной длины, но поверю на слово. Может быть, ты заметил что-то еще? Не связанное с усами.

– Ну, может быть, и не очень странное, но мне показалось, что я где-то видел ту девушку, с которой ты заигрывал.

– Ты о ком?

– Явно не о помощнице мэра, которая не умеет подбирать помаду, – фыркнул Юэн. – И на моих глазах ты мило общался только с одной девушкой, с той, которой ты еще книгу писателя с кривыми усами отдал, «Золотой дождь» или как там.

Бернард не смог сдержать усмешки.

– Вообще-то, книга называлась «Смертоносный дождь».

– Да, именно так я и сказал, разве нет? – улыбнулся Юэн.

Бернард снова взял сломанный фотоаппарат, осознавая, что улыбка не сходит с его лица.

«С каких это пор меня забавляют такие дурацкие шутки?»

– И с той девушкой я не заигрывал.

– Да ладно, – театральнo изумился Юэн. – А выглядело именно так. По крайней мере она была готова прыгнуть тебе в объятия. Уверен, я где-то ее видел вне библиотеки.

– Логично. Напоминаю: мы живем в одном городе, – произнес Бернард, вставая со стула.

– Возможно, мы с ней где-то пересекались. Не могу вспомнить, где, – задумчиво сказал Юэн и, подхватив коробку с какими-то старыми бумагами, перетащил ее ближе к выходу. – А с чего ты вдруг спросил про странности в библиотеке? Ты сам видел что-то странное? Призраков людей, которые шумели и не сдавали книги вовремя, и злой начальник библиотеки их убил?

– Да нет, – отмахнулся Бернард и подошел к стеллажу, – ничего особенного.

Потянув коробку с самой верхней полки, он поднял в воздух пыль, от которой зашелся долгим кашлем. Бернард уселся обратно на стул и, протерев коробку тряпкой, открыл ее. Среди всякого барахла, которое приехало в студию прямиком из дома, вроде старых неудавшихся фотографий и блокнотов с помятыми обложками, Бернард нашел еще кое-что.

– Симпатичная штукавина, – заметил Юэн. – Ловец снов. Вроде бы как ловит кошмары. Хотя мне с трудом верится во все это.

Бернард действительно держал маленький ловец снов. Узор, украшенный потускневшими бусинами, был выполнен не очень аккуратно, маленькие пушистые перышки посерели от пыли.

«Что он тут делает?» – едва ли не вслух спросил себя Бернард.

Это был его самый первый ловец снов, который он сплел еще в детстве, не без помощи матери, но маленький Берни тогда очень старался. Амулет, который он сейчас держал, не просто ловил кошмары, он хранил воспоминания о матери – добрые и светлые, но также и темные, болезненные. Бернард провел по нитям пальцем и коснулся самой середины, ощутив, как его стремительно затягивает в самую бездну давнего кошмара.

Сквозь резко напавшую темноту проступило светло-серое небо и выющиеся на его фоне, словно сетка капилляров, ветви засохших деревьев. Это был черно-белый сон, который часто приходил к Бернарду, ловко минуя ловушки из амулетов, развешанных по всему дому. На черных ветвях колыхались белые платья и сарафаны, словно кто-то развесил их на просушку. У основания деревьев в сгустившихся тенях мелькали парные отблески – кровожадные глаза монстров, поджидающих лучшего момента для нападения. Одно из платьев раскачивалось иначе, тяжелее, как большой маятник в часах, которые должны вот-вот остановиться. Из-под подола выступали бледные ступни. Чуть выше на грудь с белыми пуговичками спадали длинные черные волосы, и толстая веревка уходила вверх к самой крупной ветке. Кто-то или что-то больно схватило загипнотизированного раскачивающимся телом Бернарда за плечо.

Он взмахнул руками, отгоняя монстров, которые мгновение назад смотрели на него из чащи голодными светящимися глазами, и вдруг снова вернулся в реальность, в фотостудию.

– Черт! – выругался он, когда заметил рядом с собой схватившегося за нос Юэна.

Юэн выругался покрепче, отступил назад и посмотрел на Бернарда ошалевшими глазами. Сквозь его пальцы просачивалась кровь. Откинув в сторону ловец снов, Бернард схватил Юэна под локоть и быстрым шагом повел в темную комнату. Хлопнул по выключателю, чтобы зажечь

свет, и, подскочив к раковине, выкрутил краны. Продолжая придерживать кровоточащий нос, Юэн шатающейся походкой приблизился к раковине.

– Прости, – сказал Бернард, коснувшись его плеча, и побежал за аптечкой.

«Как такое могло произойти?» – спросил он сам себя, выскакивая из проявочной. Краем глаза он заметил несколько капель крови на полу. Вроде мелочь, а почему-то взгляд за них зацепился.

Вернувшись с аптечкой, он протянул Юэну два куска ваты. Тот, сунув их в каждую ноздрю, немного запрокинул голову и еще раз вымыл руки.

– Ты как?

– Великолепно, черт возьми, – огрызнулся Юэн, не удостоивая Бернарда даже взглядом.

Юэн вздрогнул и попытался одернуть руку, когда Бернард ухватил его за предплечье, однако долго сопротивляться не стал. Бернард вывел его из темной комнаты к рабочему столу и усадил в кресло. Максимально бережно, словно младшего брата, которого у него никогда не было.

– Это вышло случайно, – виновато сказал Бернард.

– Да-да, я уже понял, случайно, – чуть более спокойным тоном ответил Юэн.

– Прости.

Юэн пропустил извинение мимо ушей и вытащил одну ватку. Однако практически сразу кровь снова потекла из носа. Коснувшись впадинки над губой, он тяжело вздохнул и вернул вату на место. Бернард протянул ему салфетку.

– Ты даже не будешь меня фотографировать? – спросил Юэн, язвительно ухмыляясь.

– Извини, забыл. А теперь момент упущен, – ответил Бернард, недовольным тоном показывая, что шутку он не оценил, и скрестил руки на груди. – Что произошло?

– Это у тебя должен спросить. Ты взял эту побрякушку и будто впал в транс, полностью игнорируя мои попытки до тебя докричаться.

Бернард почувствовал, как кровь отлила от щек, он крепко сжал пальцами собственное плечо, с остервенением вспоминая давний кошмар, являвшийся ему после смерти матери чуть ли не каждый день на протяжении года. Почему этот ужасный сон вернулся? И вернулся наяву?

– Когда я начал тебя трясти, ты заговорил таким жутким голосом что-то вроде: «оставь ее в покое, не трогай ее», что я уже собрался бежать за экзорцистом, однако в этот момент ты хорошенько мне врезал, – продолжал Юэн. – До сих пор этот противный хруст стоит в ушах!

– Прости, – на выдохе произнес Бернард, стараясь избегать смотреть Юэну в глаза. – Seriously, это вышло случайно.

За окном шел дождь, уже не мелкий, но и ливнем его нельзя было назвать. Юэн хмуро смотрел на Бернарда снизу вверх и крутился в кресле из стороны в сторону.

– Мне кажется, твоя студия всячески меня отторгает. Пока что это лишь предположение, однако наклеивается нездоровая тенденция. В первый день я очень близко познакомился с этим парнем, – сказал он и погладил стол. – Сегодня получил от тебя в нос. Два раза еще можно считать совпадением. Но если будет третий – это уже закономерность. И я даже боюсь представить, что еще может случиться. Меня сразу отправят в местный морг? – он угрюмо усмехнулся.

– Не хотелось бы, – выдохнул Бернард, – ты еще слишком мало на меня поработал.

Юэн улыбнулся и хлопнул ладонью по столу.

– Так и знал! Никакого сочувствия! – драматично воскликнул он и, повернувшись на кресле к стене с фотографиями, внезапно помрачнел. – И все же... Кого ты имел в виду, когда бормотал в этом своем транс, а? – спросил он тихо.

Бернард не помнил, чтобы вообще что-либо бормотал. Да и вся эта ситуация... Казалось, он просто уснул наяву. Юэн в кресле развернулся к нему и, смотря прямо в глаза, спросил:

– Это правда, что твой отец убил твою мать?

– Что ты сказал? – с вызовом произнес Бернард и, опустив сжавшиеся в кулаки руки, сделал шаг вперед.

Юэн вскочил с места так резко, что кресло с дребезгом отъехало назад. Зеленые глаза фотографа смотрели из-под нахмуренных бровей строго, практически с ненавистью. Юэн, привыкший сразу оценивать физические возможности своего потенциального противника, отметил, что Бернард был выше дюйма на два-три и чуть шире в плечах. Однако превосходство в данных не всегда означало, что преимущество на стороне того, кто внешне выглядит более крепким. Юэн знал свои сильные стороны: ловкость и быстрота, но искренне надеялся, что сейчас их не придется применять. В баре, в клубе – пожалуйста. Но здесь...

Они стояли настолько близко друг к другу, что Юэн ощущал дыхание Бернарда на своем лице и слышал, как воздух чуть ли не со свирепым свистом выходил из его ноздрей. Стук дождевых капель по крыше смягчился и редел – дождь заканчивался, а вместе с ним рассеивался сумрак, в помещении светлело, и становилось более отчетливо видно, что хозяин студии выглядел так яростно, будто его мог остановить только бронированный поезд.

– Осторожно, ты стоишь на расстоянии поцелуя. Я ведь и укусить могу, – сказал Юэн, стараясь хоть как-то разрядить обстановку, и, мягко надавив кончиками пальцев Бернарду на грудь, оттолкнул его от себя. – Остынь. Я не имел в виду ничего плохого и уж тем более никого не обвинял. Я всего лишь озвучил то, о чем треплется половина города.

– Смотрю, для тебя не существует рамок приличия, да? – с раздражением бросил Бернард, продолжая стоять со сжатыми кулаками. Он не приближался, но по-прежнему выглядел сурово. – Никто прежде не осмеливался спрашивать у меня подобное вот так в лоб.

– Прекрасно. Значит, я у тебя первый, – криво усмехнулся Юэн, чувствуя, что вместо того, чтобы вылезать из бездонной ямы напряженной ситуации, он только падал все глубже и глубже. Как, впрочем, и всегда.

«Ну и дернул же меня черт спросить именно об этом. Теперь, чтобы выкрутиться, надо придумать что-нибудь поостроумнее тупых шуток».

Юэн уселся обратно в кресло, вальяжно закинув ногу на ногу и продемонстрировав носки в черно-белую клеточку, набрал в легкие воздуха и широко улыбнулся.

– В прошлый раз у нас с тобой уже возникло недопонимание на этой почве. Что, по-твоему, лучше: если человек смотрит на тебя косо и игнорирует или если человек признается, что слышал о тебе всякое, но контакта при этом не избегает? Разве плохо, что наши отношения с самого начала будут искренними? – спросил он, склонив голову набок. – И не надо реагировать так, будто ты не знаешь об этих слухах. Ты не думал, что тебя именно поэтому сторонятся? Люди опасаются, что ты можешь оказаться сыном убийцы.

На лице Бернарда отразилось сомнение. Юэн видел, что от такой откровенности фотографа корбило, однако Бернард ранее показал себя довольно прямолинейным, и что-то из услышанного заставило его задуматься. Обстановка оставалась накаленной, а из наэлектризованного воздуха в любой момент могли посыпаться искры и молнии. Любое подобие улыбки стерлось с губ Юэна. Он постучал пальцами по столу и, опустив ногу, сел ровно.

– А ты? – с вызовом спросил Бернард, скрестив руки на груди. Плечи его уже не выглядели настолько напряженными, как прежде, когда в зелени его глаз разгорелся пожар. – Ты не боишься, что я могу быть сыном убийцы?

Юэн со свистом втянул воздух и сжал в кулак руку на столе. И почему студия с этой непонятной клеткой-аквариумом вдруг стала похожа на логово маньяка? Открыта ли входная дверь, или лучше сразу прыгать в окно?

– Боюсь, – честно признался Юэн, смотря Бернарду прямо в глаза. – Но я часто совершаю опрометчивые поступки, о которых потом жалею. Недолго, правда. Ровно до того момента, как совершу еще что-нибудь глупое. Так что мне не привыкать. И, кстати говоря, я ведь не просто так спросил о... Ну, ты понял.

Бернард посмотрел на него усталым, но проницательным взглядом. Вспыхнувшая ярость будто бы выжгла практически все эмоции, оставив после себя безжизненную пустыню. Он выглядел бледным и вялым, словно призрак, у которого осталась лишь капля интереса к окружающему миру, а в целом было на все наплевать.

– Ты часто впадаешь в такие состояния? – поинтересовался Юэн.

– О каких состояниях ты говоришь?

– О твоём трансе, из-за которого я сижу тут весь такой «красивый», – Юэн указал на свое лицо. – Лик Аполлона снова осквернен. Серьезно. Со стороны это выглядело пугающе, черт возьми. Твой взгляд вдруг стал стеклянным, словно ты телепортировался куда-то за пределы Солнечной системы. Ты звал мать, а потом просил кого-то, чтобы тот отпустил ее. Что после этого я должен был думать? – к концу предложения голос его чуть повысился.

Сначала Юэну не хотелось упоминать, что он слышал, как Бернард звал мать, но эта деталь в итоге вылезла сама. Пусть знает.

Бернард побледнел еще сильнее. Было видно невооруженным глазом, что он старался не подать вида, будто услышанное его обеспокоило. Вполне логично. Не каждому признаешься, что у тебя есть какие-то проблемы. Фотограф приобнял себя за плечи, словно ему вдруг стало холодно.

– Такое произошло в первый раз, – сказал Бернард тихо и спокойно, но что-то тревожное все-таки проклевывалось в его голосе. – Просто яркое воспоминание о детском кошмаре. Ничего особенного.

– Да, действительно! Ничего особенного, – передразнил Юэн и, встав с места, вытащил из носа окровавленные кусочки ваты. – Не знаю, что там у тебя за кошмары, но это явно ненормально! Как видишь, есть пострадавшие, – он демонстративно помахал ватой перед носом фотографа.

Бернард тяжело вздохнул. Теперь он не скрывал, что расстроен. Руки его опустились.

– Прости, – сказал он уже в четвертый раз. – Это вышло случайно. Но, с другой стороны... – он вдруг посмотрел на Юэна, чуть прищурив глаза. – Ты ведь сам виноват, что попал под горячую руку.

– Чего-о-о? – недовольно протянул Юэн. – Я проявил банальную обеспокоенность, а ты мне нос сломал и говоришь, что я сам виноват?

– Нос я тебе не сломал, не надо, – отрицательно покачал головой Бернард.

– Ага, присмотрись внимательнее. Какая фея вернет мне былое величие?

Аккуратно взяв Юэна за подбородок, Бернард приблизился к его лицу. От этого неожиданного действия Юэн вздрогнул и затаил дыхание, приподняв руки. Зеленые глаза, оказавшиеся так близко, снова напомнили сочную летнюю зелень. И все же, кто там знает, что мог сотворить его отец? Можно ли разглядеть во взгляде скрытое безумие или жестокость? С серьезным видом эксперта оценивая масштаб трагедии, Бернард повернул голову Юэну в одну сторону, затем в другую.

– Не томите, док, говорите начистоту: сколько мне осталось? – сглотнув, тихо спросил Юэн и поймал взгляд Бернарда.

– Лет шестьдесят, полагаю, – ответил Бернард, отпустив его подбородок. – Всего лишь небольшой отек, который можно быстрее снять, если приложить лед.

Юэн повернул голову, отводя взгляд вниз и в сторону, кончиками пальцев одной руки коснулся стола, а другой рукой драматично прикрыл рот.

– Звучит ужасно, – упадническим тоном произнес он. – Только не сообщайте об этом моей семье. Я хочу, чтобы они запомнили меня жизнерадостным и красивым.

Однако шутка не оказала на Бернарда эффекта, которого ожидал Юэн. Более того, что-то в его словах словно повергло фотографа в угрюмо-задумчивое состояние, холодность и отстраненность отразились в его глазах. Он сказал, что принесет лед, и вышел из студии.

«Ладно, хватит на сегодня скверных шуток».

Выкинув окровавленные кусочки ваты в мусорное ведро под столом, Юэн подошел к зеркалу, висящему на стене по соседству с фотографиями. Нос действительно чуть припух и порозовел – с виду ничего критичного, да и по ощущениям все нормально, разве что только немного побаливал до сих пор. Юэн провел пальцем по ссадине на скуле, облизнул губы, нащупав языком маленькую болячку.

«Бывало и хуже, – сказал он своему отражению. – Но мы с тобой хорошо справляемся».

За спиной зеркального двойника – помещение, которому Юэн в первый день дал название клетка-аквариум. Не зря возникло плохое предчувствие с этим заваленным хламом местом. Он как знал, что что-то должно произойти, и... в который раз проигнорировал свою интуицию.

Интересно, размышлял Юэн, насколько близка к правде та история с душами мертвых и зеркалами? Традиция, которой придерживался хозяин бюро ритуальных услуг Виктор Чилтон, звучала как детская страшилка, которая могла вызвать какой-то суеверный страх лет десять-двенадцать назад, но сейчас, в современном мире, воспринималась просто как очередная мистическая история, прочитанная на просторах сети. Бояться призраков уже не актуально.

Стоя перед зеркалом, Юэн открыл было рот, чтобы поразмышлять вслух, однако дверь в студию отворилась и вернулся Бернард с пакетом в руках. Взглянув на Юэна, он саркастически улыбнулся краешком губ.

– Отражение в зеркале – самый лучший собеседник, да?

– Не то чтобы лучший, но, определенно, приятный, – поправил Юэн. – Всегда выслушает и ничего не съезвит в ответ. Еще и симпатичный.

– Дико извиняюсь, если прервал самый волнительный и приятный разговор в твоей жизни, но, собственно, вот, – сказал Бернард и протянул обернутый в ткань пакет, характерно позвякивающий кусочками льда.

Юэн вернулся в кресло за рабочим столом и, откинувшись на спинку, приложил лед к припухшему носу. Бернард остался стоять около зеркала.

– Только не говори, что тебе пришлось спускаться в морг и отнимать у покойников лед, который их охлаждает. Или как там все функционирует, я не знаю.

– Вообще-то, не совсем верно называть то место моргом, – начал Бернард, смотря на развешанные на стене фотографии, – так как здесь не проводится вскрытие, не уточняется диагноз, не определяется, умер ли человек естественной смертью или имела место смерть насильственная. Морги обычно располагаются при медицинских учреждениях в патологоанатомическом отделении или в отделении судебно-медицинской экспертизы. Есть еще места, где хранятся неопознанные трупы. А бюро ритуальных услуг с холодильной камерой ни к чему из этого не относится, хотя когда-то это здание было...

– Избавь меня, пожалуйста, от этих страшных речей о смерти и трупах, не менее страшных сложных слов и своего занудства, – перебил его Юэн, поправив пакет со льдом. – Я просто поинтересовался, откуда ты взял лед.

– Всего лишь заглянул в бюро к Чилтону, – отвлекшись от созерцания фотографий, которые и так имел достаточно времени рассматривать каждый день, ответил Бернард и, обойдя стол, подошел к Юэну. – У него всегда есть колотый лед для виски.

– Было бы лучше, если бы ты и виски прихватил, – горько вздохнув, сказал Юэн и убрал компресс. Затем аккуратно, хмурясь и прислушиваясь к своим ощущениям, потрогал нос. Тот был на месте.

Освободив кресло его законному владельцу, Юэн протянул лед Бернарду и задумчиво склонил голову набок.

– Кажется, я испачкал твою одежду, – заметил он, указывая на рукав толстовки Бернарда.

Там темнела пара небольших кровавых пятен. Бернард задумчиво покрутил перед собой руку, будто от этого движения пятна могли исчезнуть.

– Я бы на твоём месте сменил одежду, – посоветовал Юэн. – Если есть на что. Понимаю, что не очень заметно на темной ткани, но ходить с пятнами чужой крови на рукаве – это как-то не очень. И мне тоже не по себе оттого, что на тебе моя кровь.

– Хорошо, что заметил, – кивнул Бернард. – Теперь ее придется сжечь.

– Не это я имел в виду, но ладно. У тебя какая-то пиромания или что? – ухмыльнулся Юэн, вопросительно приподнимая бровь. – Кстати, весьма символично, что твоё имя созвучно со словом «гореть»¹ – Бернард, Берн. Бёрнс. Берни? «Меня сжигает ненависть, и я тоже сжигаю все на своём пути!» – пропел Юэн с улыбкой и откашлялся. Противоречивые эмоции, отразившиеся на лице Бернарда, могли говорить о том, что ему не понравился текст песни или у него индивидуальная непереносимость голоса Юэна. – Без распевки звучит ужасно, извиняюсь. Ладно, мы продолжим или как? – спросил он, кивнув в сторону клетки-аквариума.

– Я не эксплуатирую покалеченных работников, так что на сегодня все. Можешь идти домой, – ответил Бернард и забрал, наконец, пакет со льдом. – Оплачу тебе сегодня как за полный день.

– Мне приятна такая забота, но не стоит относиться ко мне как к инвалиду. Это во-первых. А во-вторых, могу я предложить собственный вариант, что именно возместит мне моральный и физический ущерб?

Бернард приподнял подбородок, едва заметно улыбнувшись краешками губ.

– Слушаю.

– Три шоколадных круассана, – сказал Юэн и для наглядности поднял три пальца.

– Ты хочешь три шоколадных круассана? – с сомнением переспросил Бернард, вероятно, полагая, что задел Юэна не только по носу.

– Именно. Из той пекарни на перекрестке.

Некоторое время Бернард молчал, обдумывая предложение. А чего тут думать? Юэну такой вариант казался более привлекательным, да и по затратам для самого хозяина студии выходило выгоднее. И что с того, что он захотел перекусить выпечкой? К тому же он где-то слышал, что в той пекарне появились круассаны с какой-то новой начинкой, может, удастся развести и на новинку?

– Хорошо, – кивнул Бернард, переместив пакет со льдом в другую руку. – Можем разобаться с этим прямо сейчас. Мне как раз нужно заехать на почту и забрать заказ для студии.

– Там много? Если да, то за дополнительный круассан я могу помочь тебе с заказом.

– Человек, работающий за еду, – усмехнулся Бернард. – Кажется, это идеально. Поехали.

За рулем Бернард помалкивал, а Юэн чувствовал, как его распирало желание о чем-нибудь спросить малообщительного фотографа, но надо было с осторожностью выбирать темы, сегодня он и так перегнул палку. Не хватало еще того, чтобы Бернард в порыве ярости вышвырнул его из машины прямо на ходу. Одежду он не поменял, и на левом рукаве его толстовки так и виднелись темные пятна.

– Тебе нравятся амулеты, да? – не выдержав, спросил Юэн.

¹ Созвучно с английским словом «Burn» – гореть.

– Амулеты? – переспросил Бернард и с полным непониманием посмотрел на своего пассажира.

Юэн кивком головы указал на заднее сиденье, где лежал рюкзак с прикрепленным к нему ловцом снов. Этот был другой, не тот, который Бернард нашел в коробке при наведении порядка в студии. Сколько их у него всего?..

– А, это, – устало произнес Бернард. – Не то чтобы нравились. Просто память об одном человеке.

– О матери? – выпалил Юэн и тут же мысленно себя отругал.

Он ведь пообещал себе весь остаток дня избегать любых критических упоминаний. А к таким он отнес упоминания родителей Бернарда. Иногда Юэн думал, что ему не помешало бы занять чуть-чуть тактичности. Иногда. В основном его все устраивало. Наверное, надо было просто брать деньги и уходить, однако внезапное желание отведать круассанов перевесило. Впрочем, Юэн недолго переживал по этому поводу, но за реакцией Бернарда проследил. Тот помрачнел и вперился взглядом в дорогу. Асфальт был еще влажным от прошедшего дождя, лужи разрослись. Бернард приблизился к рулю и выглядел так, будто передвигался на машине в полной темноте или густом тумане – осторожно, на ощупь.

– Да, – наконец ответил он.

«Я знаю, ты можешь сделать этот день еще хуже, – обратился Юэн сам к себе. – Но лучше не надо. Просто молчи».

Однако мысленно он все равно возвращался к своему новому знакомому, а по совместительству и шефу. Открыл студию с клеткой-аквариумом в здании похоронного бюро недалеко от старого кладбища – раз. Завешивает зеркала по просьбе суеверного гробовщика, когда кто-то умирает, – два. Носит с собой обереги, вероятно, верит в их защитные свойства – три. Мэр города общается с ним чуть ли не как с сыном – четыре. Впадает в какие-то странные кошмарные трансы – пять. Прямолинеен и способен на колкости – шесть. Иногда на неплохие шутки – семь. Носит два фотоаппарата и готов провести лекцию на час или даже больше о том, чем отличаются фотографии, сделанные на пленку и на цифру, – восемь. Может сильно врезать по лицу, но потом побежит за льдом или аптечкой – девять. А еще сиденья у него в машине удобные – десять?

Теперь, когда Юэн узнал этого человека получше, он уже не совсем тот Бернард Макхью – странноватый, нелюдимый фотограф. Каждый день что-то новое. Что будет дальше, если их общение продолжится?

Следовать собственному указанию оказалось сложно. Юэна так и подмывало спросить еще что-нибудь, но Бернард имел настолько суровый вид, будто собирался отвечать только под пытками или в присутствии своего адвоката. Тем не менее Юэн справился, отчасти благодаря тому, что ехать было недалеко. Они припарковались во внутреннем дворе почтового отделения.

– Нам точно не через главный вход? – выходя из машины, решил уточнить Юэн.

– Точно.

Недалеко, в месте для курения, обозначенным соответствующим знаком, стояла женщина со светлыми курчавыми волосами и не спеша потягивала сигарету. Бернард с ней поздоровался, Юэн для приличия тоже кивнул в знак приветствия. Женщина затушила сигарету и, придерживая накиннутую на плечи куртку, вошла в здание через дверь с надписью «служебный вход». Обменявшись с Бернардом парой незначительных реплик по поводу заказа, она привела их в небольшую комнату, заставленную посылками разных размеров, от писем до внушительных ящиков, и указала на две коробки на столе.

Бернард расписался в получении заказа, и они на пару с Юэном, взяв по коробке, вернулись к машине. Быстро, четко, без лишних телодвижений и разговоров. Всего и делов-то.

– Подожди пару минут, я сейчас, – кинул Бернард уже севшему на пассажирское сиденье Юэну.

– Забыл что-то? – спросил Юэн, но Бернард его не услышал, так как уже хлопнул водительской дверью.

Юэн пристегнул ремень безопасности и принялся сверлить взглядом служебный вход почтового отделения, смутно припоминая, что вроде бы отец Бернарда работал где-то тут. Сам он лично не был с ним знаком и не видел его среди сотрудников. Впрочем, на почте он появлялся всего пару раз в жизни. Вся информация о семье Макхью, которой Юэн располагал, основывалась на слухах. Но ему никогда не хотелось верить в их правдивость, на то они и слухи.

И действительно, через пару минут на улице появился Бернард, а за ним, стоя в проеме и придерживая дверь, по всей видимости, его отец – Макхью-старший, – мужчина ростом чуть ниже самого Бернарда, в очках и с местами посеребренными сединой короткими волосами. Юэн не слышал, что Бернард сказал своему отцу (кажется, его звали Грегор), однако тот в ответ кивнул и через мгновение заметил пассажира на переднем сиденье машины. Смотрел неотрывно и строго, и по одному такому взгляду сразу стало понятно, от кого Бернард унаследовал свою суровость. Мог ли этот человек убить свою жену? Можно ли вообще увидеть во взгляде душу человека? Понять, на какие поступки он способен?..

Бернард невозмутимо сел за руль и повернул ключ зажигания. Грегор Макхью продолжал стоять в проеме, придерживая дверь. Взгляд этого человека пробирал до костей. Юэн похолодел, вжался в кресло и осознал, что нервно прокручивает кольцо на пальце.

8

«И зачем я на это согласился?» – спросил себя Бернард, стоя перед кассой в кафе-пекарне.

Сидевшие за дальним столиком девушки, хихикая и перешептываясь, бросали в сторону двух парней многозначительные взгляды. В отличие от Юэна, склонившегося к витрине и выбирающего начинку круассана с таким сосредоточенным лицом, будто это был самый сложный выбор во всей его жизни, Бернард прекрасно замечал людей, которые обращали на него внимание. Другое дело – он не всегда показывал это. Проще сделать вид, что тебе все равно, зато иногда можно услышать о себе многое, ведь большинство людей почему-то полагало, что, если объект их разговора не смотрит на них, значит, и не слышит.

Девушки за столиком, по всей вероятности, хотели привлечь внимание. Они толкали друг друга локтями, громко смеялись, и кто-то из них порывался встать с места, однако в итоге они просто сидели и шептались. А посудачить было о чем. На их глазах главный странный парень города, «фотограф из похоронного бюро», появился вдруг в кафе-пекарне с другим парнем, больше похожим на типичного красавчика из социальных сетей, который пару раз в день публикует селфи.

Года два назад мэр и владелец пекарни приглашали Бернарда на открытие в качестве фотографа. Конечно, потому что ни одно мероприятие не обходилось без него. Фотографии потом опубликовали в статье городской газеты, после чего место стало излюбленным у молодежи, но не настолько, чтобы посетители занимали все столики. Днем кафе чаще пустовало, а к вечеру здесь собирались школьники и студенты, многие назначали в пекарне свидания и отмечали дни рождения. Посетители постарше предпочитали не задерживаться, а купить какой-нибудь выпечки и отправиться домой к семье.

Сейчас, в послеобеденное время, был занят только один столик, за которым и устроилась шумная компания девушек. Бернард старался не обращать на них внимания, но когда в очередной раз по залу прокатилось громкое хихиканье, он наклонился к Юэну и нетерпеливо спросил:

– Ты определился уже? Или спросить через час?

– Да, – кивнул Юэн, словно только и ждал, когда Бернард к нему обратится. – Можно вон тот, с бананом и сливками? – спросил он, посмотрев сначала на своего спутника, затем на женщину за кассой, которая, судя по скучающему виду, тоже устала ждать, пока Юэн определится с начинкой.

– Итого: у вас три шоколадных круассана и один с бананом и сливками, – сказала она, клацая по кнопкам кассового аппарата.

Расплатившись и забрав пакет с выпечкой, Бернард быстрым шагом направился к выходу. Юэн едва поспевал за ним. Открывая дверь, он услышал очередную волну перешептываний и смеха. Выбравшись на улицу и оценив серость неба на семь из десяти баллов, Бернард протянул Юэну бумажный пакет.

– Как и договаривались.

– Звучит и выглядит так, будто ты передаешь мне что-то незаконное, – помотал головой Юэн, – а тут всего лишь несколько сотен калорий, которые отложатся на животе. Не так уж криминально.

– Судя по твоей комплекции, – ответил Бернард, окинув Юэна быстрым взглядом, – ожирение тебе не грозит.

– Мнение эксперта? Ты еще и диетолог? – усмехнулся Юэн и кивнул: – Ладно, поверю, но если наберу пару фунтов, я знаю, кого в этом обвинять, – он достал из пакета один круассан и, придерживая его салфеткой, откусил кусочек. – Да, эта начинка, определенно, неплоха.

– Рад, что тебе понравилось, – сухо отозвался Бернард, покосившись на Юэна и заметив крошки вокруг его рта. – На сегодня мы с тобой в расчете. В машину с едой не пушу, да и уговор был только на выпечку. Приходи завтра в студию. Можно с самого утра. Есть кое-какие дела.

– Не уверен, что получится с утра, – помотал головой Юэн, дожевывая остатки круассана. – Мы продолжим разбирать пыльные коробки и ты опять впадешь в транс?

– Нет, будет кое-что поинтереснее.

– Интригует. Мне надеть защитный шлем или лучше поискать цельный доспех?

Бернард не смог скрыть улыбки, хотя до сих пор чувствовал себя виноватым. Но больше во всей этой ситуации его тревожило то, что с ним вообще такое произошло, и то, что этот болтливый парень стал свидетелем.

Юэн производил впечатление человека, не умеющего держать язык за зубами, а это могло означать лишь то, что скоро по городу поползут свежие слухи о новых странностях «фотографа из похоронного бюро». Еще есть время Бернарду самому отказаться от компании Юэна, тогда никто не разрушит плотные стены его одиночества, слухи рано или поздно улягутся, как осадок в стакане, если их никто не потревожит... А что потом? Бернард внезапно задумался, хмурая погода располагала к подобным размышлениям. Какое будущее ждет его через два года, через пять лет, через десять?

– У меня на лице крошки или ты выбираешь, какую часть завтра бить следующей? – вдруг спросил Юэн.

Бернард даже не сразу осознал, что все это время тарасился на него. Однако самого парня он вовсе не замечал, так как взгляд был направлен вглубь себя. Юэн вопросительно смотрел на него, вероятно, подумывая, что Бернард снова впал в транс.

– Да, у тебя крошки на щеке, – сообщил Бернард.

Юэн захлопал глазами и потянулся к лицу. На протяжении нескольких секунд Бернард наблюдал, как тот пытается смахнуть крошки, но все время промахивается.

– Все? – спросил Юэн.

Бернард вздохнул и приблизился. Едва касаясь его лица, он смахнул крошки тыльной стороной кисти.

– Теперь все.

– На секунду я задумался, что удар будет более сильным, но челюсть вроде в порядке.

Усмехнувшись, Бернард махнул рукой на прощанье. Он сел за руль и обнаружил, что Юэн, наклонившись, встал около водительской двери с таким нетерпеливым видом, будто хотел срочно что-то спросить. Бернард опустил стекло и вскинул подбородок.

– Что такое? Больше смахивать крошки я не буду.

Перед его носом вдруг появилась рука с кольцом, держащая в салфетке круассан. Салон заполнил характерный запах свежей выпечки и шоколада.

– Я тут подумал, что мне одному будет много. «И только сейчас я понял, что откусил больше, чем смог бы прожевать», – пропел Юэн. – Короче говоря, Аполлон на диете.

– То есть остальные три круассана вполне соответствуют твоему диетическому рациону?

Юэн улыбнулся. Его глаза цвета хмурого неба смотрели по-дружески тепло. Или это то, что хотелось видеть Бернард. Да ну, с чего бы?..

– Спасибо за щедрость, – сказал он и забрал предложенный круассан.

– Пожалуйста, ведь куплен он на твои деньги. Но я думаю, ты тоже заслужил.

– Премного благодарен.

– Ты не будешь его есть сейчас?

– Нет.

– Жаль, а то я хотел обсудить наши вкусы. Возможно, даже подискутировать.

Бернард взялся за руль и вздохнул.

– Правильно ли я понимаю, ты хотел подискутировать о начинках?

Юэн улыбнулся.

– Как хорошо, что мы начали друг друга понимать.

– Восприятие субъективно. Ощущение от вкуса еды тоже разное.

– Вот об этом я и хотел бы поговорить.

– Серьезно?

Юэн вдруг фыркнул и закатил глаза.

– Будь проще. Я всего лишь хочу глупыми шутками разрядить обстановку. Ты чересчур хмурый.

Ненадолго прикрыв веки, Бернард вздохнул.

– Ладно. Мы поговорим, но в другой раз.

Юэн улыбнулся.

– Договорились, босс.

Уже отъехав, в окошке заднего вида Бернард заметил, как Юэн несколько секунд смотрел ему вслед, затем развернулся и пошел по улице. Бернард посмотрел на обернутый в салфетку круассан, который положил на пассажирское сиденье.

«Есть что-то странное в этом парне, – подумал он. – Несмотря на внешнюю открытость, уверен, он не спешит делиться своими истинными мыслями с первым встречным».

Внезапно Бернард заметил фигуру, стоявшую подозрительно близко к краю дороги по стойке смирно, с чем-то длинным, вроде лопаты, в руке. Что-то в этом человеке было не так, он выглядел лишним элементом в общей картине мира, инородным, словно пятно, которое по неосторожности появляется при проявке на фотографии. Его хотелось стереть. Еще хотелось отвернуться, но Бернард не мог оторвать взгляда от этого странного человека. Внутри все похолодело, накатила легкая тошнота.

«Что за?» – практически вслух произнес Бернард.

Он впитывал в себя отталкивающий образ, как впитывала фотобумага падающее на нее изображение с пленки. И картинка появилась в сознании только тогда, когда Бернард уже проехал мимо. У человека было бледное, ничего не выражающее лицо, которое прикрывала потрепанная соломенная шляпа. В руках он держал вилы, а по износившемуся, пыльному джинсовому комбинезону расплзлись темные пятна. Чересчур странный прикид для городского

жителя, однако когда Бернارد посмотрел в зеркало заднего вида, человека на прежнем месте не оказалось.

* * *

Бернارد испытывал противоречивые чувства, открывая утром дверь фотостудии. В ней будто что-то поменялось, и это вовсе не из-за того, что стало меньше хлама. Изменения произошли в его восприятии. Бернارد вновь и вновь задавался вопросом: каково будет видеть здесь кого-то, кроме клиентов и периодически появляющегося Виктора Чилтона? Непривычно. Настолько непривычно, что он подумал: может, повесить записку о том, что его сегодня не будет? А спасет ли его перерыв на день-два? И почему он вообще... боится? Или как назвать чувство, когда не желаешь никого видеть и ищешь поводы, чтобы спрятаться от всех?..

Фотостудия стала ему почти вторым домом, а после того, как Грегор еще раз недавно намекнул на то, что ничего не имеет против поздних возвращений сына, Бернارد и вовсе будто бы начал терять связь с местом, на территории которого они с отцом пересекались.

«Я назвал дом всего лишь *местом*, а студию *домом*».

Сейчас он еще острее ощущал, что отдалялся от отца, хотя предпринимал попытки наладить с ним контакт, но иных значимых точек соприкосновения, кроме фотографии, не видел. Поэтому и носил с собой парочку давно сделанных Грегором снимков и пытался переснять их на свой лад. Каждый раз Бернارد бился об стену непонимания и каждый раз замечал, как эта стена становилась шире, выше и толще. И сейчас он чувствовал, как кто-то неизвестный вторгается в его личное пространство, по его же зову, а он уже готов от всего отказаться и убежать.

До полудня Бернارد работал над заказами, то и дело посматривая в сторону входной двери – придет или нет? И каждый раз отмахивался от подобных мыслей. Юэн имел полное право не прийти, они ведь не подписали никакого документа, все держалось на устной договоренности. Обоих такое вроде бы устроило. По крайней мере поначалу. Да и Бернارد не настаивал на том, чтобы парень с утра до вечера околачивался в фотостудии. Или он и вовсе перестает?..

На рассуждения с самим собой у Бернарда уходило время. Он понимал, что слишком отвлекался, на протяжении нескольких секунд смотрел в монитор, забывая, отретушировал ли предыдущий фрагмент или нет. Работа затягивалась.

Он потянулся в кресле, затем встал и приоткрыл окошко, впуская в помещение свежий воздух. Сегодня было теплее, и хмурые тучи начинали истончаться. На улице никого, только ветер мягко покачивал листву. Достав из кармана телефон, Бернارد набрал номер отца. Тот ответил после третьего гудка.

– Привет, пап. Надеюсь, ты не забыл выпить таблетки?

– Забыл, – ответил Грегор, голос его звучал приглушенно из-за помех. – Подготовил, но выскочил из дома, даже не позавтракав.

– Я завозил тебе вчера на работу дополнительный пузырек, выпей сейчас, – настойчиво сказал Бернارد, не отходя от окна, где телефон лучше ловил сигнал.

– Я их куда-то поставил и не могу найти, сейчас поспрашиваю, может, кто-то видел...

– Пап, – тяжело вздохнул Бернارد, прикрыл глаза и потер переносицу.

Порой отец был строг и категоричен, как высокий начальник в какой-нибудь воинской части, а иногда вел себя как ребенок, придумывая на ходу какие-то нелепые оправдания.

Бернارد обернулся и чуть не выронил телефон – перед рабочим столом стоял улыбающийся Юэн. Как давно он тут? И почему Бернارد не слышал, как тот вошел?

– Я тебе перезвоню, – не спуская взгляда с Юэна, сказал Бернارد отцу и убрал телефон обратно в карман.

«Аполлон» торжественно отсалютовал и поздоровался.

– Ты прямо как ниндзя, я даже тебя не услышал.

– А ты думал, меня всегда сопровождает только грохот и звук чего-то бьющегося? – спросил Юэн, сложив руки на груди. Из-под распахнутой ветровки выглядывала надпись на кофте «не кантовать».

– Смотрю, на тебе нет новых ран и следов побоев, – саркастично усмехнулся Бернад. – Прогресс.

– Подожди, день еще не закончился, – Юэн встряхнул головой и покачал указательным пальцем в воздухе. – Все самое интересное происходит вечером или ночью.

– Ну да, – буркнул в ответ Бернад, вспомнив про упомянутую помощницей мэра пьяную драку в клубе. Он не собирался интересоваться, чем Юэн занимался в свободное время. Может, и стоило узнать его получше как своего ассистента, но точно не сейчас, а может, и никогда. – Я так посмотрю, на тебе все заживает как на собаке.

Губы Юэна на мгновение сжались, а в глазах промелькнуло что-то странное, похожее на растерянность или недоверие, – Бернад не смог определить, что именно это было, может, просто показалось.

– Мне не очень нравится такое сравнение, – сказал Юэн. – Однако ты прав: на мне действительно все быстро заживает. Может показаться, что я сейчас скажу глупость, но я везунчик. Если бы не моя везучесть, я бы давно стал инвалидом, – он пожал плечами. – Или вообще умер бы.

– Ладно, – Бернад опустил взгляд, отметив, что смутился оттого, с какой простотой Юэн говорил о собственной смерти. Даже учитывая шуточный тон, его это все равно немного царапнуло. – Ты пришел болтать или работать?

– Я мастерски умею совмещать несколько дел, – ответил Юэн, хлопнув себя по бокам. – Скажи, что нужно. Я заинтригован со вчерашнего дня.

– Займемся проявкой пленок и фотографий, – ответил Бернад, выдвигая нижний ящик стола.

Юэн упер руки в стол и игриво усмехнулся.

– Вот так уже? Ты допускаешь меня в святая всех святых? Я своими глазами увижу, как под красным светом рождаются фотографии?

Сжимая в руках катушки с пленками, Бернад вскинул голову и оценивающе посмотрел на Юэна, у которого даже румянец появился на щеках, а в глазах отразился по-детски задорный блеск. Если так подумать, то ему можно было поручить какую-нибудь другую работу. Все равно в проявке от него пока никакого толка, но... если еще с утра Бернад сомневался, хочет ли вообще видеть кого-то в фотостудии, то сейчас он поймал себя на трепетном желании приоткрыть таинство появления фотографий кому-то другому, как когда-то показал ему отец. А еще Юэн напоминал Бернарду щенка, который сотворит какую-нибудь глупость не со зла, и поэтому долго сердиться на него просто не получается. Вот и сейчас он отмахнулся от мысли о том, чтобы отправить Юэна домой и остаться в одиночестве.

– Не все происходит при красном свете, – ответил Бернад. – Пленка частично проявляется в полной темноте.

– В полной темноте? – переспросил Юэн, на его лице отразилось смутение, что вполне естественно – он никогда с этим не сталкивался. Когда Бернад был маленьким, его тоже сильно удивил тот факт, что часть процесса проявки происходит в темноте. Как? Ничего же не видно. – Это вот в той маленькой комнатке?

– Да, сейчас сам все увидишь, – кивнул Бернад и направился в сторону огороженной части комнаты.

Юэн плелся сзади, но перед входом в проявочную – Бернад еще даже не успел включить там свет – вдруг остановился и поднял руки ладонями вперед.

– Я просто уточняю. Скажи, у тебя ведь там нет собак?

Бернард вопросительно поднял бровь, посмотрев на Юэна как на сумасшедшего. Его пальцы зависли на выключателе.

– Собак?

– А, не обращай внимания, – махнул руками Юэн. – Просто одну песню вспомнил.

Бернард включил свет и снял с крючка два фартука. Один надел на себя, другой протянул Юэну, но тот так и оставил его в руках. Бернард подошел к длинному столу, на котором уже стояли бутылки с реактивами. Юэн оглядывался по сторонам с таким восхищенным видом, будто оказался в музее с редкими и экзотическими экспонатами. Он, конечно, успел побывать тут вчера, после инцидента с носом, но ему было не до обстановки в комнате. Бернард подождал, пока Юэн молча – удивительно – осмотрелся и тоже подошел к длинному столу.

– Чтобы не терять время, я заранее сделал свежие растворы.

– Так много всего, у меня глаза разбегаются. А эта штука для чего?

– Я сейчас все объясню, – сказал Бернард и вывалил катушки пленок на стол. Затем достал пару одноразовых перчаток. – Растворы, с которыми мы будем работать, должны быть определенной температуры, поэтому пока готовлю их.

Бернард ловким движением натянул перчатки, завязал фартук за спиной. На ощупь отрегулировав температуру водопроводной воды, он заполнил ею небольшой таз и поместил туда банки с реактивами. Затем, вооружившись градусником, проверил значения температуры.

– Ого, – Юэн восторженно хлопнул в ладоши, наблюдая за всеми приготовлениями, – я будто на каких-нибудь курсах по фотографии.

– Можно сказать и так, – протянул Бернард. – Отснятую пленку следует проявить. Еще это называют «получить негатив», иными словами, мы извлечем пленку и обработаем ее специальными реактивами. На данном этапе пленка в катушке чувствительна к свету, поэтому дальнейшие манипуляции будем производить в темноте. Закрой, пожалуйста, дверь.

Секунды две Юэн стоял неподвижно, смотря на горстку катушек с пленкой, затем посмотрел на Бернарда, будто только-только понял, чего тот от него хотел, и, прикрыв дверь в проявочную, вернулся к столу. Бернард размял пальцы, собираясь с мыслями и ощущая себя почти учителем, который должен с полной ответственностью показать новичку, что и как. Он взял небольшой черный бачок, снял с него крышку и вытащил белую деталь с несколькими плоскими кругами.

– Это проявочный бачок, в котором находится так называемая спираль, на нее необходимо накрутить нашу пленку.

– Которая светочувствительна и поэтому ее надо накручивать в темноте? – уточнил Юэн с серьезным видом.

– Именно, – кивнул Бернард и, заметив растерянность на лице парня, добавил: – На самом деле все не так сложно, как кажется. Надо просто вскрыть катушку, обрезать пленку и, касаясь только краев, вдеть ее в спираль и аккуратно намотать. Неверное движение – и можно испортить хороший кадр. А еще всегда надо надевать перчатки.

– Ага, ничего сложного. «Одно неверное движение – и все пропало». И на этом начальном, самом ответственном этапе я бы потерпел фиаско. В полной темноте надо как-то умудриться быть столь аккуратным, – Юэн покачал головой, смотря на катушку, которую держал Бернард. – У меня бы точно не получилось стать настоящим фотографом.

Бернард в задумчивости покосился на Юэна.

– Когда я только начинал, – сказал он, сомневаясь, стоило ли об этом рассказывать, – и делал первые самостоятельные шаги, я тоже боялся все испортить. И портил, конечно же. Я был так взволнован в первый раз, что забыл даже выключить свет. Мне было, кажется, девять лет, и отец, наблюдавший за процессом, только в самом конце, когда я уже накрутил пленку и поместил ее в бачок, спросил: «Ты ничего не забыл?» Я даже не сразу сообразил, был слишком рад, что так умело намотал пленку на спираль, а потом осознание ошибки навалилось лавиной

– я испортил пленку, которую старательно отснял в течение дня. Это было трагедией. Но отец вдруг достал из кармана катушку и протянул мне. Он предвидел нечто подобное, поэтому вовремя заменил мою катушку на пустую.

– И ты получил в итоге свои фотографии?

– Они все равно вышли посредственными. Потом я немного напортачил с температурой растворов, да и в целом те снимки нельзя было назвать удачными, я фотографировал все подряд. Но... то было хорошее время.

Бернард перевел взгляд на Юэна, который смотрел на него задумчиво и с легкой улыбкой на губах. В его глазах Бернард словно бы увидел отражение себя маленького.

– Начнем, – сказал он. – Выключай свет.

Когда свет погас, Бернард выждал несколько секунд и только после этого приступил к работе. Все проводимые вслепую операции были давно изучены, но сегодня они приобрели некий сакральный смысл. Бернард воспринимал их иначе, будто смотрел на свои действия со стороны, в данном случае – глазами Юэна.

Специальной открывалкой он вскрыл катушку и, вытянув пленку, отрезал ее у самого основания, сопровождая свои действия комментариями. Юэн молча стоял рядом, из темноты доносилось только его дыхание, ставшее почему-то более глубоким и частым, как только свет погас.

– Чтобы было удобнее вдевать кончик пленки в спираль, – пояснил Бернард, – острые края можно скруглить, срезав лишнее ножницами.

– Угу, – пробормотал Юэн. Он не мог видеть, как именно происходил данный процесс. Можно было бы показать при свете на пустой пленке, но Бернард посчитал, что в этом нет необходимости. В конце концов, он просто рассказывает, делится, а не учит.

Расправившись с острыми краями, которые обычно цеплялись за спираль, и положив ножницы, Бернард ощутил, как Юэн плотно прижался к нему боком, едва слышно напевая что-то себе под нос.

– Необязательно стоять ко мне так близко.

– Извини, – откликнулся Юэн. – Не пойми меня неправильно, просто помещение мне незнакомо, и я опасаясь, как бы при выключенном свете не разгромить тут все случайно. Вот и стараюсь держаться подальше от стола и прочего оборудования и инструментов.

– Верное решение, но так стоять не надо.

– Тебя это смущает?

– Мне как-то привычнее и свободнее, когда никто рядом не мешает. Так что отойди.

– Ладно, – без пререканий и шуток ответил Юэн и действительно отодвинулся.

Накрутив пленку на катушку, Бернард не спешил включать свет. Его проявочный бачок мог вместить сразу две пленки, поэтому он наугад взял одну из катушек, лежавших на столе, и начал проделывать с ней те же операции. Юэн стал напевать мелодию. Он все еще стоял близко, но к Бернарду не прижимался.

– Я правильно тебя понял, ты ведь сейчас поешь, да?

– Что-то вроде того. Я... эм-м... распеваюсь.

Бернард, в общем-то, ничего не имел против. Это было лучше неловкой тишины. К тому же он иногда включал радио, пока занимался проявкой, поэтому продолжил работать. Юэн напевал мелодию неизвестной Бернарду песни, а может, это была композиция собственного сочинения – он не стал спрашивать. Когда Бернард начал наматывать на спираль вторую пленку, ощутил, как его тянут за край толстовки.

– Что такое? – спросил Бернард.

– Что? Ты о чем? – невозмутимо отозвался Юэн.

– Ты дергаешь меня за толстовку. Что-то хочешь сказать или спросить?

– Нет, не дергаю, – с сомнением произнес Юэн.

– Конечно, а кто тогда, если мы здесь одни? – проворчал Бернард. – К чему эти глупые шутки?

– Я не дергаю, просто... эм-м... держусь.

– Подожди, у тебя что, зубы стучат?

– Тут как-то холодно, не чувствуешь?

– Нет, здесь нормально.

– Горячий ты парень, однако, – сказал Юэн дрогнувшим голосом, а потом как-то судорожно вздохнул.

– Ты действительно мерзнешь?

– Возможно, я немного приболел.

– Тогда зачем пришел сегодня?

– Я ощутил только сейчас! – вспыхнул Юэн, но голос его звучал слабо, будто из последних сил. Бернард ощутил, как на мгновение Юэн снова к нему приблизился. – Короче, скажи, нам долго еще тут заниматься этим всем в полной темноте?

– Нет, уже заканчиваем, – ответил Бернард, как раз накрутив пленку до конца и поместив спираль внутрь бачка, плотно закрыл его крышкой. – Включай свет.

Однако никакого действия не последовало, Юэн словно пропустил его просьбу мимо ушей. Он продолжал стоять рядом, тяжело дыша, словно ему не хватало воздуха, и уже не тянул Бернарда за край толстовки. Бернарду пришлось самому нажать на выключатель, и, когда свет зажегся, стоявший у стола Юэн посмотрел на него с растерянным видом.

– Прости, я забыл, где выключатель.

Бернард вернулся к столу и тяжело вздохнул.

– Ничего страшного, – он посмотрел на Юэна, который скрестил руки на груди и, опустив голову, устремил взгляд на проявочный бачок и другие инструменты на столе. – Что сейчас было? Ты себя плохо чувствуешь? Выглядишь бледным.

– Нет, все в порядке, давай продолжим, – ответил Юэн, не поднимая взгляда.

«Что-то здесь не так».

– Эй, скажи, что происходит, – настойчиво обратился Бернард к Юэну, потянув его за плечо в попытке развернуть к себе, однако тот резко дернул плечом и бросил суровый взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Мы тут болтать будем или работать? – передразнил он. В его голосе вновь проклюнулась легкая хрипотца, а серые глаза напоминали грозовые тучи, которые вот-вот начнут метать молнии.

– Ла-адно, – протянул Бернард, ощущая дискомфорт. – Как угодно. Продолжим так продолжим, – ему потребовалось несколько секунд, чтобы настроиться на прежний лад и перестать концентрироваться на неприятном осадке. – Как только намотанные на спираль пленки оказались внутри светонепроницаемого бачка, можно работать с включенным светом.

Бернард снова проверил температуру воды в тазике со стоявшими в ней бутылками и, одобрительно кивнув, взял одну из них в руки.

– Первый раствор – это проявитель.

Бернард взял секундомер и начал заливать проявитель в специальное отверстие в фото-бачке. Юэн, все еще со скрещенными на груди руками, наблюдал за тем, как Бернард поворачивал и переворачивал бачок в течение определенного времени для равномерного контакта реактива с пленкой. «Аполлон» уже не выглядел настолько суровым, лишь молча следил за его манипуляциями.

Бернард постучал по корпусу бачка, это было необходимой процедурой, чтобы избавиться от возможных пузырьков. Когда на секундомере появилось значение 3:25 – Бернард уже мог вполне обходиться и без секундомера, ему подсказывало внутреннее чутье, выработанное за годы работы, – он слил проявитель из бачка обратно в бутылку.

Дальнейшие операции с пленками были похожи друг на друга: залить, выдержать определенное время, не забывая поворачивать бачок, слить. Отличались они только продолжительностью по времени и названиями реактивов.

Напряженные плечи Юэна расслабились, он опустил руки по швам и снова начал напевать себе что-то под нос. Предложенный Бернардом фартук Юэн так и не надел, впрочем, он только наблюдал за процессом, а потому почти не рисковал испачкаться. Не вдаваясь в подробности, Берnard объяснил, что после проявителя следует заливать отбеливающий раствор, затем можно промыть теплой водой и залить фиксирующий раствор или фиксаж, который делает пленку невосприимчивой к свету, потом снова промывка и, наконец, раствор-стабилизатор для лучшего сохранения пленки. Одной из самых важных особенностей была постоянная проверка температуры воды и растворов.

– Изменение температуры хотя бы на один градус может привести к появлению дефектов на пленке, если только подобная цель не преследуется изначально. Однако всеми экспериментами лучше заниматься, когда уже отточен навык проявки пленок по инструкции.

Юэн выглядел подозрительно молчаливым, задал только пару общих вопросов и в целом производил впечатление сосредоточенного ученика, однако все еще оставался болезненно-бледным.

Промывая пленки в последний раз, Бернард заметил, что Юэн немного раскачивается из стороны в сторону, будто у него закружилась голова, но при этом он продолжал что-то тихо напевать. Бернард знал, что некоторые реактивы могут вызывать такую реакцию. Он-то давно привык, а вот новичку явно нездоровилось.

– Для первого раза тебе будет достаточно, – обратился Бернард к Юэну, попутно извлекая спираль с пленками из бачка. – Иди подыши свежим воздухом. Все эти запахи в первый раз могут вызывать головокружение.

Юэн попытался улыбнуться, но вышло натянуто.

– Да, пойду, здесь как-то дышать нечем, – сказал он и странной пружинящей походкой подошел к двери.

– Справишься? Или тебе помочь?

– Справляюсь.

Когда Юэн вышел из проявочной, Бернард приоткрыл дверь и на несколько минут замер в напряжении на случай, если вдруг услышит грохот падающего с лестницы тела. Мало ли что. В первые разы после проявки он сам долго отсиживался на крыльце, вдыхая свежий воздух, но со временем привык. Хоть Юэн и считал себя везунчиком, однако его способность влипать в разные ситуации уже не выходила у Бернарда из головы. Конечно, ведь если парень поранится на его территории, то за него придется отвечать. Бернард Макхью все-таки его шеф, а это означало долю ответственности.

Не услышав никаких подозрительных звуков, Бернард плотно закрыл дверь и решил проявить еще пару катушек. Спустя время, развесив пленки на просушку и убравшись в комнате, Бернард почувствовал, что ему самому необходим свежий воздух. Рядом с дверью в проявочную, прислонившись к стене, стоял Юэн. Выглядел он посвежевшим, а в руках держал телефон.

– Я не рискнул заходить, боясь случайно засветить пленку и помешать работе, – пояснил он.

– Правильно, – кивнул Бернард. – Теперь пленке надо высохнуть. Обычно на это уходит часа четыре. Я планировал сегодня сделать с нее фотографии. Если есть желание посмотреть, как это происходит, то оставайся.

– Заманчивое предложение, – сказал Юэн и, отлепившись от стены, последовал за Бернардом. – Что будем делать четыре часа? У тебя есть джойстики? Можно было бы поиграть в какой-нибудь файтинг, чтобы убить время.

– Мне кажется, мы уже сыграли вчера, – усмехнувшись, сказал Бернард и обернулся через плечо. – Не хватило?

– Неплохая шутка, – прищурившись, ответил Юэн. – Один – ноль в твою пользу. Кстати говоря, пока я ждал, хотел посмотреть пару роликов, но не смог найти места, где ловил бы интернет. Здесь все совсем туго или ты знаешь определенные места, где хороший сигнал?

Бернард остановился.

– Есть одно место, где сигнал ловит на удивление хорошо.

– У меня плохое предчувствие. Судя по твоей ехидной улыбке, это место – морг в подвале.

– Не совсем. Но ты близок к разгадке, – Бернард выждал несколько секунд. – На кладбище.

9

– Нет, я не могу понять: зачем мертвым такой хороший интернет? – в третий раз воскликнул Юэн, держа телефон перед собой.

Бернард посмотрел в небо: на мчащиеся облака, заслонявшие солнце, на летящих высоко птиц, затем перевел взгляд на парня в черной ветровке, перемещавшегося от одной покрытой мхом и лишайниками могилы к другой.

– Здесь же практически везде отличный сигнал, – Юэн обернулся к Бернарду, не скрывая своего искреннего удивления, щеки его тронул румянец. – А я думал, это шутка.

– Я не так часто шучу, как ты уже мог заметить. – Бернард провел ладонью по высокому надгробию, ощущая под пальцами неровности камня.

– Seriously, почему так?

– Многие вопросы остаются без ответов, – загадочно пожал плечами Бернард.

– Ладно, – сказал Юэн и убрал телефон в карман ветровки. – Теперь хотя бы буду знать. Однако какая-то неподходящая обстановка для просмотра бестолковых роликов, – стоя шагах в пяти от Бернарда, он тоже дотронулся до надгробного камня, проверяя мягкость мха. – Скажи, а так ли важно сейчас было брать с собой фотоаппараты? Мы же вроде не планировали устраивать фотосессию на кладбище.

Бернард взялся за один из фотоаппаратов, автоматически положив указательный палец на кнопку спуска затвора.

– К чему упускать время? Пока нет дождя, можно сделать хорошие снимки, – он осмотрелся в поисках интересного кадра и, посмотрев на Юэна, кивнул вперед, предлагая пройти дальше.

Отделяемые одним рядом могил, они медленно шли параллельно друг другу. Тонкие ветви проросших то тут, то там кустарников цеплялись за одежду, трава норовила обхватить щиколотки, земля под ногами – неровная, с остатками прошлогодней листвы. Многие памятники и массивные каменные кресты покосились, кое-где и вовсе упали или наполовину провалились под осевшую землю.

– Мне казалось, эффектные фотографии кладбища, это когда туман стелется среди могил, – сказал Юэн, замороженно посматривая то на Бернарда, то на надгробия вокруг себя. – И на фоне проступают зловещие очертания засохших деревьев. А еще впечатляет вид ночного кладбища: могилы в лунном свете, вороны на крестах, неупокоенные души выглядывают из-за деревьев, черные собаки с горящими красными глазами мчатся куда-то...

– Можно прийти и ночью, – ответил Бернард и остановился, чтобы сделать несколько фото. – Не уверен, правда, что ты увидишь именно то, что перечислил.

Юэн тоже остановился и облокотился на один из памятников, наблюдая за действиями Бернарда. Впереди виднелась пара небольших склепов, на один из которых упала крупная ветка. Сделав снимки с разных ракурсов, Бернард посмотрел на Юэна через объектив фотоаппарата. Тот подпер рукой голову, уткнувшись локтем в мягкое пятно мха. Подавив желание его запечатлеть, Бернард опустил фотоаппарат.

– Прогулки под луной на кладбище, – усмехнувшись, пропел Юэн. – А что, звучит романтично. Помню, в детстве мы с друзьями хотели пробраться сюда ночью, но смелости так и не хватило. Как же давно это было, чувствую себя старым.

Бернард сделал шаг вперед, кивнув подбородком в сторону отделявшей их могилы.

– Смотри не завали памятник. Уже вижу, что он накренился под твоим весом.

– Я не настолько тяжелый, как ты думаешь, – язвительно пробурчал Юэн, показав кончик языка. – К тому же ты сам вчера сказал, что ожирение мне не грозит, – запустив руку в волосы и откинув их назад, он обаятельно улыбнулся. На фоне крестов и могил такая театральная улыбка выглядела странной, но цветовая гамма окружения поразительно шла его лицу.

– После вчерашних круассанов ты точно стал тяжелее.

– Да ладно, – недовольно цокнул Юэн, но все-таки выпрямился. – Этот памятник простоял тут лет сто, если не больше, и простоит еще столько же, – он подошел к соседнему надгробию, присел и с заинтересованным видом посмотрел на выгравированный текст с датами. –

Однако какие же старые здесь захоронения. Почему-то никогда не задумывался об этом кладбище. Ну, есть оно и есть, а тут, оказывается, такая древность.

– Самые ранние захоронения датируются тысяча восемьсот тридцатыми годами. Они находятся в другой части кладбища, – Бернارد тоже прошел вперед, не убирая пальца с кнопки. – Самые поздние – шестидесятыми годами двадцатого века. Однако в западной части встречаются еще более старые надгробия, побитые временем настолько, что сложно определить дату. Есть предположения, что они могли появиться в конце восемнадцатого века.

– У этого кладбища такая долгая история? Откуда ты все это знаешь?

– Находил информацию в нашей библиотеке и просто... гулял, смотрел, фотографировал.

Юэн выпрямился и посмотрел на Бернарда.

– Интересные у тебя увлечения. Хотя для того, кто открыл фотостудию в здании похоронного бюро с холодильной камерой для покойников в подвале, должно быть нормально, – Юэн огляделся по сторонам, сделал маленький шаг вперед и, понизив голос до шепота, будто кто-то мог их подслушать, спросил: – Кстати, ты спускался туда?

– Несколько раз, – кивнул Бернارد, заметив, как за спиной Юэна, на расстоянии в несколько рядов могил, на один из памятников сел белый голубь. Откуда он мог здесь взяться?

Юэн приблизился еще на шаг и спросил тише, чем прежде:

– И фотографии делал там внизу? То есть не фотографии трупов, а просто...

– Нет, не делал. Зачем? – спросил Бернارد, отвлекшись от голубя и взглянув на Юэна.

– Не знаю, – пожал плечами Юэн. Голубь за его спиной исчез, будто и не было вовсе. – Морг, кладбище – разве примерно не одно и то же? Места, где находятся мертвецы. Только в одном месте они пребывают временно, в другом остаются до тех пор, пока их кости не обратятся в пыль.

Бернард понимал, что имел в виду Юэн. Он с легкостью прихватил с собой фотоаппарат, отправляясь на кладбище, но, спускаясь в подвал с Чилтоном и пару раз без него, предпочитал обходиться без аппаратуры. Холодильная камера, где прихорашивал мертвецов владелец похоронного бюро, воспринималась иначе. Бернارد не мог сказать, что ничего не испытывал во все те разы, что ему доводилось побывать в местном морге. Смерть буквально сочилась из стен, однако кладбища не вызвали подобных гнетущих эмоций. Может, влияло открытое пространство и природа, и аура смерти будто бы рассеивалась. В подвале похоронного бюро больше думаешь о том, что в одной из холодильных камер может находиться покойник, а то, что их на кладбище под ногами сотни, воспринимаешь как что-то обыденное.

Снова облокотившись на надгробие, только теперь одной рукой, Юэн выжидательно посмотрел на Бернарда.

– Кладбища выглядят живописнее, чем холодильные камеры для мертвецов, – наконец ответил Бернارد, оглядываясь по сторонам и начиная сомневаться, действительно ли он видел того голубя или ему просто причудилось. – Я фотографирую память, высеченную на камне. За каждым памятником стоит история, которую уже никто не расскажет, но она существовала. И она растворяется во времени. – Бернارد замолк на секунду и посмотрел на свой фотоаппарат. – С фотографиями так же. С каждой фотографией связана история или какой-либо момент. Я пытаюсь удержать постоянно убегающий миг, сохранить его в вечности, хотя, – он обвел рукой надгробия вокруг себя, – кажется, ничто не вечно, и все в итоге исчезает. И надгробный камень, когда связанная с ним история человеческой жизни стирается временем, становится просто камнем. Что можно сфотографировать в морге? Разве только инструмент.

Юэн с нахмурившимся лицом отлип от памятника.

– С ним ведь тоже может быть связана история.

Бернард пожал плечами.

– Думаю, да. Но если выбирать из двух мест, то как фотограф скажу, что мне интереснее кладбище.

– Слушай, ты сказал, что это старое кладбище, но оно не выглядит запущенным. Местами, конечно, остро чувствуется, что не хватает руки человека, – Юэн недовольно цокнул, заметив небольшое пятно на своей ветровке.

– Официально на нем запрещено делать новые захоронения, но городские службы обязаны содержать его в порядке. Однако все, что они могут, это убрать лишнюю ветку или распилить повалившееся дерево. И то не всегда, – сказал Бернارد, кивнув в сторону склепа, на куполообразной крыше которого лежала большая сухая ветвь.

По всей видимости, Юэн посчитал этот жест призывом к действию и направился в сторону усыпальницы. Бернارد последовал за ним. Он и сам был не против сделать несколько снимков вблизи, хоть уже бывал тут. В кладбищенской тишине раздавался только звук шагов и шелест листвы.

Бернارد поднял взгляд на старое дерево, от которого отвалилась ветка. Одна часть его массивного ствола отсутствовала, ее уже давно убрали, но до сих пор с той стороны дерево щетинилось клыками щепок, напоминавшими, что когда-то оно было цельным. Однако, присмотревшись, Бернارد заметил, что дерево выглядело наполовину засохшим, по стволу уже пролегла трещина, словно скоро оно развалится пополам и обрушится на усыпальницу и другие могилы.

– Интересно, что внутри, – произнес Юэн и, поднявшись к двери склепа, попытался ее открыть, однако та, разумеется, оказалась заперта.

– Все то же самое, что и в обычных могилах. Ничего особенного, – сказал Бернارد, оставшись стоять в шаге от ступенек. – Их же строили в основном для защиты от кладбищенских воров или просто, чтобы ничто не тревожило тело после смерти.

– А что может тревожить мертвецов?

– Например, люди, которые из-за любопытства пытаются выломать двери в склеп.

Юэн усмехнулся.

– Вообще я за кремацию. Не хочу, чтобы мое тело ели черви.

Бернارد вздрогнул и повел плечами. Он мог спокойно находиться на кладбище и в здании похоронного бюро, но когда Юэн начинал вот так свободно говорить о собственной смерти, становилось неприятно, внутри все холодело и хотелось срочно сменить тему.

Потому что это напоминало мать, Инесс. Одна из озвученных причин, пока она делала так много амулетов, ярко отпечатались в памяти Бернарда: «Когда я умру, вас будут защищать они». Мать будто знала, что смерть ходила за ней по пятам. И всякий раз, когда маленький Бернارد беспокоился из-за ее слов, она отмахивалась и смеялась, будто сказала глупость: «Конечно же, это все для красоты и уюта, Берни. Не переживай и не обращай внимания». Но знала ли она, что именно на те слова ее сын и будет обращать внимание и что будет помнить их много лет спустя?..

Бросив попытки отпереть склеп, Юэн подошел к Бернardu и встал напротив него. Глаза его цвета надгробных камней вновь сияли какой-то наивной детской заинтересованностью. Явно задумал что-то.

– Кстати, я тут недавно вычитал, что на пленочных фотографиях часто появляются призраки, – сказал Юэн, убрав руки в карманы ветровки.

– Ты интересовался пленочными фотографиями? С чего бы?

– Я же теперь твой ассистент, – улыбнулся Юэн. Он в задумчивости прикусил губу и опустил взгляд на фотоаппараты на шее Бернарда. – Ты уже много фотографий сделал тут, на кладбище. Как думаешь, у нас сегодня хороший улов?

– Не хочу тебя расстраивать, но все так называемые призраки на фотографиях есть не что иное, как дефекты пленки, полученные либо случайно, либо намеренно. При проявке можно

достичь разных эффектов, если знать, как их делать. Молчу про возможности фоторедакторов, как и растущее с каждым годом мастерство людей.

– А я-то думал, что хоть раз в интернете наткнулся на что-то правдивое, – с наигранным огорчением вздохнул Юэн и снова улыбнулся. Он вдруг посмотрел Бернарду за спину и спросил: – Что это там за статуя такая?

Бернард оглянулся, однако не успел ничего ответить, как мимо, мягко стукнув его по плечу, прошел Юэн.

– Пойдем посмотрим.

Сделав несколько снимков склепа вблизи, Бернард догнал Юэна. Заинтересовавшая его статуя была установлена над могилой, в которой покоилось, согласно надписям, три человека. Она отличалась ото всех тех, что встречались до этого на кладбище: высокий, больше человеческого роста ангел, опустив голову, смотрел на надгробную плиту у себя под ногами. Правая рука его была протянута ладонью вверх, левая же вытянулась под одним расправленным и выставленным вперед крылом. Создавалось впечатление, что ангел прикрывал что-то или кого-то либо поддерживал сломанное крыло.

Бернард остановился перед статуей – он уже ее видел в предыдущие визиты на кладбище, но каждый раз сердце его замирало от одного только взгляда на нее. Обычно ангелов на могилах изображали иначе. Они не прикрывались крыльями, руки часто сложены в молитвенном жесте, а взгляд устремлен в небо. Этот ангел был другим. И был ли это вообще ангел? Юэн с заинтересованным видом обошел статую по кругу и остановился рядом с Бернардом.

– Жутковато. Кажется, именно из-за этой статуи мы так и не решились в детстве заглянуть на кладбище. Кто-то говорил, что она оживает и может утащить.

– Да, было что-то такое.

Юэн устремил взгляд на текст надгробной плиты.

– Три человека – семья – умерли в один день. Что же с ними случилось? – он вопросительно посмотрел на Бернарда.

Конечно, Бернард читал о старом кладбище, но уже давно, и он не помнил, чтобы ему попадалась история, связанная с этой статуей. А специально он ничего не искал.

– Несчастный случай, авария или, может, пожар, – пожал плечами Бернард. – Не знаю. И не уверен, что хочу знать.

– И кто-то установил такую жуткую статую, – вздрогнул Юэн. – Будто одного того, что у всех троих одна дата смерти, недостаточно, – он повернулся к Бернарду. – Слушай, пока у меня не пропал аппетит от всей этой кладбищенской обстановки, может, вернемся в студию? Я хотел сбежать в магазин и купить что-нибудь на перекус.

– Да, пойдем, – кивнул Бернард, полностью поддерживая Юэна. – Мы уже нагулялись.

Но стоило им сделать пару шагов в обратную сторону, удаляясь от статуи ангела, Юэн внезапно остановился у одной из могил. Бернард по инерции прошел чуть дальше.

– Как интересно, – пробормотал Юэн, присаживаясь на корточки. – Я будто собственную могилу нашел.

– Что? – прошептал Бернард и вперил взгляд в надпись на надгробии.

Большая часть текста была нечитаема, включая даты жизни и смерти, зато на неровной поверхности камня удивительно отчетливо проступали складывающиеся в имя буквы – «Юэн», и всего одна заглавная буква фамилии, начинающейся на «Г». У Бернарда задрожали руки, и он крепче сжал фотоаппарат. Юэн, однако, не выглядел обеспокоенным. Он потянулся к надгробию и провел пальцами по своему имени.

– Ю-э-н Г.

«Всего лишь случайность», – мысленно успокаивал себя Бернард, но в голову лез образ матери, которая тоже сначала просто говорила о собственной смерти, а потом этими словами словно только привлекла ее. А еще она часто говорила про знаки судьбы и разного рода предо-

стережения, однако детали забылись, но Бернард прекрасно помнил общий посыл и к чему в итоге это все привело.

Не отдавая себе отчета, он вскинул фотоаппарат и сделал снимок, в кадр также попал затылок Юэна. Вместе со щелчком Бернард выдохнул, осознав, что до этого не дышал вовсе.

– Ты сфотографировал меня? – Юэн обернулся с округлившимися от удивления глазами.

Бернард помедлил секунду или две, постепенно осознавая, что вопрос предназначался ему. И почему листва вдруг так громко зашелестела? Ветер, что ли, поднялся? Или это кровь так сильно шумела в ушах? Руки до сих пор немного дрожали, Бернард опустил фотоаппарат, мысленно представляя ловец снов, который остался в студии вместе с рюкзаком. Образ амулета успокаивал.

– Не тебя, а камень с лишайником. Надпись и ты чуть-чуть попали в кадр, – у Бернарда даже нашлись силы на простенькую шутку.

Тем лучше. Навязчивый образ матери постепенно рассеивался, возвращая ему спокойствие.

Юэн выпрямился и сурово посмотрел на Бернарда.

– Теперь с тебя две мои фотографии, – требовательно сказал он. – И вообще, здесь сеть, конечно, хорошо ловит, но как-то все жутко. Не думаю, что в ближайшее время выберу это место для прогулок.

Бернард перевел взгляд на статую ангела, оставшуюся за спиной Юэна. Та вдруг окрасилась в черный, с протянутой руки свисал ловец снов из деревяшек и белых перьев. Бернард инстинктивно сделал шаг назад, под ногой хрустнула ветка. Снова кошмар наяву?

«Ангел, который делает амулеты из собственных перьев», – подумал Бернард, не осознавая, произнес это мысленно или вслух.

– Что ты сказал? Ангел что делает? – спросил Юэн и тоже посмотрел на статую. – Да, эта статуя наводит жути.

– Ты тоже это видел?

Юэн повернулся к нему с приподнятой бровью.

– Видел что? Статую? Ну да, я ее и сейчас вижу. Или ты о чем-то другом?

Бернард отрицательно мотнул головой, и наваждение рассеялось. Снова перед ними просто статуя как статуя. Вскинув фотоаппарат, Бернард нацелил объектив на ангела. Сделав снимок, он заметил на заднем плане среди могил фигуру. Не убирая фотоаппарата, он принялся настраивать фокус. Когда, наконец, картинка стала четкой, Бернард увидел, что то была женщина в коричневом пальто в клетку. Руки в перчатках соединены перед собой, опущенную голову величала аккуратная шляпка в тон пальто.

«Сейчас мало кто так одевается», – подумал Бернард, ощутив, как внутренности скручиваются в узел, и нажал на кнопку.

Его обдало холодом, как тогда, в библиотеке, когда он увидел девочку среди стеллажей. Будто услышав, что ее фотографируют, женщина подняла голову, лицо оказалось скрыто вуалью. Бернард опустил фотоаппарат, но потерял незнакомку из виду. Только что была тут и вдруг исчезла.

– Эй, на что ты там уставился? – будто сквозь плотную завесу донесся голос Юэна.

– Пойдем, – бросил Бернард и стремительно двинулся вперед, ловко маневрируя между надгробиями.

– Куда пойдем? Зачем пойдем? Почему вдруг пойдем? Что происходит?

Однако Бернард был чересчур сосредоточен на таинственной незнакомке, поэтому оставил град вопросов без ответов. Он быстро добрался до места, где, как предполагалось, стояла женщина с вуалью, но никого не обнаружил.

– Бегаешь ты хорошо, – сказал запыхавшийся Юэн. – Мне бы такие длинные ноги.

Однако Бернард его будто и не слышал. Он растерянно покрутился среди могил, смотря по сторонам, но незнакомка исчезла, не оставив никаких следов.

«Я не мог этого придумать. Я ее точно видел, – твердил он себе. – Я же не схожу с ума?»

Скрестив руки на груди, Юэн несколько секунд внимательно следил за Бернардом.

– И какого черта мы так сюда спешили?

Бернард остановился. Действительно, с чего он вдруг вообще дернулся с места и прибежал сюда? Его притянуло будто против его воли. Даже если бы он обнаружил ту женщину, то что сделал бы? Спросил: «Извините, а почему вы так старомодно одеваетесь? Что вы делаете на кладбище?»

– Бред какой-то, – прошептал он.

– Берн! Что происходит?

– Да так, показалось, – Бернард махнул рукой.

– Увидел кого-то из знакомых или... не знаю, снова твои кошмары наяву? Выглядишь каким-то напуганным.

– Возвращаемся, – твердо произнес Бернард и прошел мимо Юэна, не имея ни малейшего желания разговаривать с ним на эту тему. Он и так видел достаточно.

– Есть, босс, – устало ответил Юэн, следуя за Бернардом.

Снова им пришлось пройти мимо статуи ангела, и на этот раз Бернард старался не смотреть в ее сторону. В прошлый раз, когда он приходил сюда, ничего такого с ним не происходило. Что изменилось? Может, просто сказывалась сильная усталость?

«Кошмары наяву? Возможно».

Тревожность до сих пор не отпускала. Может, ему следовало просто пару дней попить успокаивающие травяные чаи?

Когда они вновь проходили мимо могилы некоего Юэна Г, Бернард услышал, как за спиной Юэн начал напевать мотив какой-то песни. Сначала сложно было распознать слова, но потом он расслышал что-то про «мы рождены умирать молодыми, мы оставим свой след на страницах истории». И хоть у Юэна был довольно мелодичный голос, но содержание песни вызывало у Бернарда тягостное чувство, и он ускорил шаг, чтобы быстрее уйти с кладбища.

* * *

– Неужели четыре часа уже пролетели? – удивился Юэн, потягиваясь и разминая мышцы.

Бернард и сам удивился. Обычно время в студии текло медленно, а тут он даже не заметил, как быстро пронеслись четыре часа. Юэн много болтал, перескакивая с темы на тему. Бернард по большей части просто его слушал. После посещения кладбища настроение упало на самое дно. К тому же Бернард чувствовал себя морально истощенным, выговорив свою месячную норму слов за последние дни. Сразу видно, что для Юэна так много болтать в порядке вещей, а для него подобный словесный марафон стал испытанием, хотя, что странно, он ни о чем не жалел.

– Кстати, спасибо, что угостил обедом. Ты так надеялся, что я приду, и специально приготовил для меня? Я польщен.

– Вообще-то, это был мой ужин, – ответил Бернард, толкая дверь проясочной комнаты и включая свет.

– Дай просто помечтать, что обо мне заботятся, – пробурчал Юэн, шагая следом. – Постой, ты здесь до ночи сидишь или вообще дома не появляешься?

– По-разному.

– Вот как...

Бернард подошел к столу, над которым на протянутых веревках для просушки висели ленты пленок, отягощенные снизу зажимами, чтобы не скручивались.

– Давай займемся делом. Раньше начнем, раньше закончим, – твердо произнес он, посмотрев на Юэна, который в ответ лишь пожал плечами и взмахнул рукой – вперед.

Бернард снял пленки, проверил их на свет и, взяв ножницы, нарезал полосками по пять кадров – время показало, что так их удобнее хранить. Один кадр пришлось вырезать отдельно.

– Вот, забирай, – он протянул отрезанный кусочек негатива, аккуратно держа его за краешек с перфорацией. – Можешь уничтожить или оставить на память. Или даже попросить кого-нибудь проявить фотографию, чтобы сделать несметное количество копий.

– Неплохо, – одобрительно кивнул Юэн. – Но не слишком хорошо видно, хоть и заметно, что я тут какой-то очень мирный, будто сплю или умер. Такое спокойствие мне не свойственно, – он помахал в воздухе вырезанным кадром и с прищуром посмотрел на Бернарда. – Интересное предложение насчет проявки. Я знаю всего одного фотографа, который может мне с этим помочь, – расплываясь в улыбке, сказал он.

Бернард сложил руки на груди.

– Ты уверен, что хочешь проявить *эту* фотографию? Я думал, ты просто от нее избавишься.

– Знаешь, твои слова по поводу фотографий, там, на кладбище, заставили меня задуматься. А ведь с этим кадром связана интересная история...

– Столкновения со столом теперь считаются интересными историями? – с сомнением уточнил Бернард и не смог сдержать усмешки.

– У меня еще не было таких противников, – улыбнулся Юэн. – К тому же кто знает, как могло все обернуться, упали я чуть левее, на самый угол стола виском, – он потер место над глазом – сейчас от ранки остался розоватый след.

Бернард явственно помнил кровь Юэна и это его безмятежное выражение лица. Тогда он на мгновение подумал, что парень действительно мог умереть. Мало ли таких нелепых смертей происходит в мире? Сфотографировал по инерции, руки тогда не совсем его слушались.

– Если ты действительно считаешь, что эти воспоминания достойны, чтобы их сохранить... – Бернард покачал головой. – Хорошо. Проявляй.

– Я?

– Да. Она же тебе нужна.

– Но ты здесь мистер Фотограф, а у меня руки не из того места растут.

– Вот и проверим, из какого места они у тебя растут.

– Я понял, – закивал Юэн, – это что-то вроде финального задания. Если я не справлюсь, ты меня уволишь, если справлюсь – повысишь в должности и прибавишь зарплату.

Бернард тяжело вздохнул, уже не считая свое предложение проявить кадр хорошей идеей. И все же этот момент был лучшим для того, чтобы проверить, стоит ли в дальнейшем доверять ему подобную работу. И сам Юэн, может быть, поймет, устраивает ли его такое, не всегда же ему ходить с мокрой тряпкой и таскать хлам на мусорку?

– Именно. Ответственное задание.

– Зна-чит, – по слогам проговорил Юэн, – ты позволишь мне воспользоваться своей лабораторией?

– Под моим присмотром, конечно.

– А если я что-нибудь сломаю? Что-нибудь дорогостоящее?

– Отработаешь.

– Издеваешься? Да я за всю жизнь не выплачу. Мне и после смерти на тебя работать?

– Тебе не кажется, что ты много болтаешь? И если ты действительно хочешь проявить этот кадр, не надо его так лапать. Держи аккуратно, за краешек, – у Бернарда уже начинала болеть голова, а сердце так вообще сжалось, когда он увидел, как Юэн случайно чуть ли не смял пленку.

– Ладно, босс. Мое дело предупредить. С чего начинаем?

Бернард снова надел фартук и вручил второй Юэну. На этот раз тот не пренебрег им, как и перчатками, с которыми провозился секунд пятнадцать, в то время как Бернард справился всего за три. Практика. На столе появились три широких цилиндра и три ванночки разного цвета: красная, желтая и серая. Для каждой кюветы также имелись отдельные щипцы.

– Процесс проявки фотографий в чем-то схож с процессом проявки пленки, – начал Бернард, снова переходя в режим учителя. Удивительно, но он сам от себя не ожидал такой последовательной мысли и не мог даже подумать, что голос его может звучать так по-наставнически. – В течение определенного времени фотографию необходимо вымачивать в трех разных растворах: проявитель, стоп-раствор и фиксаж. Все довольно просто, надо только отсчитывать время, иначе фотография получится передержанной или невыдержанной. Иногда так поступают специально, но сначала нужно научиться делать правильно. Сперва приготовим свежие растворы.

Юэн внимательно слушал Бернарда, задавая только уточняющие вопросы, не откалывал глупых шуток и вообще выглядел серьезным и сосредоточенным. Следуя инструкциям, он приготовил необходимые растворы, только один раз добавив больше воды, чем требовалось. Бернард подправил ситуацию, и вскоре ванночки наполнились свежими растворами. В честь удачного завершения первого этапа Юэн сдержанно потанцевал на месте.

С проекционным аппаратом Бернард все-таки предпочел работать сам, Юэн по незнанию мог наделать глупостей. Он аккуратно протер кадр мягкой тряпочкой и зафиксировал его в специальном держателе, который потом поместил в фотоувеличитель. Когда основной свет выключился и включился красный, Юэн выдохнул с восхищением.

– Это светочувствительная бумага, – прокомментировал Бернард, доставая из ящика стола толстую пачку бумаги. – С помощью фотоувеличителя мы спроецируем на нее наше изображение, которое потом проявится под действием реактивов.

Бернард извлек один лист бумаги, положил его в специально отведенное место и, настроив фокус фотоувеличителя, нажал на кнопку. На несколько секунд на бумаге появилось изображение Юэна с пораненной бровью. Как только аппарат отключился, бумага выглядела по-прежнему белой. Так и не скажешь, что она уже хранит в себе память об изображении. Теперь оставалось сделать эту память видимой, и данную процедуру Бернард доверил своему ассистенту, вкратце объяснив, что нужно делать.

Отправив лист фоточувствительной бумаги в первую кювету с проявителем, Юэн завис над столом, наблюдая, как под красным светом на белой поверхности проступает изображение. Бернард видел это множество раз, однако этот процесс всегда его завораживал. Сейчас все было чуть иначе. Ему довелось наблюдать за человеком, который видел подобное впервые.

– А ты таймер включил? – спросил Бернард, отметив, что и сам позабыл про него.

С ним такое случалось, но крайне редко, только когда мысленно он путешествовал за пределами фотолаборатории. Сейчас же Юэн Гибсон выступал в роли нового элемента среди привычного быта, наблюдать за его реакцией было хоть и непривычно, однако... интересно. Ни одному из помощников, которые до этого момента все же периодически ненадолго появлялись, Бернард так и не доверил воспользоваться фотолабораторией. Его отношение к людям менялось? Или менялось отношения к собственной студии и к фотографии в целом?..

Юэн с непониманием уставился на Бернарда, затем перевел взгляд на секундомер в своей руке, который, конечно же, показывал по нулям.

– Я забыл, – честно признался он. – Теперь все пропало?

– Ну... может, и не все пропало. Потом посмотришь, что бывает, если не соблюдать время.

– Ладно, – сказал Юэн и продолжил стоять, смотря на плавающую фотографию.

– Что ладно? Мы до утра будем так стоять? Доставай и в следующий лоток, пока она полностью не почернела.

Схватив щипцы, Юэн поворачивал руку, стараясь подступиться к плавающей фотографии с разных сторон. Он выглядел расстроенным и рассеянным, у него ничего не получалось. Бернард уже чуть ли не хватался за голову, удивляясь, как долго можно возиться с такой простой процедурой, а еще продолжительное нахождение листа бумаги в проявителе причиняло ему почти физическую боль. Это был всего-навсего один лист, но...

Юэну удалось подцепить фотографию, однако недостаточно крепко, либо он случайно разжал щипцы, и она соскользнула обратно в кювету. Бернард едва не взвыл. Ему начинало казаться, что Юэн делал это специально.

– Зажми фотографию щипцами. Крепче.

– Но она же такая мягкая. Мне кажется, что я могу ее случайно порвать, – ответил Юэн в тщетной попытке поддеть краешек фотографии, который постоянно ускользал.

– Смотри, как надо правильно, – не вытерпел Бернард и накрыл руку Юэна своей.

Контролируя щипцы его пальцами, он с легкостью поддел лист бумаги и быстрым движением переместил его в ванночку со стоп-раствором, хоть и понимал, что это бессмысленно – фотография уже испорчена. Но процесс надо отточить.

Юэн опустил взгляд.

– Теперь, когда мы подержались за руки, мы можем пожениться, – усмехнувшись, произнес он.

Бернард убрал руку так резко, словно коснулся горячей сковородки.

– Ну и шутки у тебя...

– Вообще-то, ты первый начал.

– Я не мог спокойно смотреть на то, как умирает фотография.

– Да ладно, это всего лишь расходный материал. Ну, поработаю денек бесплатно. Чего так переживать? Ты сказал, что я облажался с таймером, поэтому я расслабился. – Юэн положил секундомер с щипцами на стол и поднял руки в перчатках на уровень лица, показывая ладони: – Возможно, в искусстве фотографии эти руки никчемны, однако они хороши в другом.

– Я надеюсь, сейчас не последует какой-нибудь скверной шутки?

– И в планах не было.

– Отлично.

– Но вообще я редко слеую плану.

– Я заметил.

– Я твой ассистент, а значит, придется смириться с моим идеальным чувством юмора.

Бернард посмотрел на плавающую в ванночке фотографию. Сердце снова защемило.

– В стоп-растворе бумага должна находиться десять секунд. Сколько прошло времени?

– Полагаю, что прошло как раз десять секунд, – с важным видом кивнул Юэн.

– Полагаю, что намного больше.

На этот раз у Юэна получилось (тоже не с первой попытки) поддеть фотографию и перенести ее в последний лоток. Бернард понимал, что это всего лишь расходный материал, но не мог отделаться от неприятного ощущения, которое сопровождало его всегда, когда фотография портилась.

Они повторили процедуру с проецирующим аппаратом, и второй лист бумаги отправился в кювету с проявителем. В этот раз Юэн включил секундомер. Проявляющееся изображение его так же заворозило, однако, передержав фотографию всего на секунды две-три, что не было критичным, он перенес ее во вторую ванночку и, выдержав необходимые десять секунд, в третью. Теперь оставалось ее промыть и просушить. Юэн сделал только одну небольшую ошибку в первой кювете, что заставило Бернарда задуматься: может, в первый раз он действительно просто дурачился?

– Знаешь, – сказал Юэн, рассматривая фотографию, промывавшуюся в ванночке с обыкновенной водой, – какая-то тревожная фотография получилась. Я что-то передумал. Не так уж она мне и нравится, но зато за сегодня я получил массу новой информации. Не знаю, пригодится ли она мне в будущем.

– Я все равно ее оставляю. Может, до завтра снова передумаешь. Разорвать или сжечь можно в любой момент. Насчет новой информации. Если планируешь дальше здесь работать, то она тебе пригодится. Если нет, то... – Бернارد пожал плечами и развел руки в стороны. – Ты уверен, что хочешь у меня подрабатывать?

Юэн перевел взгляд с фотографии на Бернарда.

– Мои намерения серьезные. Но почему *ты* сомневаешься?

– Просто... – протянул Бернارد и увел взгляд в сторону. «Почему я сомневаюсь? Хороший вопрос». Он посмотрел на три ванночки с растворами, на стопку светочувствительной бумаги, снова на Юэна, который ждал ответа. – Просто хочу знать точно: останешься ты или нет.

– Я ведь уже несколько раз сказал «да». Могу повторить еще раз: да, я останусь с тобой. Да, я буду твоим ассистентом.

Бернارد молча кивнул, не осознавая до конца, что Юэн действительно согласился. Наверное, на это нужно время.

– На сегодня все, – сказал Бернارد. – Увидимся завтра?

– Как скажешь, босс.

* * *

Аппетитный аромат еды настиг Бернарда уже на пороге.

– Пап, я дома, – крикнул он, разуваясь.

В коридор из кухни выглянула голова отца.

– Я думал, ты вернешься позже, – откликнулся Грегор. – Проходи, ужин почти готов.

Вымыв с дороги руки и пройдя на кухню, Бернارد заметил, что на плите стояли кастрюли и сковородки, а жаркий воздух насытился запахом готовившейся еды. Это напоминало те дни, когда мать готовила семейный ужин. Тогда на кухне пахло так же вкусно, и под сердцем возникало приятное ощущение тепла и уюта, чего не было уже давно. Грегор часто отвечал за готовку, но сегодня превзошел самого себя, наготовив много блюд, включая пирог на десерт. Сняв фотоаппараты и положив их на крайнюю столешницу, Бернارد сел за стол.

– У нас какой-то праздник?

Грегор поставил перед ним миску с ароматным томатно-тыквенным крем-супом и улыбнулся.

– Нет. Просто подумал, что если в холодильнике будет много еды, ты не будешь забывать ужинать.

Бернارد задумчиво посмотрел на отца. Грегор был на удивление шустрым и даже не спешил закрыться в своей комнате. Про себя он тоже не забыл и уселся с миской за стол. Бернارد попробовал суп – вкусно, но горячо.

– Как дела, Берни? Давно мы с тобой не ужинали вместе. Ты сегодня рано, в студии все нормально?

– Да, все в порядке, – ответил Бернارد, несколько ошарашенный таким градом вопросов, и в задумчивости постучал пальцами по углу стола. Он посмотрел на отца, который уже отправил в рот несколько ложек супа. – У меня появился ассистент. Пришлось угостить его порцией еды, предназначавшейся на ужин, поэтому я решил не задерживаться.

– О, ассистент? – с энтузиазмом отозвался Грегор, подняв голову. На стеклах его очков на мгновение отразился голубой блик от работающего в беззвучном режиме телевизора.

– Звучит неплохо. Он толковый?

– Вроде как, – неуверенно ответил Бернард. – Рано делать выводы, он только второй день работает.

– Подросток?

– Нет. Немного младше меня.

– Это хорошо. Со сверстниками проще найти общий язык. Может быть, вы даже с ним подружитесь.

«Друг, да? – задумался Бернард, смотря на свое отражение в пустой ложке. – Сомневаюсь».

Как и предполагал Бернард, отец не стал больше расспрашивать про фотостудию и нового помощника. Либо он и сам, основываясь на прошлом опыте, предполагал, что парень надолго не задержится, а потому даже именем его интересоваться не стал. Грегор был сегодня особенно разговорчив, он нашел для беседы с сыном другие темы, и если поначалу поведение отца смущало Бернарда, заставляя общаться с ним холодно, то к концу ужина он оттаял, и они вместе смеялись над разными шутками и обсуждали последние городские новости.

Может быть, на такой хорошей ноте следовало упомянуть что-нибудь про фотографии? Вдруг Грегор откликнется? Но Бернард не решился. Столько было попыток прежде, и отец всегда отдалялся, ни к чему портить момент. Тем более, как оказалось, у них существовало множество тем для общения и помимо фотографий, стоило только чаще разговаривать.

– Ладно, пап, спасибо за ужин, – сказал Бернард, вставая с тарелкой из-за стола и подходя к раковине.

– Берни, Берни, – запричитал Грегор, – не беспокойся, я помою, иди отдыхай.

Бернард не стал упрямяться и, оставив грязную посуду на отца, забрал свои фотоаппараты.

– Берни, – окликнул его отец, продолжая сидеть за столом с зубочисткой в руках, – может, сходим как-нибудь на бейсбольный матч? Потом в баре пропустим по кружке пива? Посидим как отец с сыном.

«Отец с сыном...» – повторил Бернард про себя, ощутив, как кольнуло сердце.

– Звучит неплохо, – улыбнулся он. – Я только за.

– Вот и славно. Спокойной ночи.

Тоже пожелав Грегору спокойной ночи, Бернард вышел из кухни.

«Он, конечно, поздно спохватился, – думал он, поднимаясь по лестнице. – Но хотя бы начал стараться быть хорошим отцом».

Толкнув дверь в свою комнату, Бернард осмотрелся. Пространство у рабочего стола без свисающего с полки ловца снов до сих пор выглядело странно. Он так привык к этому амулету, что без него ощущал комнату лишившейся защиты. Брешь в их с отцом доме, через которую могли пролезть злые духи и монстры. Мать в них верила, маленький Берни тоже, а отец – нет. И сейчас Бернард считал неверие своим щитом, однако решил все-таки что-нибудь повесить на пустующее место из запасов матери. В ее комнате, в которой она творила, осталось много всего... Но позже.

Оставив фотоаппараты на рабочем столе, Бернард лег на кровать поверх покрывала. Несколько секунд смотрел в потолок, затем достал из кармана телефон и удивился набранному неизвестному номеру. Потом вспомнил, что взял номер Юэна для связи. И хоть новый помощник говорил о «серьезных намерениях», Бернард не спешил записывать его имя и фамилию в список контактов. И вообще, в данный момент его интересовало другое.

Когда Юэн ушел, Бернард занялся проявкой фотографий, пока растворы были свежими. Дело ладилось удивительно быстро даже для него, так что помимо того, что он заполнил практически все веревки фотографиями, он еще и успел оцифровать пару пленок и скинуть изображения на телефон.

Он пролистал галерею снимков, пока не нашел фотографию бледной девочки в светлом платье среди стеллажей в библиотеке. Кто она такая?

Он приблизил фотографию, отметив, что черты лица ему кого-то напоминают, но никак не мог понять, кого именно. Бернард фотографировал так много жителей их городка, что сразу вспомнить, на кого могла быть похожа девочка из библиотеки, было сложной задачей.

Вдруг нахмурившись, он еще увеличил изображение, затем приподнялся и сел на край кровати. Дефект пленки или сквозь тело ребенка действительно просвечивались книги на стеллажах?

10

– Кто-то умер? – вслух спросил Юэн, заметив около здания похоронного бюро черный катафалк. По коже пробежался холодок.

Машины Бернарда не было видно, что неудивительно, ведь он парковался за зданием. Однако Юэн знал, что студия сегодня работала и ее владелец на месте, ведь вчера вечером он сам отправил короткое сообщение, к какому времени подходить. Правда, само сообщение Юэн заметил только утром, когда, не ожидая от самого себя, проснулся рано, учитывая, что вернулся домой около трех часов ночи.

Он замедлил шаг и посмотрел на зарешеченные окна нижнего этажа, ожидая увидеть в них какие-нибудьдвигающиеся силуэты, однако здание, как и всегда, выглядело пустым и хмурым, и по серым окнам сложно было определить, с какой целью приехал владелец похоронной лавки Виктор Чилтон.

Юэн перевел взгляд на окно второго этажа – окно фотостудии Бернарда Макхью – и недовольно фыркнул. И ведь не лень было кое-кому взбираться тогда по шаткой лестнице, рискуя костями, чтобы написать на окне единственное слово!

«Как жаль, что ты не упал и не сломал себе ноги, Чед».

От воспоминания об этой надписи и том, кто ее сделал, Юэн поморщился и сжал в кармане руку в кулак.

«Надо было двинуть ему сильнее, чтобы чертова ухмылка навсегда исчезла с его лица».

Однако ярость, закипевшая внутри, быстро остыла, когда Юэн подошел к стоявшему на обочине катафалку.

– И что тут у нас? – вслух спросил он самого себя. – Неплохо, очень неплохо.

Он обошел машину. За рулем – никого. Был ли кто-то или скорее *что-то* в удлиненном багажнике автомобиля – неизвестно, не видно за черными окнами. Но, судя по всему, машина была пустой, без покойника, спокойно лежащего в гробу. На начищенном до блеска капоте отражались качающиеся ветви деревьев и затянутое сеткой облаков небо. Юэн достал телефон и, включив фронтальную камеру, вытянул руку, захватывая в кадр себя на фоне автомобиля, однако одним снимком не ограничился.

– Это какой-то новый флешмоб: сделай фото с катафалком и сострой максимально глупое лицо? – раздался ставший за последние дни знакомым голос.

– И тебе доброе утро, босс, – опустив руку, но не убирая телефон, протянул Юэн и, состроив кислую мину, повернулся к Бернарду. Тот стоял, улыбаясь краешками губ, одетый в легкую куртку поверх темно-синего свитера с рубашкой и в бежевые брюки. Он аккуратно, чтобы не испачкаться, держал небольшую коробку с банками из-под реактивов. – Смотрю, ты уже весь в делах. Снова разбираешь хлам?

– Как видишь, дорожу каждой минутой. Нет времени фотографироваться на фоне чужих машин.

– Я был бы не я, если бы не сделал такое фото. Это же классика, – Юэн демонстративно взмахнул руками и указал на машину: – Автомобили старых годов выпуска обладают особым

шармом. Современность выбирает плавные линии и обтекаемые формы. Практичность – главный девиз. Унификацию ставят основной целью. Но как можно не любить эти громоздкие, угловатые глыбы отполированного металла? Они же великолепны.

Бернард слабо улыбнулся и скрылся за углом здания на несколько секунд, затем снова появился уже без коробки, отряхивая руки.

– Если ты закончил свою фотосессию вкупе с хвалебными песнями, тогда поднимаемся.

– У нас на сегодня запланировано какое-то мероприятие или ты так специально вырядился, чтобы утонуть под слоем пыли из кладовки стильным? – поинтересовался Юэн.

Бернард усмехнулся.

– Намечается одно дело, где твоя помощь придется очень кстати.

Эхо его голоса отскакивало от стен, пока они вместе поднимались на верхний этаж. Юэн поглядывал на сетку, ограждающую лифт, и размышлял, увидит ли он когда-нибудь его в действии?

– Надо будет погрузить оборудование в машину, но сначала хочу кое-что тебе отдать, – сказал Бернард и, подойдя к своему рабочему столу, взял что-то с него и протянул Юэну. – Это твое.

– Надеюсь, тут моя годовая премия, – ответил Юэн, забирая конверт.

– Ты работаешь всего третий день, – усмехнувшись, напомнил ему Бернард.

Казалось, что сегодня настроение у него было лучше, чем вчера после прогулки по кладбищу. Может, у него просто случилось что-то хорошее?

– Четвертый, – поправил Юэн. – Тогда в библиотеке тоже считается. Но в любом случае это не должно стать помехой на пути к денежному поощрению лучшего работника.

Он достал из конверта две фотографии, которые под бдительным присмотром проявил вчера, – одну откровенно неудавшуюся, самую первую, а другую вполне хорошего качества, но с неинтересным сюжетом. Вырезанный негатив теперь был защищен от неосторожных прикосновений пленкой.

– Подожди, – сказал Юэн, облизнув губы и взмахнув в воздухе фотографиями, – откуда мне знать, что пока меня не было, ты не сделал сотни копий?

– Сделал и буду раздавать их всем на День города, – съязвил Бернард. – Поверь, у меня были другие дела.

– Какие, например?

– Проявлял фотографии, но не твои.

– Покажи их, чтобы я поверил.

– Ладно. Посмотри, – Бернард взял со стола пачку фотографий и передал их Юэну.

На самой первой был запечатлен двухэтажный дом. Он выглядел знакомым, но Юэн не знал, кому он принадлежал, спрашивать не стал, так как и сам фотограф мог не знать – случайный снимок, – и продолжил перебирать свеженькие фотографии. Он сразу понял, когда были сделаны последующие снимки: гнущиеся под порывом ветра деревья, светлые окна домов в ночной темноте, надпись «ненормальный» на оконном стекле (подумать только, он ее сфотографировал), лужи-зеркала на асфальте, книги в библиотеке, писатель с косыми усами, люди на презентации книги, девочка среди стеллажей. На последнем фото взгляд Юэна задержался чуть дольше, а Бернард подвинулся ближе, будто тоже заинтересовался. Однако вскоре снимок снова оказался в самом низу стопки.

– Знаешь, у тебя классные фотографии, – сказал Юэн, возвращая пачку ее владельцу. – Я не могу уловить, в чем разница. Вроде нужно просто навести объектив и нажать на кнопку, но у меня все получается иначе. Смотри, – он достал телефон и показал недавнее фото на фоне катафалка. – По сравнению с твоими фотографиями выглядит убого, да?

Бернард внимательно посмотрел на дисплей мобильного телефона. Фотограф стоял близко, и зелень его глаз напомнила Юэну о вчерашней прогулке по кладбищу, о мхе, растущем на памятниках.

– Ты сравнил нормальный фотоаппарат и камеру на телефоне, – с пренебрежением отметил Бернард. – Конечно, снимки будут отличаться, у тебя матрица маленькая.

Юэн убрал телефон в карман ветровки, с напускной обидой покосившись на Бернарда.

– Ты так это сказал, что я чувствую себя оскорбленным.

– Но стоит отметить, ты весьма фотогеничен.

– Ты не первый, кто мне это говорит, – самодовольно улыбнулся Юэн. – Подожди, это что, был комплимент?

– Всего лишь профессиональное замечание, – Бернард опустил голову.

На мгновение Юэну показалось, что он сделал так, будто хотел скрыть взгляд, но оказалось, что он просто смотрел на стопку фотографий в своих руках. Берн достал с самого низа снимок и показал Юэну.

– Ты знаешь эту девочку?

– Первый раз вижу.

– Она тебе никого не напоминает?

– Сложно сказать, а что? Ты ее знаешь?

– Нет, – ответил Бернард, продолжая держать фотографию перед Юэном. – Скажи, эта фотография не кажется тебе странной?

Девочка на снимке тускло улыбалась. Вокруг нее – только стеллажи с книгами и журналами. Ничего интересного. Юэн посмотрел на сосредоточенного Бернарда, не совсем понимая, к чему тот клонил.

– Не знаю, – пожал плечами Юэн. – Вон там справа одна лампочка перегорела.

– И все?

– Да.

– Уверен?

– Я уверен, а ты нет. К чему этот допрос с пристрастием?

– Тебе не кажется странным, что на девочке платье с коротким рукавом? И это в тот день, когда на улице было холодно. Библиотека тоже не отличается комфортной температурой.

– И чего тут странного? – искренне изумился Юэн. – Ты думаешь, она где-то потеряла кофту или куртку? Это же дети. Уверен, пока их родители слушали ту монотонную речь писателя о его успехах, ребятишки играли во что-нибудь. Прятки, салочки или во что там обычно играют дети? Конечно, им стало жарко.

– Ладно. А тебя не смущает, что девочка на фото слишком бледная?

– А тебя самого не смущает, что у нас в городе солнце, в принципе, не частый гость? Когда ты последний раз видел, чтобы небо было чистым и ярко-голубым? У нас тут не курорт, солнечные ванны регулярно принимать не получается.

Бернард опустил фотографию, но не мог оторвать от нее взгляда.

– В чем-то ты прав.

– Например, во всем.

Бернард в задумчивости похлопал фотографией себя по ладони, затем, нахмурившись, будто хотел еще что-то спросить или сказать, посмотрел на Юэна. Он открыл было рот, но в самый последний миг взгляд его переменялся.

– Давай спустимся.

– Уже выезжаем?

– Нет.

– Тогда зачем нам спускаться? В морг? – загадочно поинтересовался Юэн.

– Нет, конечно же. Просто поздороваемся с Чилтоном. Но если ты так хочешь, может быть, он сводит нас в подвал.

Юэн кинул взгляд на зеркало, висевшее на стене. Если бы сегодня кто-то умер, оно было бы завешено тканью. Ведь такие здесь порядки, да?

– А может, обойдемся? – Юэн снова посмотрел на Бернарда. – Даже если там, внизу, сейчас пусто, знаешь, как-то нет настроения посещать подобные места. Я и так не перестаю думать об этом каждый раз, как тут появляюсь...

– Скоро привыкнешь и перестанешь воспринимать это место так. В первое время мне тоже было не по себе. Потом смирился, – сказал Бернард и положил стопку фотографий на стол. – Ты ведь сам вчера говорил, что покойники не живут в подвале на постоянной основе, это всего лишь место их временного пребывания. При этом на кладбище мы с тобой сходили.

– И пока, думаю, этого достаточно, – сказал Юэн, представляя тесное помещение холодильной камеры, стол на колесиках, высокую напольную лампу. Наверняка там жутко холодно, и от давящих стен и потолка будет создаваться впечатление, что оказался в могиле. А если вдруг выключится свет? Там ведь ни одного окошка.

Бернард настаивать не стал. Как предположил Юэн, он и сам не горел желанием спускаться в подвал просто так. Не самое подходящее для экскурсий место. Юэн не испытывал страха, даже наоборот, легкий интерес, но именно сегодня этот самый интерес не подпитывался желанием посещать настолько замкнутые пространства.

Тем временем они уже спустились на первый этаж, и Бернард вошел первым, толкнув от себя дверь с табличкой «Бюро ритуальных услуг». Они оказались в небольшой прихожей. Вдоль стены растянулась скамейка для ожидания, в углу стояла вешалка – пустая – клиентов или гостей не было. Все отделано темным деревом, несколько мрачновато, но Юэн и не ожидал, что здесь будут обои с клоунами и медведями, как в какой-нибудь детской.

Берн шагнул в узкий коридор и свернул направо. По левую сторону была открыта одна-единственная дверь. Бернард постучал в нее, уже стоя в проеме, и скрылся в комнате. В конце коридора на пьедестале стоял бюст некоего сурового мужчины. Юэн последовал за фотографом, ожидая увидеть выстроившиеся в ряд у стены гробы разных размеров, венки, цветы, лампы и другую похоронную утварь, но не увидел ни того ни другого. У прикрытого занавесками окна стоял солидный рабочий стол, за которым сидел немолодой мужчина с желтоватым отблеском на лысине от зажженной лампы.

Кабинет владельца похоронного бюро больше напоминал кабинет какого-нибудь профессора на факультете истории или философских наук. С одной стороны книжный шкаф из темного дерева со стеклянными дверцами и еще один бюст, должно быть, какого-нибудь философа (похоже, философии тут много). С другой стороны широкий диван, у стола пара комфортных на вид стульев. Юэн даже засомневался – туда ли они попали? Это точно бюро ритуальных услуг?

– Здравствуйте, мистер Чилтон, – сказал Бернард.

– О, Бернард, – мужчина снял очки, вышел из-за стола, немного прихрамывая на правую ногу, и пожал протянутую фотографом руку. – А это, наверное, твой новый ассистент?

Юэн, оглядываясь по сторонам, замешкался на пару секунд, но потом, одним шагом преодолев отделявшее его от стола расстояние, тоже протянул руку для приветствия.

– Все верно. Юэн Гибсон. Приятно познакомиться.

– Виктор Чилтон, – ответил мужчина, крепко пожав руку, Юэн заметил у того на пальце внушительный перстень – на вид самая настоящая семейная реликвия. – Хорошо, что теперь вы работаете вдвоем. Я слышал ваши голоса, хотел подняться к вам, но погряз в бумагах.

Чилтон прислонился к краешку стола, придерживая снятые очки. Сложив руки на груди, Бернард стоял рядом, исполняя роль наблюдателя. Или надзирателя.

– А здесь хорошая слышимость, да? – поинтересовался Юэн.

– У меня слух чуткий, – с легкой усмешкой ответил Виктор.

В свою очередь, Юэн тоже присматривался к новому знакомому, о котором уже был достаточно наслышан. Конечно же, в городе Виктор Чилтон тоже носил гордое звание «странный». И по великой случайности (или не совсем) двое «странных» людей делили одно здание, тем самым подогревая репутацию друг друга. У Чилтона были свои ритуалы и традиции, которых он придерживался, но никогда (Юэн специально поспрашивал у знакомых) не навязывал их другим. Не считая, конечно, Бернарда, который, как он сам объяснял, пошел навстречу владельцу похоронного бюро, потому что находился на его территории.

Виктор Чилтон производил впечатление эрудированного, начитанного человека, который с легкостью мог бы вести свой бизнес в более крупном городе. Гладко выбритые щеки, поджарое телосложение, насколько можно было судить по сидевшему по размеру серому костюму, ростом с Бернарда (а в молодости, вероятно, и выше), острые черты лица. Его нельзя было назвать стариком, хоть и все в его внешности говорило о солидном возрасте. Ему наверняка было лет семьдесят, однако он, по всей видимости, относился к тем людям, которые выглядят моложе своих лет.

Но, несмотря на все эти, казалось бы, положительные качества, впечатление о нем складывалось двоякое. Его улыбку в равной степени можно было назвать дружелюбной и опасной. Взгляд тоже одновременно теплый и цепкий, как у хищной птицы, проникающий в самую душу, будто Виктор видел, кому сколько положено прожить лет. А еще от него веяло *смертью*. Черной, как его автомобиль, и серой, как надгробия на кладбище. От людей, так тесно соприкасающихся с загробным миром, исходил своеобразный флер. Не зная Юэн, чем занимался Чилтон, просто посчитал бы его строгим мужчиной с пронизывающим взглядом, возможно, профессором каких-нибудь наук или деканом исторического факультета.

– У вас хороший вкус на автомобили, мистер Чилтон, – сказал Юэн, считая необходимостью упомянуть про катафалк. – Если не ошибаюсь, это модель 1966 года выпуска?

– Совершенно верно, – подтвердил Виктор.

Юэн довольно кивнул, затем обернулся к выходу и заметил над дверью табличку.

– «Не бойся смерти: пока ты жив – ее нет, когда она придет, тебя не будет», – прочитал он вслух. – Это ведь Эпикур, да?

– Увлекаешься философией?

– Немного, – Юэн взмахнул рукой. – «Я знаю, что я ничего не знаю, а многие даже этого не знают», – он обернулся и увидел, как Бернард и Виктор смотрят на него, будто преподаватели на экзамене. – На самом деле, мои знания по философии очень ограничены.

– Не беда, ведь, наверное, существует сфера, которая тебе более интересна.

– Есть такая, – Юэн кивнул и заметил на противоположной стороне в самом углу пианино. Оно сливалось с темной обстановкой, поэтому его сложно было обнаружить при входе. Юэн был даже уверен, что многие клиенты не замечали пианино вовсе, по большому счету потому, что когда они оказывались тут, головы их были забиты решением иных вопросов.

– Музыцируете на досуге? – спросил Юэн, указав на пианино и медленно двигаясь в его сторону.

– К сожалению, уже давно нет, – горько сообщил Виктор и, прихрамывая, тоже направился к пианино. Бернард подходить не стал, но с интересом наблюдал за происходящим.

Когда Юэн оказался перед пианино, Чилтон приподнял клап и прошелся пальцами по клавишам. Музыкальный инструмент издал искореженный, царапающий слух звук, от которого Юэн поморщился.

– Увы, – вздохнул он, занеся пальцы над клавишами и едва их касаясь, – но экземпляр хороший, его можно попробовать отремонтировать.

– Были попытки, – кивнул Чилтон, положив одну руку на пояс и переместив вес тела на левую ногу, – однако мастер сказал, что пианино не подлежит ремонту. Поэтому здесь оно доживает свои последние дни.

– Обидно, – произнес Юэн и коснулся клавиш. – И довольно символично, стоит признать.

Руки начали двигаться по старой памяти, играя вступление из «Лунной сонаты» Бетховена (единственное, что он смог вспомнить из классики), однако вскоре остановились. Мелодия звучала инородно и тревожно, словно просачивалась из потустороннего мира. Ни к чему было мучить пианино и собственные уши. Юэн опустил крышку и обратился к Чилтону:

– Боюсь показаться нетактичным, но все же спрошу: что с вашей ногой?

– Тромбофлебит, – ответил мужчина. – Заболевание снова обострилось, что ограничивает мою активность в последнее время.

– Я что-то слышал об этом. Это ведь заболевание вен, если не ошибаюсь. Вам тяжело передвигаться?

– Уже легче, я практически завершил курс лечения.

– Хорошо, когда есть то, что вам помогает, даже если ненадолго.

– *Damnosa quid non imminuit dies?* – усмехнувшись, произнес Чилтон.

– Это латынь, но перевода я не знаю, к сожалению, – виновато улыбнулся Юэн.

– «Чему не угрожает губительное время?» – отозвался Бернارد и тоже приблизился к пианино, очевидно, полагая, что ему необходимо внести свою лепту в эту беседу. – Гораций.

Виктор улыбнулся и похлопал Бернарда по плечу. Жест выглядел теплым и дружеским, даже каким-то родственным. В этот момент Юэну показалось, что Чилтон и Бернارد очень хорошо ладят друг с другом – словно отец и сын. Он мог, конечно, ошибаться, но создавалось именно такое впечатление. Может, Виктор видел в Бернарде преемника? Бернارد ведь что-то говорил о том, что пару раз помогал владельцу бюро. Хотя они ведь не родственники, с чего бы Чилтону передавать свой бизнес Бернardu? У старика наверняка есть дети и внуки, прямые наследники. Но Юэн все же задумался.

– Я совсем позабыл, что ничего вам даже не предложил, – спохватился Виктор.

«Интересно, он сейчас говорит о виски или об экскурсии в морг?» – мысленно поинтересовался Юэн.

– В честь знакомства можно отведать по бокалу сухого вина. У меня ремиссия, так что на мне это пагубно не отразится, – Чилтон двинулся в сторону своего рабочего стола. Там, в другом углу у него стояло нечто похожее на холодильник для спиртного, отделанный темным деревом в стиле обстановки кабинета. – Впрочем, молодежь вино обычно не пьет, но у меня есть и другие напитки...

– Спасибо за предложение, мистер Чилтон, – поспешил Бернارد, словами останавливая мужчину, – но у нас дела. Мы зашли поздороваться, и нам уже пора ехать.

– Нам правда пора ехать? – спросил Юэн, надеясь все-таки на стаканчик виски.

– Пора, – повторил Бернارد.

– Что ж, – несколько расстроенно сказал Виктор. – Мое предложение все равно остается в силе.

Виновато улыбнувшись, Бернارد кивнул на прощание и вышел из комнаты первым. Юэн повторил его жест и тоже вышел, как и Чилтон, немного расстроенный. Несмотря на двойное впечатление, которое производил гробовщик, он все-таки выглядел адекватным человеком, с которым было бы интересно пообщаться на разные темы.

* * *

– Слушай, – обратился Юэн к Бернardu, отвлекаясь от созерцания улиц города, проносящихся за окном машины. Фотограф вопросительно промычал в ответ. – Этот старик, Чилтон, ты ведь знал, что у него такие проблемы с ногой?

– Да. Именно поэтому он редко появляется в бюро в последнее время.

Юэн посмотрел на свисающий с зеркала ловец снов. Кажется, это был тот самый, который они откопали в той комнате – клетке-аквариуме. Или какой-то новый? Юэн не мог понять. Амулет покачивался из стороны в сторону, поблескивая бусинами.

– Как думаешь, человек такой профессии, как Виктор, иначе воспринимает смерть? Он часто сталкивается с мертвыми, укладывает их в гробы, прихорашивает и все такое, но он осознает, что однажды очутится на их месте?

Бернард не отводил взгляда от дороги, но его глаза этой самой дороги в этот момент будто бы не видели. Казалось, вопрос Юэна ввел его в состояние глубокой задумчивости.

– Может быть, он осознает это даже лучше, чем кто-либо другой, но смирился со своей смертностью.

– Я просто подумал, если он... ну... когда-то же должен... умереть. Кто займется его похоронами, если всегда до этого ими занимался он?

Юэн не зря задал этот вопрос. Он ожидал, что по ответу Бернарда поймет, кому в теории может перейти местный похоронный бизнес. Просто интересно, показалось ли ему, что отношения Бернарда с Чилтоном похожи на родственные или нет? И да, это был отчасти вопрос философии: кто-то должен однажды похоронить человека, который хоронил других.

– Полагаю, найдется кто-то, кто этим займется, – пожал плечами Бернард. Юэн ожидал более развернутого ответа.

– Кто, например? Ты?

Бернард даже резко повернул голову в сторону Юэна с каким-то испуганным выражением лица, будто только что услышал что-то дикое и страшное.

– Нет, с чего бы? – Берн мельком глянул на амулет, а потом снова перевел взгляд на дорогу. – У Виктора есть два сына. Один из них тоже занимается похоронным бизнесом, но в другом городе, а со вторым он, кажется, не общается.

– Мне показалось, вы с ним хорошо ладите. Он тебе, должно быть, доверяет, если дал ключи от своего бюро. У него нет других преемников? – не унимался Юэн, пытаясь выудить информацию.

– Не знаю, может, и есть.

«А может, это ты, просто ты еще об этом не знаешь».

– В последнее время мы как-то много говорим о смерти, давай сменим тему.

– Поддерживаю, – согласился Юэн. Все равно Бернард, казалось, сказал все, что мог, да и эти беседы не настраивали на позитивный лад. – Какой сериал ты смотрел последним?

– Сериал? С чего вдруг такие вопросы?

– Ты же сам сказал: надо поменять тему. Вот, меняю. Так какой сериал?

Бернард притормозил, сворачивая на парковку перед библиотекой.

– Не помню, когда я вообще последний раз смотрел какой-либо сериал. Времени не хватает. И желания тоже.

Юэн окинул взглядом здание библиотеки.

– Подожди-ка, теперь все складывается. Как я мог забыть, что здесь работает твоя подружка. Это для нее ты так вырядился? – ехидно улыбнувшись, спросил он.

– Я не наряжался. Просто ты мало меня видел, – поспешил оправдаться Бернард. – Единственный, кто здесь наряжается, это ты. Что за цепь у тебя на шее? Ты похож на собаку, сбегавшую от хозяина.

– Очень смешно, – протянул Юэн и изобразил смех. – Вообще-то, не похож. Кто сейчас собак на цепь сажает?..

Машина остановилась прямо перед входом, около которого на этот раз никого не было. Библиотека и прилегающая к ней территория в принципе выглядели пустынно. Бернард постукивал пальцами по рулю и тяжело вздохнул.

– Волнуешься? – спросил Юэн, косясь на него. – Прямо как перед первым свиданием, да?

– Иди к черту, – буркнул Берн.

– Нет, спасибо, мне и здесь неплохо.

Бернард повернул ключ зажигания, выключая двигатель, однако выходить из машины не спешил, только смотрел в сторону дверей библиотеки.

«Может, мы рано приехали? – думал Юэн. – Или он кого-то ждет?»

– Слушай, мне нравится твоя машина, сиденья такие удобные, но чего мы ждем?

Бернард вдруг переменялся в лице и испуганно похлопал себя по карманам куртки.

– Что-то забыл? – поинтересовался Юэн, однако ответа на свой вопрос не услышал.

Бернард оттянул край куртки и запустил руку во внутренний карман, но, судя по выражению его лица, и там не нашлось того, что он искал. Юэн усмехнулся. Посмотрел на свое улыбающееся отражение в боковом зеркале, проигрывая в голове одну фразу.

– У меня есть предположения, что ты мог забыть.

– Лучше помолчи, – бросил ему Бернард беззлобно.

Он отстегнул ремень безопасности и перегнулся через сиденье. Подтянув к себе сумку с фотоаппаратом, Берн принялся проверять содержимое кармашков. Юэн увидел краешек снимка, который Бернард чуть вытащил, однако рассмотреть, что именно это была за фотография, не удалось.

– Мои предположения не оправдались, – с наигранной горечью произнес Юэн.

– Пойдем, – скомандовал Бернард, открывая дверь и прихватывая с собой фотоаппараты. – Пока что без оборудования. Сначала послушаем, что скажет Питтс, а потом, если что, ты все принесешь.

Выйдя из машины, Юэн хлопнул дверью.

– Я? – спросил он и недоумевающе развел руки в стороны. – Мы полчаса, ладно, минут десять от силы, вдвоем только загружали все необходимое, а разгружать должен я в одиночку? То есть, пока я буду работать, ты будешь строить глазки той блондинке?

– Неплохая схема, – довольно кивнул Бернард, находясь уже у самого входа. – Или ты думал, что будешь каждый раз прохлаждаться?..

Городская библиотека встретила их привычной тишиной. Берн поздоровался с женщиной у входа и попросил сообщить Дэвиду Питтсу о своем приезде. Однако едва женщина вышла из-за стойки, как Питтс пришел к ним сам, будто соткавшись из воздуха.

– Здравствуй, Бернард, – поздоровался он с фотографом, не протянув руки в перчатке для приветствия, и вопросительно посмотрел на Юэна. В прошлый раз их друг другу так никто и не представил – не было серьезного повода, теперь же все обстояло иначе.

– Мой ассистент, – сказал Бернард.

– Юэн Гибсон, – назвал себя Юэн, тоже не протягивая руки. О маленьких странностях заведующего библиотеки он был наслышан, и так как уже неоднократно видел, что Дэвид избегал рукопожатий, решил не ставить себя лишний раз в глупое положение.

Питтс начал рассказывать, для чего вообще позвал их. Из всего монолога Юэн понял, что Дэвиду нужна была серия фотографий, раскрывающая всю прелесть библиотеки, – некая реклама с красивыми, зазывающими картинками, которые будут участвовать в городской

выставке. Юэн понятия не имел, как можно было реализовать пожелания Питтса, но Бернард слушал мужчину с сосредоточенным видом и понимающе кивал тому в ответ.

«Пусть у Берна болит от этого голова. Он тут профессионал, а я всего лишь мальчик на побегушках», – подумал Юэн, отключаясь от беседы, и заметил приближающуюся к ним блондинку.

Глаза у нее сверкали издалека, спина гордо выпрямлена (даже слишком, что выглядело чуть наигранно), и взгляд ее был устремлен на фотографа из похоронного бюро, а другие люди для нее и вовсе будто перестали существовать.

Юэн как бы невзначай толкнул локтем Бернарда в бок, кивнув в сторону девушки. На что Берна никак не отреагировал.

– Эрика проведет тебя, Бернард... *вас* по тем местам, которые, как мы посчитали, подходят для съемки, а вы посмотрите, так ли это, или лучше выбрать что-то другое, – заключил Питтс. Все это время он держал руки за спиной.

Стоявшая рядом с ним Эрика улыбалась, но ее волнение выдавали покрасневшие кончики ушей, которые были прекрасно видны из-за стянутых в высокий хвост волос. Облегающие брюки подчеркивали стройные бедра, а сквозь шелковую блузку цвета слоновой кости проступали очертания узких, даже островатых плеч.

– Идем, – подала голосок Эрика и, развернувшись, пошла вглубь библиотеки – в царство книг и книжной пыли.

Передав эстафету Эрике, Питтс отправился по своим делам. Юэн шел позади, наблюдая, как блондинка то и дело старалась якобы случайно касаться Бернарда плечом. Фотограф, в свою очередь, либо не совсем понимал, что она делала это специально, либо просто не подавал никаких ответных знаков. Юэн усмехнулся и чуть не врезался во впереди идущих, когда те резко остановились.

– Мы подумали, что здесь неплохое освещение, поэтому несколько общих кадров можно снять отсюда, – сказала Эрика.

Бернард оценивающе взглянул на длинный стеллаж с книгами. Юэн не понимал, чем именно этот стеллаж отличался от десятков других в библиотеке, но решил помалкивать.

– Освещение не проблема, – обратился Бернард к Эрике. – Мы взяли с собой много оборудования.

Эрика закусила нижнюю губу и посмотрела в пол. Уши девушки окрасились в красный.

«Как мило и очевидно», – подумал Юэн и посмотрел на Бернарда, который никаких знаков смущения не показывал. Напротив, он выглядел даже несколько отстраненным, будто щелкнул по какому-то внутреннему включателю, переходя в режим «только работа».

– Я отойду минут на пять, осматривайтесь, – Эрика кротко кивнула и покинула их.

Бернард нырнул в ряд между стеллажей, Юэн последовал за ним.

– Слушай, – шепотом обратился он к фотографу. – Тебе этот Питтс не кажется каким-то странным?

Бернард остановился и провел пальцами по корешкам книг, доставая с полки одну из них.

– Потому что носит перчатки и ни с кем не здоровается за руку?

– И это тоже, но на самом деле в меньшей степени, как ни странно, – Юэн приблизился к Бернарду и заговорил еще тише: – И все же я слышал много версий. Кто-то говорит, что у него аллергия на книжную пыль и на руках от этого выступают покраснения. Кто-то считает, что он мизофоб, но никому в этом не признается. Некоторые утверждают, что это просто привычка из-за работы с книгами. Он же вроде раньше занимался реставрацией старых книг и рукописей.

Юэн испытующе посмотрел на Бернарда и приблизился еще на шаг, встав к нему практически вплотную.

– И что ты хочешь услышать от меня? – спросил Берна, положив книгу на место, и немного отступил.

– Ты с ним дольше общаешься. Должен знать, что из этого правда.

– Нет, не должен. Мы с ним не друзья, и он не делился со мной такими подробностями. Но очень похоже на последнее – просто привычка.

Юэн понимающе кивнул и, достав с полки случайную книгу, посмотрел на обложку и пролистнул несколько страниц, изо всех сил делая вид, что не обсуждал заведующего библиотеки, а просто разглядывал книги.

– Ну и ладно, – продолжил он шепотом. – Как я уже сказал, это не самое странное, – он вновь приблизился к Бернарду и прикрылся книгой, хотя в библиотеке кроме них и персонала будто никого и не было. – Тебе не кажется, что он производит странное впечатление? Вернее сказать, *никакое*, а тем оно и странное.

– Что ты имеешь в виду? – теперь Бернард выглядел заинтересованным, брови его нахмурились, а взгляд сделался пронизательным. Он даже не стал отступать, как прежде, несмотря на то, что Юэн вновь подошел слишком близко.

– Он вроде бы не нелюдим, со многими общается, но дружелюбным и общительным его не назовешь. Он носит костюмы светлых и даже ярких оттенков и по логике должен быть замечен, но он сливается с окружением. Когда он что-то говорит, он как диктофон, будто проигрывает заранее записанную речь. Ты смотришь на него и не понимаешь, какое впечатление о нем складывается. Что о нем думать? Он словно какой-то ненастоящий, как реквизит в театре, – внешне похож на человека, но ты чувствуешь, будто что-то не так. Даже не знаю, как сказать. Он какой-то полый, что ли.

На последней фразе Бернард наградил Юэна загадочным взглядом, словно он рассмотрел в нем что-то, чего прежде не замечал.

– А теперь скажи: у меня одного такое ощущение или тебе тоже так кажется? – Юэн сделал невозмутимый вид и вернул книгу на место.

Бернард выглядел озадаченным. Он смотрел куда-то на корешки книг, словно бы мог из букв названий составить подходящие слова для ответа.

– Есть такое, – наконец тихо произнес он.

Заметив движение в конце стеллажей, Юэн на мгновение посмотрел Бернарду за плечо и часто заморгал одним глазом, поднося руку к лицу.

– Мне что-то попало в глаз.

– Почему с тобой вечно что-то случается? – устало вздохнул Бернард.

– Посмотри, пожалуйста, – протянул Юэн и подставил лицо, закатив один глаз и чуть оттянув нижнее веко пальцем.

Фотограф неохотно повернулся и склонился к лицу Юэна.

– Голову выше подними. Не так сильно.

Пару секунд Юэн стоял неподвижно, но неприятное ощущение вынудило его снова несколько раз моргнуть. Прищурив один глаз, он встретился взглядом с Бернардом.

Юэну сразу вспомнилось, как они заезжали на почту и, сидя в машине, он увидел Макхью-старшего. Взгляды у них схожие, конечно, родственники же, однако Бернард все же смотрел иначе. Не так строго и отстраненно. Юэн опустил взгляд и заметил, как у Бернарда дрогнул кадык. Потом снова посмотрел ему в глаза.

– Я ничего не увидел, – сказал Бернард. – Скорее всего, просто пыль.

– Чешется.

– Я вам не помешала? – робко спросил женский голос, донесшийся из-за спины Бернарда.

Там, в начале стеллажей (или в конце, с какой стороны посмотреть), стояла Эрика, приклонив сжатую в кулак руку к груди. Взгляд у нее был отрешенный, казалось, она затаила дыхание и боялась сделать новый вдох.

– Нет, – ответил Бернард, оборачиваясь.

Юэн посмотрел сначала на него, потом на девушку и подскочил к ней, улыбаясь и щурясь на один глаз.

– У тебя случайно нет карманного зеркала?

Эрика непонимающе перевела взгляд с Юэна на Бернарда, затем снова на Юэна. Опустив руку, чуть приоткрыла пухленькие губы, покрытые блеском.

– Зеркала? – переспросила она.

– Ага, мне с этих пыльных книжек что-то залетело в глаз.

Эрика растерянно покачала головой. Юэн расстроено цокнул языком.

– Ладно, я тогда отойду ненадолго. Поболтайте тут пока без меня, – сказал он и, обойдя Эрику, обернулся через плечо.

Встретившись с Бернардом взглядом, он ему подмигнул и удалился, оставив фотографа наедине с девушкой в окружении книг.

«Ох уж это жалобное выражение лица, – думал Юэн, проносясь мимо книжных стеллажей. – Он словно молил меня остаться».

Он усмехнулся и, поскользнувшись, едва не впечатался в светло-голубое пятно, в самое последнее мгновение осознав, что это человек.

– Извиняюсь, – выпалил Юэн, замечая выставленные ладонями вперед руки в белых перчатках.

– Ничего страшного, – ответил Питтс, опуская руки и убирая их за спину. – Будь осторожен, здесь бывает скользко, – он улыбнулся, но как-то тускло.

Юэн не ощутил даже формального желания улыбнуться в ответ.

– Хорошо, – кивнул он и, обойдя Питтса, зашагал в сторону туалетных комнат, еще раз отмечая про себя, что заведующий библиотекой больше похож на имитацию, чем на живого человека, причем какие-то определенные факты, на которых могло бы основываться такое мнение, привести он не мог.

11

«Какого черта? Все нормально у тебя с глазом», – мысленно послал упрек Бернард, провожая взглядом удаляющуюся спину Юэна.

Сделал ли Юэн это специально или нет – уже было поздно его ругать. Но, учитывая то, как он неоднократно упоминал об Эрике, можно было сделать вывод, что все-таки специально.

Бернард тяжело вздохнул, ощущая стойкий запах книг и слабый сладковатый аромат парфюма девушки.

Эрика соединила руки за спиной (жест хоть и похожий на тот, который обычно совершал Питтс, но все-таки другой) и, беззвучно ступая мягкими кожаными туфлями на плоской подошве, медленно приблизилась к Бернарду.

– Что скажешь? Как тебе это место, подходит для съемки? – спросила она, склонив голову набок. Щеки ее покрылись легким румянцем, а по позолоченным серьгам-кольцам пробежался блик.

– Неплохо, – кивнул Бернард. – Здесь мягкий, уютный свет, и книги стоят ровно, как в магазине. Я бы еще поднялся наверх и осмотрелся.

– Это можно, – Эрика подошла на шаг ближе и заговорила тише: – Уже есть какие-нибудь идеи? С какого ракурса снимать лучше, например?

– Что-то есть, но нужно пройти по библиотеке и посмотреть. Может, приглянется что-то особенное, я тут давно не ходил.

– У меня есть кое-какие идеи... для фотографий, – сказала Эрика, поправив рукав блузки.

Бернард прекрасно помнил, что она упоминала об этом раньше. Он посмотрел на нее, всем своим видом демонстрируя готовность слушать.

– Я подумала, что только фотографии стеллажей с книгами не особо привлекут внимание, – сказала она, Бернард утвердительно кивнул. На пару секунд Эрика замолкла, посмотрев на корешки книг. – Интереснее увидеть увлеченных чтением людей. Например, я бы могла стать твоей моделью...

«Твоей моделью», – мысленно повторил Бернард, отметив, как Эрика интонацией выделила слово «твоей».

Однако он не сильно удивился ее предложению. Он уже наметил себе в планах, что хорошо бы сделать несколько фото с людьми в библиотеке, но почему-то не предположил, что свою кандидатуру выдвинет Эрика. Бернард полагал, что в кадрах засветятся случайные,

хоть и немногочисленные посетители с живыми эмоциями, что намного предпочтительнее, чем постановочное фото. К постановке можно было прибегнуть в любой момент, впрочем, если Эрика сама предложила такое, должно быть, побеседовав заранее с Питтсом... Тогда вполне очевидно, почему она сегодня принарядилась.

Бернард оценивающе смотрел на девушку, представляя ее с книгой в руках. Теплый солнечный свет хорошо бы играл на ее светлых волосах и выгодно бы подчеркивал матовую кожу, и аккуратная ладонь с тонкими пальцами тоже эстетично бы смотрелась в кадре.

– Конечно, – вдруг замялась Эрика, смущенная пристальным взглядом Бернарда, – в качестве фотомодели ты можешь взять своего ассистента, он выглядит фотогеничным...

– Юэна? – удивился Бернард, отмечая, что его уже долго нет, учитывая, что туалет, в который он направился, находился недалеко. – Может быть, он и фотогеничный, но на читающего человека не похож. В стенах библиотеки выглядит инородно. Так что твоя кандидатура подходит.

– Серьезно? – Эрика, наконец, подняла на него глаза, и щеки ее зарумянились. – Ты правда считаешь, что я буду гармонично смотреться в кадре?

Бернард пожал плечами и улыбнулся.

– Да, почему нет?

Девушка повернулась к нему с выражением искренней радости на круглом лице и развела руки в стороны, готовая заключить Бернарда в объятия. Однако именно в этот самый момент за ее спиной материализовался Юэн, бесцеремонно и громко известив о своем присутствии. Бернард поймал его взгляд, на мгновение показавшийся каким-то расстроенным и потерянным. Эрика опустила руки, отступила на шаг назад и даже не посмотрела на Юэна. Зато он, натянув на себя широченную улыбку, шагнул вперед и встал рядом с ней.

– Что будем делать, босс?

Бернард достал из кармана ключи и протянул их Юэну.

– Неси оборудование. И не забудь закрыть машину.

* * *

Юэн стоял около светильника с задумчивым видом и по просьбе Бернарда поправлял свет. Он шутиливо поворчал из-за того, что в одиночку таскал оборудование из машины, пока Бернард вместе с Эрикой ходили по библиотеке, рассматривая места, предположительно подходящие для съемок. Бернард предложил девушке сначала отснять все фотографии с ее участием, чтобы не отвлекать от работы, так как посетители в библиотеке все-таки появлялись, а подменить ее сегодня было некому.

– Ты меня не задерживаешь, – сказала Эрика на предложение, выразительно посмотрев на Бернарда большими светло-кариими глазами.

Тем не менее он уже определил порядок работ и отступать от намеченного плана не хотел. В качестве первой локации был выбран читальный стол на нижнем уровне библиотеки. Юэн в основном отвечал за свет, хотя его обязанности нельзя было назвать сложными и требующими особых усилий и знаний: включать и выключать лампу, перемещать ее, регулировать направление пучка света, менять насадки и прочее. Он также с интересом посматривал то на Эрику, разместившуюся с книгами за столом, то пересекался взглядом с Бернардом, который крутился у штатива с фотоаппаратом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.